

НЕВЛЯ

5 • 2005

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Виталий Лозовский, Станислав Кучер Консилиум	4
Александр Кусакин Гуманность – у параша	13
Кирилл Подрабинек Советы «пассажиру»	21
Юрий Александров Работать бесплатно можно	28
Об утверждении норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных...	38
Александр Маланкин В государевых тюрьмах	58
Сергей Пашин Технология ненормальности	77
Григорий Пасько Синг-Синг	81
Юрий Александров Нужны ли в России суды присяжных?	92
Виктор Хват Крик у порога	97
Владимир Ступаков Школа для осужденных	117
Наум Ним Смотрите, кто пришел	120
Алексей Мокроусов Готовый сериал	130

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Евгений Ихлов Львовские хроники	136
Дмитрий Фомин Уроки Львова	144
Наум Ним «И некому молвить...»	152

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Виталий Лозовский
Станислав Кучер

Консилиум

Опыт в письмах

Однажды кто-то из читателей моей интернет-рассылки¹ подсказал ссылку на сайт тюремных медиков². Конечно же, я сразу туда заглянул (коллеги ведь – да еще и по двум ипостасям одновременно!) и, почитав гостевую книгу, оставил там такую запись:

10 февраля 2005 года

День добрый!

Я врач, имеющий опыт 3-х лет отсидки и 12 тюрем. Сайт у вас хороший, конечно, молодцы, но похвалить всех тюремных медиков не могу.

Насмотрелся я немало, как люди заживо в камерах сгнивают, от чесотки – превращаются в ходячий струп. Сам несколько раз вскрывал заточкой однокамерникам гнойники.

Были и хорошие доктора – в Воронеже, например. Но очерстевших – большинство... Понятное дело, вроде врач, а вроде – лепила: выполняешь распоряжение тюремного начальства. В основном, бояться за свои погоны. Меня в Белгороде менты избili – лепила сказал «жить будет» – и все...

Мне о Вашем сайте читатели рассказали. В общем молодцы, что сделали.

Виталий Лозовский.

14 февраля 2005 года

Здравствуйте, Виталий!

Приятно получить послание от коллеги, и тем более интересно, что коллега – одновременно и мой «клиент».

¹ www.tyurem.net

² <http://lepila.tyurem.net>

Поясню. Я – врач медчасти одного из СИЗО г. Екатеринбурга. По тональности Ваших сообщений мне показалось, что мы с Вами находимся «по разные стороны баррикад» во взглядах на тюремную жизнь. Это вполне объяснимо.

Мои основные принципы такие:

1. Уголовно-исполнительная система – это система по определению **карательная**, исполняющая **наказания за преступления**, поэтому было бы странно ожидать доброты и помощи от персонала СИЗО, ИК и т.д. То же касается и условий содержания. Практически никто не попадает к нам просто так, многие – с тяжелыми статьями. Честное слово, сострадания к ним не испытываю. Вся система изначально построена так, чтобы сломить человека, отсюда и все нечеловеческие условия, и отношение.

2. Другое дело, что я, как добросовестный работник, стараюсь следовать всем пунктам должностной инструкции, а также медицинским этическим принципам, поэтому, видимо, за все годы работы в СИЗО ни одного нарекания в мой адрес от заключенных не было. Конечно, часто бывает, что симулянты и аграванты³ очень остро реагируют на «разоблачения», но, тем не менее, ни с одним из них впоследствии не было серьезных конфликтов.

3. Вы можете спросить: а как же права человека – заключенного? Здесь наши позиции таковы. Понятие прав человека в последнее время используется спекулятивно и однобоко. Почему-то никто не говорит о праве убитого на жизнь, о праве изнасилованной девушки на неприкосновенность и здоровье, о праве ограбленного на личную собственность. Зато о правах убийцы, насильника, грабителя – пожалуйста, сколько угодно. Поэтому для нас во главе угла – права потерпевших, о которых никто и нигде не говорит. Мы полагаем, что с этими пояснениями становится ясно, что почти никто из персонала учреждений не стремится очень уж строго соблюдать права заключенных.

С уважением,

Станислав Кучер,

администратор Пенитенциарного медицинского сайта.

15 февраля 2005 года

День добрый, Станислав!

По разные ли, или не совсем – однозначности нет.

---

³ Лица, преувеличивающие симптомы имеющихся у них заболеваний, в отличие от симулянтов, жалующихся на несуществующее заболевание.

Правда, меня удивило Ваше письмо. Суд приговаривает человека к **лишению свободы**, а получается, что Вы еще и по своей инициативе накидываете ему лишений. Затем эти обозленные на государство и его представителей люди возвращаются и готовы разорвать любого мента, да и на государство любимое по возможности болт забить.

Вы правильно написали, что система построена так, чтобы сломить человека. Вы озвучили то, что тюремное начальство скрывает за красивыми словами. Вот только нормально ли это? Вы выращиваете матерых ушлых преступников. Мелочь ломается, а крепкие волки станут еще крепче. А потом удивляемся, откуда у нас такая изошренная и хорошая организованная преступность.

Понятно, что симулянтов немало, да и просто лентяев, но и нормальных людей ставят в такие условия, где каждый выживает, как может. Или, скажете, нормальных там нет?

Нас, например, избили (около 50 ударов принял я лично, поскольку организовал это, остальные – не намного меньше) в Белгородском СИЗО за то, что мы требовали хотя бы относительно сносного питания. Это нормально? После бунта, кстати, кормить стали нормально.

Вы – исполнители наказания, которое предусматривает закон. Но вам этого кажется мало, и вы творите самосуд.

Много у нас в системе исполнения наказаний надо бы менять... Зверская система... а мир спасет красота, говорил классик.

*С наилучшими пожеланиями
Виталий Лозовский.*

17 февраля 2005 года

Здравствуйте, Виталий!

Действительно, законом предусмотрено только лишение свободы и части гражданских прав для осужденных, а для подозреваемых и обвиняемых и того меньше – все права для них сохраняются.

Здесь я сделаю заявление, которое, возможно, покажется Вам странным: я считаю, что наше государство (а точнее, закон) излишне гуманно. Дело в том, что, по моему мнению, менталитет российского преступника – это совсем не то, что, скажем, голландского или шведского. Это там заключенного могут отпустить домой на выходные, а нашего попробуй отпусти. Большинство таких либо сбежит (что, в общем, логически понятно), либо, что вернее, напьется и по пьянке кого-нибудь убьет. Или то же самое, но на трезвую голову.

Кроме того, как показывает опыт, с большинством заключенных невозможно продуктивно общаться: каждый ищет либо подвох, либо,

что чаще, личную выгоду. И это, заметьте, не зависит от условий содержания и отношения, а определяется тем, что у человека в голове. Единственное исключение из этого правила – это смотрящие, которые, как правило, весьма здравомыслящие, хотя и порочные люди.

Очень многие заключенные – это в прошлом дети из неблагополучных семей, или наркоманы, или люди с энцефалопатией разного генеза, в том числе алкогольного, которые в принципе не понимают нормального языка, а реагируют только на окрик, побои, карцер/ШИЗО и т.п.

Вот Вам пример гуманизации обращения с заключенными: с окон в камерах сняли жалюзи – стали гонять коней между камерами и корпусами. Перестали бить малолеток – они стали позволять себе хамство, угрозы по отношению к персоналу, в камерах появились случаи убийств. Стали лучше кормить – появились недовольные качеством питания, пишут жалобы и т.д.

Все это я веду к тому, что бесполезно что-либо менять в нашем законодательстве в плане гуманизации. Разруха, как говорил другой классик, начинается в головах. Напротив, как я уже говорил, УИС – изначально карательная система, основные принципы работы заложены еще в сталинское время, и ей и надо такой оставаться. Она такой сделана не зря, а с учетом психологии нашего преступника. Политика пряника в данном случае, как показывает практика, к сожалению, результатов не приносит. Такие вот потуги на гуманизацию и воспитывают, как Вы пишете, матерых преступников, особенно из малолеток.

Я не говорю, что всех надо избивать или унижать, но некоторых – непременно. А некоторых нелишне и расстрелять.

Есть и другая сторона проблемы – недостаточно высокий уровень профессионализма персонала учреждений УИС. Не секрет, что многие из них, как говорится, «от сохи» либо просто со своими странностями, и найти с ними общий язык бывает очень трудно. А где взять хороших работников? Трудно найти. То, что Вас били в Белгороде за законные требования, – это, конечно, ненормально. А то, что после стали кормить нормально – так это только ради того, чтобы шума было меньше.

Что же касается самосуда – здесь вопрос отдельный.

Любому нормальному человеку присуще чувство мести. Око за око. Потерпевший, как правило, не может отомстить своему обидчику (хотя очень хочется – я сам был однажды ограблен и избит, а другой раз обворован). Почти каждому работнику СИЗО/ИВС/ИК приходится перебарывать в себе бессознательное или явное чувство мести к преступнику (мои воры, кстати, потом у меня и сидели, и я их даже лечил, не сказав, правда, что я их потерпевший). Может, это и неправильно, но с психологией не поспоришь.

В то же время для общего блага необходим профессиональный подход, по принципу «ничего личного, я только делаю свою работу». Работа преступника – совершать преступления, наша работа – лишать свободы. И не более того. Я сам всегда стараюсь следовать этому принципу, и это дает положительный результат, хотя некоторые воспринимают мою работу как ущемление их личности.

В общем, каждому свое.

С уважением, Станислав Кучер.

09 марта 2005 года

День добрый, Станислав!

Во-первых, хочу поблагодарить за откровенность – это значительно лучше, чем декларировать одни ценности, а следовать другим, что зачастую делает Ваше более высокое начальство. Это открывает возможность для разговора и нахождения точек соприкосновения, тогда как в противоположном случае это обычно лишь пустая трата времени.

Поначалу я был возмущен Вашим признанием того, что пенитенциарная система призвана не исправлять, а ломать человека, туда попавшего. Но позже пришло понимание (за что особенно Вам благодарен), что и такая точка зрения имеет право на существование, и она формировалась у Вас на протяжении Вашей жизни. И не только у Вас, но и у большинства работников УИН. И если мы (собственно, я говорю о себе, хотя знаю немало людей, разделяющих такую точку зрения) хотим что-то изменить, то надо принимать это и понимать, что так считает большинство нашего общества.

Знаете, я за годы отсидки общался со многими матерыми преступниками и убийцами, впрочем, как и Вы. И за это время не обнаружил ни одного «конченого» человека, душа которого бы не тянулась к свету и которого бы я считал за лучшее отправить в расход. Это правда, что многие из них, оказавшись на свободе, снова совершат преступления, и многих может остановить только такой репрессивный опыт, какой имеется в наших тюрьмах и зонах. Но это их мировоззрение, которое также формировалось у них под влиянием нашей действительности – как и Ваше.

Вы сами пишете, что «очень многие заключенные – это в прошлом дети из неблагополучных семей». Добавлю: и из неблагополучных районов, где нет никакой перспективы, и из неблагополучной страны. Но этим Вы признаете, что то, что сделало человека преступником, не целиком зависит от него, а во многом он – тоже жертва. Жертва отношений в семье и обществе. И он исходит точно из тех же позиций, что и Вы. Насилие и мести. Он не видит – как и Вы – иного способа дос-

тичь своих целей, как только через насилие. Украсть, отобрать, кинуть, убить (у Вас – сломить, наказать, казнить) мешающих благополучию и посягающих на него. Он мстит обществу и его «благополучным» членам за свое «неблагополучное» детство и жизнь.

Вы нашли для себя, может быть, некоторую золотую середину между своими убеждениями и этическими принципами, в том числе врачебными: более или менее старательно выполняете должностные инструкции и считаете, что Ваша совесть чиста. Но если условия изменятся? Вы, естественно, последуете своим убеждениям, которые говорят, что посягнувшим на Ваши идеалы надо мстить. Насилие и месть – это отправные точки идеологии нашего сегодняшнего государства.

Только я для себя усвоил (вероятно, и Вы со мной согласитесь), что любая борьба усиливает обе стороны. И временный победитель, продолжая исповедовать свою идеологию и образ поведения, завтра обязательно столкнется с новым «врагом», еще более сильным. Маленько победили мелкую и уличную преступность – на арену вышла организованная. Боремся с организованной, а она прорастает в государство и становится государственной, а затем и межгосударственной. И уже непонятно, кто с кем борется. Начинается новый круг – теперь уже преступное государство борется снова с мелкими преступниками, чтобы их детям было спокойно ходить по улицам. В процессе борьбы мелкие преступники снова становятся хитрыми, сильными, матерыми, и снова начинают организовываться, и т.д. Это замкнутый порочный круг. Сколько столетий нужно наступать снова и снова на одни и те же грабли?

Почему бы не попытаться разорвать этот круг и не проявить внимание и сочувствие к тем, кого Вы называете преступниками? Может быть, им помощь нужна? Я не утверждаю, что не нужны тюрьмы или что сроки должны быть меньше. Наоборот, сейчас эта система в формальном плане, в принципе, сбалансирована с учетом, как Вы говорите, «нашего преступника». Нужно изменение отношения к человеку, туда попавшему. Не ломка и месть, а помощь и сотрудничество. С человеком хотя бы надо поговорить. Но только кто это делать будет...

То, что Вы сказали об арестантах (наркомания, алкоголизм, энцефалопатия), в полной мере относится и к сотрудникам системы. Подавляющее большинство (я говорю с полной ответственностью) сотрудников УИС – сами жертвы общества и семьи, люди неполноценные, от безвозвратного алкоголизма и опускания их удерживает только сама система, требующая приходить на работу трезвым.

И даже если бы сейчас кто-то вдруг из высшего начальства проснулся и посмотрел на все это б...ство и сказал «так дальше жить нельзя», то его

светлые мысли воплощать в жизнь было бы некому. Нужно изменение мировоззрения всего общества. К управлению должны приходить люди без агрессии и злобы в душе. А пока есть то, что может сделать каждый для изменения качества своей жизни и жизни общества – научиться прощать. Без этого ничего не произойдет, и любые формальные усовершенствования системы рано или поздно захлебнутся злобой и нетерпимостью.

Прощение – основа благополучия и психического здоровья, и не зря это самая первая и важная христианская ценность. Именно умение прощать, а не формальное следование заповедям, относит человека к христианской вере. Оно нужно с обеих сторон, но кто-то должен начать первым. А кто же, если не более ответственный и сознательный, которыми и являются сотрудники УИС, несмотря на все то, что я только что сказал, поскольку они все-таки, как бы там ни было, стали на сторону порядка и созидания. Вторым их шагом должно стать прощение. Попробуйте поговорить с самыми матерыми и презируемыми Вами. Поговорить по душам, без масок и стереотипов, за чашкой чая. Попробуйте узнать, что руководит ими – по крайней мере, Вы же ничем не рискуете, кроме своей озлобленности.

Собственно, для чего Вы сделали сайт и вышли, таким образом, на трибуну – Вас ведь тоже вряд ли все устраивает в Вашей жизни?

*Всех благ.
Виталий Лозовский.*

22 апреля 2005 года

Здравствуйте, Виталий!

Эпиграфом к нижеследующим мыслям хочу сделать цитату из «Одиссеи капитана Блада»: «...Человек... это не венец природы, а ее отвратительнейшее создание, и только идиот мог избрать себе профессию целителя этих созданий, которые заслуживали уничтожения».

Мы действительно говорим на разных языках, но тем не менее в переводе не нуждаемся, в том смысле, что не такие уж они и разные.

Я тоже за годы работы общался и с грабителями, и с убийцами, и с прочими подобными людьми. И я бы не стал говорить, что это не конченые люди. Приведу пару примеров.

Однажды ко мне на прием пришел приличного вида молодой человек, от которого пахло одеколоном, что большая редкость в СИЗО. Это обратило на себя внимание, и у нас состоялся небольшой диалог:

- Вы осужденный?
- Да.
- По какой статье?

- По 105-й.
- А срок какой?
- 20 лет строгого.
- Понятно. «Работник ножа и топора»?
- Ножом не работаю.
- А чем же?
- Винтовкой.
- И каковы результаты?

Тут он несколько замялся, и я тогда уточнил:

- Ну, больше 10?
- Больше.
- А почему вы это делали?
- Я делал свою работу. У вас работа здесь, а у меня – там.
- А как оплачивалась работа?
- Смотря какой клиент.
- Ну, например, губернатор.
- От 15–20, а если кто-нибудь простой, как вы, например, то 2–3 тысячи долларов.

На этом наша беседа завершилась.

Вот скажите мне, это конченный человек? Или, освободившись, он станет, например, водителем, или кем-то еще, обзаведется семьей? Сильно сомневаюсь.

Еще один пример. У нас сидел один детоубийца. Он сделал так: переодевшись в священника (!!!), прошел в роддом и задушил пятерых новорожденных.

Кто будет с ним разговаривать, кто его будет прощать? Мы – нет. А Вы? Эти люди, несомненно, заслуживают уничтожения, и не столько из мести, сколько из соображений безопасности для общества и профилактики рецидивов, выражаясь по-медицински. Вы же понимаете, что гангрену лечить бесполезно, нужно отнимать ногу. Так же и тут.

Не спорю, среди заключенных есть люди, которых не назовешь отъявленными злодеями – беднота, малолетки из неблагополучных семей, деды, по пьянке убившие своих бабок, и т.д. С ними можно еще о чем-то говорить, и то не всегда. А вообще, прощать – это не наше дело. Это дело суда – человеческого и высшего. Мое дело – даже не исполнять наказания, а лечить «эти создания». И вправду довольно идиотское занятие, если задуматься.

Я, как ни стараюсь, не могу понять и простить людей, которые вынесли все подчистую из моей квартиры, других людей, ограбивших и избивших меня, укравших у моей жены кошелек с зарплатой за месяц.

Бог им судья. Пусть он их прощает, если сочтет возможным. А я буду делать свою работу.

С уважением, Станислав.

25 апреля 2005 года

День добрый, Станислав!

Человека надо рассматривать со всех сторон и, в том числе, в общей картине мира. Поговорили бы Вы с таким киллером в минуты его откровения или отчаяния, узнали бы о его страхах и душевных болях и наверняка бы сменили отношение. Второй описанный Вами случай – это уж совсем похоже на психическую болезнь, и содержать его вероятно надо будет в «дурке» (при таком «анамнезе» его разорвут сами зеки, самое меньшее опустят – это наверняка, не раз такое видел и описывал в своих рассказах).

Примеров можно было бы привести массу, и Вы, и я это можем. Поразмыслить бы надо над другим. Если Вы считаете, что мир – явление случайное, и ничего, кроме нашего ежедневного сознания и нашей жизни, нет, то есть нет Бога, то Вы совершенно правы. В таком случае основной ценностью должно быть удовлетворение повседневных потребностей – пища, развлечения, безопасность. Все, что мешает человеку и обществу, должно быть уничтожено, и прощение – вещь бессмысленная и ненужная.

Если же предположить, что мир создан, и есть Творец, и в этом всем есть некая цель, то это дело совсем другое. Промежуточных же вариантов я не вижу. Так не может быть, чтобы что-то имело цель, а что-то нет, что-то в мире создано случайно, а что-то по Божьей воле.

Поэтому если у Вас есть хотя бы что-то, что мы называем верой в Бога, Вы обязаны распространить эту веру на всю свою жизнь и на все события, которые в ней происходят.

И в этой картинке уже найдется место и преступникам и преступлениям, и психически больным, и, что самое главное, прощению. Ибо если все имеет цель, то и преступники – творенья Божьи и никому не закрыта дорога к покаянию. Преступник должен быть наказан и осужден судом – во всем прочем не нам судить, почему мир так устроен. И помочь этим людям ощутить и свою причастность к Мирозданию и обрести смысл в жизни – величайшая помощь. Которая и начинается с прощения и неосуждения.

*Всех благ,
Виталий Лозовский.*

Гуманность – у параша

Когда-то я очень много думал о следственном изоляторе, о тех причинах, по которым туда помещают людей, и тех условиях, в которых их вынуждают существовать. Пережив все это на собственном опыте, я знаю ответы на эти и многие другие вопросы. Знаете ли их вы? Не уверен, но в любом случае не собираюсь никому навязывать своего мнения, поэтому и предлагаю этот рассказ в качестве почвы для размышлений, стараясь сохранить беспристрастность настолько, насколько это возможно сделать, будучи непосредственным участником всего описанного...

...Хочу ли добавить что-нибудь? Да, пошли вы все, господа, в задницу! На этом заседание заканчивается, а женщина-судья с усталым видом скороговоркой сообщает, что отныне я и еще двое бедолаг (суды об избрании меры пресечения напоминают конвейер и выдают продукт для СИЗО пачками) помещаемся в следственный изолятор. Именно с этого момента приходит первое понимание того, что начался период, когда никто не намерен нас выслушивать, верить и доверять. Это новое качество, новый статус – арестант (или, если по букве закона, подследственный).

В следственном изоляторе содержатся люди, которые еще не признаны преступниками (осужденными) в установленном законом порядке, а посему формально по-прежнему являются невиновными (переход в статус обвиняемого происходит с момента вручения соответствующего постановления). Незначительная часть этих людей будет даже оправдана, а в отношении кого-то уголовное дело будет просто прекращено. Вот она, презумпция невиновности в действии, а вон возле параша приютились основополагающие принципы российского судопроизводства – гуманизм, справедливость и равенство. В лучших традициях «совка» люди, не будучи осужденными, реально несут наказание и начинают его отбывание с первых дней пребывания в СИЗО.

...В шесть часов вечера «автозак» доставил нас в СИЗО № 1 г. Москвы (ИЗ-77/1) – «Матросскую тишину». Первое, что шокирует, это страшная переполненность любых помещений. Она сопровождает весь срок пребывания в «Матроске», где бы вы ни были. Даже одного человека разместят так, чтобы было тесно; для этого есть «стаканы» – бокс метр на метр с шубой на стенах и узенькой лавочкой на полушарие «заднего ума».

По приезде разношерстную толпу из разных уголков Москвы (многие носят на лицах следы знакомства с доблестной милицией) шмонают – не гнушаются спереть даже зубную пасту и завалящий «Сникерс», а потом все 50 человек заталкивают в камеру три на семь метров с лавками-полочками вдоль стен. Это «транзитка» или «сборка» – своеобразный отстойник, пребывание в котором предваряет любые перемещения арестанта.

Второй шок, наступающий вслед за первым, это запах. Тюрьма пахнет страхом, отчаяньем и болью, замешанными на запахе пепельницы, дымящейся десятком истлевших окурков, и всей гамме ароматов продуктов жизнедеятельности человека.

Пьяные мусора, плюющие на все законы и нормы; пьяная разухабистая медсестра, с третьей попытки насаживающая вены арестантов на одну и ту же иглу от капельницы (кровь сдавали все вместе, ВИЧ-инфицированных попросили проявить сознательность и стать последними); отборный мат и презрение ко всему человеческому. Бесконечные коридоры, подземные переходы, крики, звуки ударов и запах страха, животного страха, намертво пропитавшего эти казематы. И железо – в любых видах и проявлениях: решетки, замки, нары, двери, скамейки, – оно везде. Корявое, ржавое, но неумолимое по отношению к людям, оно да колючая шуба на стенах хранят память о своих узниках...

Только глубокой ночью нас оставляют в покое – приводят в одну из камер карантина, отсюда пойдет распределение по камерам изолятора. Первое знакомство с «фирменным» хлебом «Тишины» – спецвыпечкой. Возможно, хлеб печется по рецептам блокадного Ленинграда, а может быть, администрация просто поставляет продукт двойного назначения – на дрожжи для браги и клей. В любом случае, когда первый раз видишь «матросскую» баланду, да еще и со спецвыпечкой, сразу вспоминаешь победные реляции чиновников о том, что в изоляторах хорошо кормят. Лично я из всего «многообразия сбалансированного питания» брал утреннюю пайку хлеба (грамм 100 белого) и сахара. Все остальное есть нельзя. За исключением крайних случаев. Выбрасывать постельное белье и посуду, правда, не стоит (такое желание приходит сразу после их получения), так как тряпье представ-

ляет в глазах администрации гораздо большую ценность, чем сам арестант. Поэтому, когда настает пора покидать СИЗО, применяется излюбленный прием: открываются двери в камере, и просят предъявить казенное имущество «переселяемого» в таком-то количестве. И до тех пор, пока это требование не будет выполнено, дверь не закрывается (к негоднованию обитателей камеры – а вдруг шмон?) и никто никуда не уходит. Если же «хозяйская казенка» заняла подходящее ей место в мусорном бачке, «хата» обязана отдать другое тряпье.

Нас размещали по камерам общего корпуса, самого большого, грязного и запущенного. Здесь надо отметить, что «Матроска» состоит из множества корпусов (следственный, общий, специальный, больничный и т.д.), соединенных подземными и наземными переходами. Новичков размещают в камеры общего либо специального корпуса. Принцип, по которому идет распределение, не поддается никакому здравому объяснению, но разница между корпусами огромная: общий – это переполненные камеры по 70–90 человек, а специальный – это 6–8 человек в «хате». Есть еще Лефортовский и малый специальный корпуса, но попадание туда гарантировано лишь обладателям VIP-статуса либо тем, кто признан особо опасным или проходит по делу исключительной важности.

...Когда открыли дверь камеры и я шагнул внутрь, передо мной предстала картина, которую я не забуду никогда. Однажды по телевизору я видел репортаж о перенаселенности «Матроски», теперь же я сам был действующим лицом этого репортажа. Это был шок! Девяносто человек на ограниченном пространстве – свалка тел в два яруса! И в этой толпе предстоит провести минимум полгода! На несколько дней нормальный человек впадает в ступор – на тюремном жаргоне «отдупляется». Были случаи, когда это приводило к суицидам и сумасшествию... Много позже мне попалось интервью главы ГУИН РФ В.У. Ялунина, где он бодро отчитывался перед соотечественниками о проделанной работе. О четырех квадратных метрах на каждого арестанта, о телевизорах, холодильниках и вентиляторах в каждой камере. По иронии судьбы газета попала в СИЗО, где во время прочтения интервью на моих четырех квадратных метрах помимо меня находилось еще восемь человек, так как своих «метров» у них не было; в камеру, где не было ни телевизора, ни холодильника, ни радио. А вентилятор выключил «продольный мусор», так как ему дуло на коридоре...

Те полгода, которые я упомянул выше, не регламентированы ни одной процессуальной нормой, но мне не довелось встретить никого, кто был бы осужден и этапирован за меньший срок. И это в том случае, если сле-

дователь закрыл уголовное дело за минимальный срок, а суд рассмотрел его без особых проволочек. Если же ведется серьезная борьба с обвинением, то очень долгое пребывание в «Тишине» гарантировано. Мне известны случаи, когда следствие шло по два, а то и по четыре года (вместе с судом). Статья 109 УПК РФ допускает содержание под стражей до 18 месяцев плюс время, необходимое для ознакомления с материалами дела. Вроде бы предусмотрено все. Но дальше наступает судебная «стадия», которая с отпусками-ропусками, болезнями-неявками может длиться сколь угодно долго, а обвиняемый все это время кормит клопов и вшей в СИЗО...

Когда начинаешь знакомиться с людьми, то очень часто ловишь себя на мысли: ну, неужели это преступники? Да ведь ребята просто попали в беду, которой можно помочь, но за это необязательно карать. О беде постоянно напоминают «судовые» (те, кто приезжает из суда) и их приговоры. В мой первый день в камере из суда вернулся 19-летний парень, получивший срок, эквивалентный его возрасту – 19! Его лицо забыть трудно... Еще труднее получить меньше 7 лет по приговору – это везение. Мне становится смешно и горько, когда я читаю в прессе о страшных злодеях, сидящих в тюрьмах. Где они? Я видел людей, совершивших ошибки, севших по глупости, тех, кому не оказалось места в современной жизни, но настоящих преступников, то есть тех, кто осознанно и целенаправленно шел на совершение преступления, встречал мало. Тогда же я впервые задался вопросом: почему государство, которое не в состоянии обеспечить нормальные условия содержания в СИЗО, продолжает эти массовые репрессии граждан?

При этом происходящее в «Матросской тишине» ни для кого не является секретом. И Минюст РФ, и Уполномоченный по правам человека знают, что по ряду позиций ИЗ-77/1 г. Москвы недалеко отстоит от средневековой тюрьмы. Особенно по части антисанитарии. Здесь я впервые увидел несколько видов вшей, клопов и тараканов. Белье в прачечной не стирается, санитарная обработка камер и проветривание не обеспечено, баня – через семь дней на восьмой. Соблюдение гигиены становится вопросом жизни, так как любая царапина заживает очень долго, может загноиться вплоть до гангрены. «Начал гнить» – это о каждом втором арестанте «Матроски», это бич тюрьмы. Мышечная ткань прогнивает до кости, постоянно выделяя потоки гноя и сукровицы. Обращаться к врачу бесполезно. Хлорный раствор, «зеленка» и марганцовка – вот весь перечень средств от любых болезней.

Врача здесь называют «лепила». Иногда я задумывался, что же думает о своем моральном облике такой врач, а потом понял – они, как

большинство мусоров, избрали себе самый примитивный вариант оправдания: «Такова моя работа!». Так же, наверное, рассуждали и истопники в Освенциме, и фашистские доктора, ставившие эксперименты на детях. Когда у меня была температура 39 градусов, а голова болела так, что хотелось расколоть ее о стену, я попросил у «лепилы» таблетку аспирина. В ответ услышал, что ничего нет, финансирование иссякло и т.д. Уже потом я понял, как бороться с их пофигизмом. Пишешь заявление на прием, когда тебя вызывают – набираешь «заказы» на лекарства от других арестантов и, как только начинается песня «об иссякшем финансировании», нагло заявляешь: «Надо то и то в таких-то количествах, если не дадите – 70 человек из такой-то камеры будут каждый день писать заявления на прием к вам! А если добавите два бинта и пласт анальгина, на этой неделе о нашей камере не услышите!» И ведь сразу же все находилось, и «финансирование» возобновлялось.

Но вернемся к причинам, по которым людей помещают в этот ад. Доводы суда таковы: отсюда подследственный не сможет скрыться, здесь он не сможет влиять на следствие и участников процесса. Я намеренно умалчиваю о таких формулировках, как: «подозреваемый обвиняется в совершении тяжкого (или особо тяжкого) преступления, а посему представляет опасность»; «подозреваемый не имеет постоянной регистрации в Москве и может скрыться» и другие. Встречаются они часто, но, по большому счету, незаконны.

Так вот: о следствии на «Матроске» я забыл достаточно быстро. Все! Следователь добился своего – меня «закрыли». После этого он не спешил, так как быстрое решение дела уже перешло в сферу моих интересов. Приезжал он, когда хотел, а также когда его «хотение» не шло вразрез с занятостью моего адвоката. Мои показания его мало интересовали, поскольку их «выбили» в достаточном количестве еще в отделе.

В итоге таких ненавязчивых встреч мы добились взаимовыгодных результатов. «Мегрэ» закрыл уголовное дело о совершении одного особо тяжкого и двух средней степени тяжести преступлений (вооруженный разбой с проникновением, незаконное ношение и хранение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему), а я успел подготовить предстоящий развал дела в суде. В итоге: у него – благодарность и премия за меня, а у меня – 3,5 года зоны вместо 10 (если бы дали по минимуму).

Парадокс следствия в СИЗО в том, что никто не лишается возможности уклоняться от допросов. Ну, не хочу я ничего говорить, и тем более видеть посылую мусорскую рожу! Зову вертухая и говорю: «Старшой! Пошли домой!» Как бы ни бесился следак, что бы ни гово-

рил, сделать он ничего не может – он по боку вертухаю! Это я веду к тому, что ничто не мешает мне «оказывать воздействие на следствие и укрываться от дачи показаний».

И еще как воздействовать! В каждой камере «Тишины» есть не одна «мобила», и связаться с волей нет никаких проблем. Мусора об этом прекрасно осведомлены, но несмотря на все попытки «заглушить голоса» общение с волей продолжается. Звонят и близким, и свидетелям, и «терпилам», и даже следакам. Это хороший бизнес, и любая борьба с ним неизбежно наталкивается на противодействие со стороны арестантов и... операторов...

...Раздобревший следователь, не артачась, регулярно подписывал разрешения на свидания с людьми, не попадающими в категорию близких родственников, – также отличная возможность связи с волей. И хотя по переносимым страданиям свиданки стояли где-то недалеко после поездок в суд, пользовались ими многие. В «Тишине» они проводятся в три смены, и хуже всего угодить в первую, самую раннюю. Где-то около 7 утра арестанта «выдергивают из хаты» и начинают перемещать по всевозможным «стаканам», «сборкам» и пустующим камерам, пока, проклиная всех на свете, вы, продрогший (если не лето), не окazyваетесь за тубкорпусом в помещении для свиданий. Само свидание проводится в 10 часов утра, то есть весь «вояж» занимает более трех часов, а с учетом обратной дороги может составлять и все шесть. Наверное, они стоят того, ведь родственников и прочих весьма трогает ваш вид за решеткой с кургузой телефонной трубкой в руке. Кроме того, повторяю, это одна из немногих возможностей связи с внешним миром, особенно, если мобильная связь по каким-то причинам недоступна. Вы спросите: а как же почта? На собственном опыте убедился, что лучше ею не пользоваться. Это следственный (!) изолятор, и я знал недалеких людей, потом находивших свои письма в материалах уголовного дела. Цензура здесь очень жесткая, и ее качество лучше не проверять. Часто письма просто теряются, а уцелевшие доходят до адресата иногда лишь через месяц. Такими же темпами происходит доставка корреспонденции со свободы, и вручается она только по пятницам. «Предприниматели от УИН» и здесь изобрели способ пожить на чужом горе. За небольшую сумму в здании СИЗО родственники могут приобрести тюремный конверт со штампом ИЗ-77/1. В этом случае письмо попадет к адресату в ближайшую пятницу.

Если продолжать тему коммерции, то неизбежно мы придем к вопросу о необходимости денег в СИЗО. За деньги можно: отмазаться от

мусоров и шмона, купить у них же водку или спирт и сигареты, залечить зубы (для прочих бор-машина сломана), оплачивать передвижения по тюрьме (ну захотелось повидать земляка или отметить день рождения друга у него в камере) и другие услуги ментов. Природа такой коррупции понятна: рядовой сотрудник получает жалование около 5 тысяч рублей, что по меркам Москвы приравнивается к ниществу, а тут такой соблазн...

Рано или поздно начинаются поездки из СИЗО в суд, и это самое большое испытание, поскольку в любое время года эта процедура превращается в пытку. Начинается она с того, что в 6 утра всех «судовых» выводят из камер, забивают в теснейшую «сборку» и держат до 10 часов, когда начинается трамбовка в автозаки. Мне не повезло с судом – из Чертаново судовых забирали первыми, а привозили последними, то есть автозак ездил по всевозможным судам, выгружая (забирая) судовых, а «чертановские» выходили последними. Что такое переполненный – начинаешь завидовать балтийским шпротам – автозак, трясущийся в московских пробках на тридцатиградусном морозе или испепеляющей жаре, объяснить не получится, это надо испытать.

В суде арестантов ожидают в конвойном помещении старые знакомые – «эмвэдэшные» мусора. Правда, бить скорее всего не будут (либо будут, но без следов). Возвращаться из суда предстоит вечером, в 11–12 часов ночи «судовой» попадет в камеру изолятора, независимо от того, состоялся суд или нет. Исключение составляют те, кого судит Мосгорсуд, – их перевозят отдельно и возвращают в СИЗО сразу же. После первой своей поездки в суд я больше никогда не ездил туда без денег. При их наличии вы вырастаете в глазах мусоров конвоирки до почтительной категории клиента. А для него мусор готов на все – он принесет, что душе угодно (от гондона до батона), пропустит в конвоирку хоть всю солнцевскую ОП, но главное – разрешит передачи от родственников и друзей с любым «запретом». Даже кипяток имеет свою цену – 50 рублей за стакан, а без кипятка сухой паек, выданный в СИЗО, съесть невозможно. При мне случилось ЧП, когда под одной из лавок на «сборке» «Матроски» мусора нашли пистолет ТТ. Его привезли судовые, но побоялись нести дальше и сбросили...

Вынесение приговора означает поворот в жизни арестанта – теперь время пошло вспять, общество вынесло свой вердикт, и срок его действия точно известен. Он несет своеобразное облегчение от пережитого и томительное ожидание перевода в «осужденку» – такую же

переполненную камеру, но где сидят люди уже в качестве осужденных. Кого-то переводят через день, кого-то через месяц. В осужденке СИЗО предстоит провести не менее месяца до того момента, когда умы из УИНа не решат, в какую же глушь завезти арестанта. При этом в каждой хате, как правило, есть достаточно точный график этапов с указанием пункта назначения (между прочим, великая тайна УИНа), но попасть в желаемый этап можно только при помощи «волосатой лапы» и денег. Расценки колеблются от 500 до 3000 «вечнозеленых» в зависимости от выбранной «зоны»...

Напоследок скажу еще одно – жаловаться на условия содержания в «Матроске» бесполезно. Ни одна из комиссий разных уровней не заметила серьезных нарушений требований закона и норм санитарии. А одной европейской делегации так сумели «втереть очки», что те даже признали СИЗО № 1 соответствующим европейским требованиям.

Больше года назад распрощался я с «Тишиной», с ее грязью, вшами, сменой Саши-пьяного и беспредельным «шмонщиком» Ваней. Но вот забыть ее вряд ли удастся...

Р.П. Гуревич.
Человек в законе.
М., ОГИ, 2005. 189 с.

Раф Гуревич, проведя за решеткой четыре с половиной года, имел возможность наблюдать тюремную и лагерную жизнь конца советского и начала постсоветского периодов. А опыт журналиста позволил превратить увиденное в полезную книгу. Первая часть ее представляет собой полноценное учебное пособие для любого, кто, не имея должного опыта, впервые знакомится со следственными органами, судом, тюрьмой и лагерем. Вторая часть книги, состоящая из отдельных рассказов, – что-то вроде хрестоматии, наглядного пособия к дидактическому материалу первой части.

Советы «пассажиру»

Пишущие люди сидят редко, а люди сидящие редко пишут. «Счастли-вое» исключение представляет Раф Гуревич, профессиональный журна-лист, четыре года и четыре месяца проведенный в местах заключения. При-обретенным опытом он и делится с читателем в своей книге «Человек в законе», второе издание которой увидело свет в нынешнем году.

Арестованный в 1990 г., Раф Гуревич застал лишь краешек советс-кой тюрьмы, зато смог поведать о тюрьме постсоветского периода. И то сказать, недостатка в лагерных воспоминаниях советского времени нет. Тогда перо многих приводило в тюрьму, и благодарные историки легко могут ознакомиться с ее бытом и нравами. Но тюрьма недалекого прошлого, тюрьма нынешняя, знакома читателю плохо. Тут нет беды для историков, у них все впереди. Через несколько десятков лет на-стоящее станет приемлемым для изучения прошлым, и можно будет спокойно изучать нашу эпоху по сохранившимся воспоминаниям. Но нашим современникам хуже. У них нет в запасе столько времени, а любого из них могут посадить сегодня. Книга «Человек в законе» под-готовит к такому испытанию. Случайному для одних, закономерному для других. Советы Рафа Гуревича рассчитаны в основном на первых. Хотя, при некотором критическом подходе, полезны и вторым.

Книга состоит из двух разделов. Первый, дидактический – советы по-павшему в заключение. Некоторое время тому назад подобный жанр стал модным. Назидания «как вести себя в тюрьме» различных авторов дос-тупны читателю. Спору нет, подобная справочная литература полезна как первоначальная информация. Но, в конце концов, формальные правила поведения новичку в камере объяснят. Не делай того-то и того-то, соблю-дай то и это. Например, не иди на толкан, если сокамерник ест. Тюрьма меняется, меняется ее быт, меняются и некоторые прописные правила, о чем не следует забывать, изучая «справочники», особенно устаревшие.

Но кроме формальных тюремных правил, простых правил общежития, существуют и другие. Это общие арестантские правила, принципы, определяющие дух тюремной жизни, а не только ее букву. Не поняв и не приняв их, невозможно стать настоящим арестантом. Они плохо формализуются на вербальном уровне. Конечно, можно составить некий ряд положений. Например, с приличного зека спрашивается не только за то, что он сделал, но и за то, чего не сделал. Или – если за человеком не известно плохого, значит, он человек приличный. Но как важен контекст в тюремной жизни! Неподготовленный читатель легко бы попал в непонятку, поверхностно усвоив две вышеизложенные максимы. Кто приличный зек, как его определить?

Полнокровное описание тюрьмы невозможно без сложившегося тюремного мировоззрения. Без понимания самого ее духа, отраженного в арестантских принципах. Дать представление о них – задача весьма сложная. Здесь явно недостаточно просто перечислить некоторые положения, без наполнения их обстоятельствами применения, привязки к контексту ситуаций. По-настоящему тюрьма как явление еще никем не описана, несмотря на ряд замечательных произведений на тюремную тему. Анализ этой ситуации не входит в задачу настоящей скромной рецензии.

В своей книге Раф Гуревич явно уходит за пределы простых объяснений азбучных тюремных истин. Зоркий глаз журналиста, любовь к художественному описанию позволяют ему развернуть предлагаемые читателю ситуации. Предпосадочное время, следствие, суд, изолятор, камера, этап, зона.... Обо всем написано и лаконично, и обстоятельно. Каждая глава заканчивается краткими выводами, своего рода зарубками на память будущему сидельцу.

В советах крайне важны два обстоятельства: кому они даются и кем даются. Книга Рафа Гуревича написана человеком случайным для тюремного мира и рассчитана на таких же случайных людей. Иначе говоря, пассажиром и для пассажиров, применяя тюремный жаргон. В этом и достоинство книги, и ее недостаток. Достоинство – потому, что тюрьма увидена глазами человека, для нее постороннего, и, следовательно, книга максимально доступна пассажирам. Недостаток – потому, что читателя заранее ставит в положение пассажира. Тут необходимо пояснение. Пассажир – это не просто зек, попавший в тюрьму случайно и не имеющий криминального опыта. Но прежде всего человек, относящийся к своей посадке, как к случайности. Именно внутренняя, психологическая неподготовленность к испытанию, отношение к тюрьме как к чужому миру, куда по трагическому стечению обстоятельств он уго-

дил, и делает зека пассажиром. Конечно, предпосадочный криминальный опыт заранее несколько подготавливает к тюрьме и уменьшает ценность всяческих советов. Вместе с тем и убежденный преступник может оказаться пассажиром, а человек, никогда даже и не помышлявший о нарушении закона и попавший в тюрьму совершенно случайно, может стать настоящим арестантом. Правда, люди плохо знают самих себя, и им трудно заранее понять, кто они потенциально – пассажиры или настоящие арестанты. Книга Рафа Гуревича может помочь читателю в его собственной оценке, если он читает ее вдумчиво. Но окончательное слово, естественно, будет за собственным читательским опытом.

Есть два полярных отношения к тюрьме, если не учитывать полутона, весь спектр переходных состояний. Для одних тюрьма – некая экзотическая страна, которую они никогда не намерены посетить и которая не занимает заметного места на их психической карте мира. Для других тюрьма – грозная реальность по соседству, дыханием которой проникнута вся жизнь на воле. Дело даже не в том, думает ли человек о тюрьме, а в том, подготовлен ли его дух к испытанию, пусть даже и бессознательно. Одни, попадая в тюрьму, озабочены в основном одним: поскорее пережить этот кошмар, как дурной сон. Другие, оказавшись в тюрьме, воспринимают заключение как существенную часть жизни, дающую пусть и горькую, но возможность узнать и понять себя и других. Для пассажира тюрьма – чужой мир, в который он заброшен волей обстоятельств. Для настоящего арестанта тюрьма есть продолжение воли, а воля есть продолжение тюрьмы. Обобщая, можно сказать, что в отношении к тюрьме отражается отношение человека к власти и порождаемому ею насилию, отражается отношение к устройству мира.

Отвлеченные рассуждения необходимо проиллюстрировать конкретными примерами из книги.

Раф Гуревич совершенно справедливо полагает, что арестованный всего лишь материал для следствия, обвинения, суда. Действительно, судьба человека, тем паче справедливость «правоохранительные» органы нисколько не волнуют. Работа у них такая. Свежеиспеченный арестант склонен полагать, что, мол, во всем разберутся, закон торжествует, его судьбой кто-то озабочен. Опаснейшее заблуждение! Он всего лишь материал для переработки бездушной и громоздкой машиной. Но если машина с ее инструментами создана по типовому проекту, то материал материалу рознь. Из пластилина легко сляпать любое дело. О титановый сплав корезатся стальные инструменты. Для подследственного знание – сила. Для следователя отсутствие информации – слабость. Естественно, для того и существует следствие, что-

бы узнать или изобрести достаточно для обвинительного заключения. Так зачем помогать следствию в его работе, давать показания?

Раф Гуревич утверждает, что такой вариант для самых сильных, «поскольку при таком раскладе никто не гарантирован от давления со стороны следствия». Действительно, гарантии только в Конституции, которых там тоже нет. Но на то и материал стоящий, чтобы его испытывали на прочность. К чему сразу считать себя слабым? Разумеется, излишнее самомнение вредно, бесполезно прикидываться алмазом, если ты из глины. И все же слабым делает подследственного в первую очередь доверие к следствию, надежды на выяснение истины, помноженные на безудержное желание поскорее вырваться на волю. «Расскажите, как все было, мы разберемся и вас сразу же отпустим!» Сколько человек сами себе сотворили срок! Вместо того чтобы благодушно ответить: «Я никуда не тороплюсь, здесь интересно. Вы уж сами поработайте, нарисуйте картину происшедшего. Потом, на суде, сверим впечатления». Конечно, бывают случаи, когда можно приоткрыть какие-то карты. Например, есть алиби: в день убийства вы были в другом городе, и свидетели есть, и билет сохранился. Но тысячу раз следует подумать, надо ли торопиться. Свидетелей могут запугать, а то и устранить, билет может исчезнуть при обыске. Для выбора сильной позиции надо твердо себе сказать: «Я уже умер для воли, тюрьма мой дом». И тогда умерший может воскреснуть.

Настоящий арестант старается обжить любое, пусть и предоставленное на краткое время, жизненное пространство. В этом проявляется его стремление использовать ситуацию с выгодой для себя и других. У пассажира иначе...

Описывая карантин (сборку, накопитель), Раф Гуревич дает совет: «Так вот, поскольку люди здесь разные и вместе вы пробудете от силы суток двое-трое, то постарайся с ними в контакт не вступать». Тюрьма как сложная система сильна коммуникациями между ее подсистемами, информированностью, каналами связи. Начальство, желая ослабить зеков, старается разъединить их, пресечь общение, дезинформировать. Настоящий арестант постарается использовать карантин для расширения тюремных возможностей. Хотя бы из укоренившейся любознательности познакомится с сокамерниками. Ведь на днях этих людей распределяют по разным местам. Они могут передать приветы, информацию, вспомнить о тебе при необходимости.... Пассажир боится всякого лишнего общения, дабы не попасть в непонятную. Настоящий арестант никого не боится, хотя и соблюдает необходимую осторожность. Он – у себя дома, а не в гостях, и живет интересами тюрьмы.

Главный вопрос в тюрьме (да и на воле тоже) – это отношение к власти. Противостояние зеков администрации (ментам) определяет всю жизнь тюрьмы. Тюремные обычаи, мораль, правила во многом сформированы сопротивлением арестантов репрессиям тюремщиков. Пассажиры не станут конфликтовать с тюремным начальством, он на стороне самого себя. Раф Гуревич определяет жанр своей книги как записки «шерстяного». То есть заключенного, занимающего должность в зоне, цехового мастера-распределителя работ в данном случае. Кроме того, автор книги состоял в одной из секций общественной работы, иначе говоря, подтвердил свою лояльность лагерной администрации. Естественно, все это накладывает отпечаток на суждения Рафа Гуревича о правильных (отрицаловке, блатных, братве), мужиках, начальстве. Масти, устройство арестантского мира, его иерархия описаны шерстяным, этого не следует забывать. Так, Раф Гуревич сообщает: «В работающих зонах, а таковыми раньше были все, правильные контролировали тех, кто работал, требуя, чтобы нормы выработки неуклонно выполнялись. Невыполнение каралось достаточно жестоко». Конечно, такие «контролеры» никакие не правильные, а обыкновенные суки (масть). Или в книге говорится, что «мужик в воровском мире не имеет никаких прав». Разумеется, это не соответствует действительности. Так же, как и утверждение, будто «власть ментов в зоне безгранична».

Все легко объясняется, если учесть, что Раф Гуревич попал в красную зону, то есть в сломленную, находящуюся под тотальным контролем лагерной администрации. Да, видимо, еще в зону преимущественно для первоходчиков, с ее искаженными понятиями, беспределом и вольным применением терминов. Рафу Гуревичу кажется крайне курьезной дискуссия двух правильных на этапе о том, можно ли в ПКТ брать сигареты у пидора-уборщика, если их переслали приятели. В свою очередь, правильным показались бы очень курьезными рассуждения автора о том, в какие секции общественной работы можно вступать, а в какие нет.

Безусловная удача книги – это ее вторая часть. Дидактические рассуждения уходят с поверхности повествования, и в художественных зарисовках перед читателем предстает лагерная жизнь во всей ее непредсказуемости и соотношенности с главнейшими вопросами человеческого существования. Художественная правда оказывается сильнее изначально заданной позиции пассажира, преодолевается узкий взгляд шерстяного. Можно только пожалеть, что Рафом Гуревичем мало дано именно таких зарисовок. Но спасибо и за сделанное им. Книга «Человек в законе» заставит задуматься читателя о месте тюрьмы в жизни человека и в мире.

Уголовно-исполнительная система России по состоянию на 1 июля 2005 года

1. Исправительные и воспитательные колонии

Общее число осужденных, содержащихся во всех видах колоний кроме воспитательных – 621 148 чел. (+ 20698 с начала года), из них:

- в колониях общего режима – 195 398 (+ 11 285);
- в колониях строгого режима – 294 201 (+ 10 895);
- в колониях особого режима – 12 930 (– 8277);
- в колониях особого режима для осужденных к пожизненному заключению – 1569 (+ 13);
- в колониях-поселениях – 51 016 (+ 5140);
- в противотуберкулезных лечебно-исправительных учреждениях – 38 126 (+ 395)
- в больницах – 20 974;
- в лечебно-исправительных учреждениях для наркоманов – 6008 (+ 809).

Общее число женщин-осужденных – 36 893.

Детей в домах ребенка – 535.

Общее число несовершеннолетних осужденных – 14 526.

Всего исправительных колоний – 765, из них:

- поселения – 159;
- общего режима – 216, в том числе для женщин – 45;
- строгого режима – 234;
- особого режима – 51;
- для осужденных к пожизненному заключению – 5;
- лечебные для наркоманов – 9, в том числе для женщин – 1;
- лечебные для больных туберкулезом – 58;
- лечебно-профилактические больницы и транзитно-пересыльные пункты – 33;
- дома ребенка при женских колониях – 11.

2. Следственные изоляторы и тюрьмы

Общее число лиц, содержащихся в СИЗО, тюрьмах, ПФРСИ и ПФРТ – 16 1787, из них:

- в СИЗО – 151 876;
- в тюрьмах – 3700;
- в ПФРСИ при тюрьмах – 778;
- в ПФРСИ при ИК и ВК – 6064;
- в ПФРТ – 147;

- несовершеннолетних – 8296;
- женщин – 11 654;
- арестовано в июне – 30 860 (н/летних – 1803, женщин – 2577, за преступления небольшой и средней тяжести – 10 917, за тяжкие и особо тяжкие преступления – 19 943);
- подследственных – 39 748;
- подсудимых, числящихся за судами первой инстанции – 43 322;
- осужденных, числящихся за судами второй инстанции – 27 389;
- осужденных, ожидающих отправки:
  - в тюрьму – 16;
  - к пожизненному лишению свободы – 19;
  - в ИУ – 8 674; из них:
    - больных туберкулезом 1 и 2 ГДУ – 304;
    - ВИЧ-инфицированных – 153;
    - больных наркоманией – 7;
- лиц, в отношении которых вынесено определение о направлении на лечение в психиатрические больницы Минздрава – 323;
- лиц, подлежащих экстрадиции – 460;
- лиц, оставленных для хозяйственного обслуживания – 10 419;
- освобождено из-под стражи – 5703, из них:
  - по оправдательным приговорам – 103;
  - в связи с изменением меры пресечения – 1592;
  - по другим основаниям – 73.

3. Осужденные по составам преступлений

	на 1.01.2005	на 1.07.2005
Убийство	108 832	112 411
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	85 640	88 811
Изнасилование	20 316	21 116
Разбой	80 070	82 601
Грабеж	55 658	57 758
Кража	152 773	157 749
Вымогательство	5571	5590
Преступления в сфере экономической деятельности	1233	1242
Хулиганство	10 042	10 558
Преступления, связанные с наркотиками	42 757	44 095
Воинские преступления	1901	1863
Бандитизм	1571	1863
Другие преступления	33 995	35 400

Юрий Александров

Работать бесплатно можно

Наконец-то поставлена точка в извечном споре между осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы. И поставил ее Конституционный суд России.

Согласно статье 106 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) – кодекса, который регламентирует условия отбывания наказания, – осужденные в течение определенного количества времени должны (не могут, а именно должны!) работать бесплатно.

Разъясним подробнее, как применяется эта статья.

Эта статья отличается от ранее действовавшей нормы ИТК РСФСР, регламентировавшей порядок производства таких работ. В настоящее время осужденные к лишению свободы привлекаются без оплаты труда *только к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий*. Ранее они могли привлекаться еще и к вспомогательным работам по обеспечению исправительных учреждений продовольствием. Кроме того, содержалось запрещение привлекать осужденных без оплаты труда к работам, связанным с сооружением, ремонтом охранных сооружений (за исключением случаев разрушения охранных сооружений в результате стихийных бедствий, а также в лесных исправительных учреждениях).

Из текста ныне действующей статьи следует, что сегодня все подобные работы могут быть только оплачиваемыми. Если основная масса осужденных к выполнению бесплатных работ привлекается в обязательном порядке, то осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, осужденные беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда только по их желанию. Законом определена и продолжительность таких работ – не более двух часов в неделю. Однако по желанию осужденных продолжительность таких работ может быть увеличена

(хотя закон и не определяет рамки этого увеличения, но это должно быть в разумных пределах – по крайней мере, не более чем еще на два часа). К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от основной работы время.

Между осужденными и администрацией исправительных учреждений по поводу этой статьи постоянно возникало (да и сейчас возникает) недопонимание. Осужденные ссылаются на Конституцию РФ, в которой четко записано, что принудительный труд запрещен. Администрация же, как правило, не находит более умного ответа, чем «а мы исполнители и исполняем УИК».

На самом же деле норму Конституции РФ о запрете на принудительный труд нельзя трактовать так однобоко. В части 3 статьи 55 Конституции говорится о том, что права и свободы в определенных случаях могут быть ограничены федеральными законами. В отношении осужденных, в частности, различного рода ограничения и установлены в УИК РФ. Например, переписка осужденных подвергается цензуре, их телефонные переговоры могут прослушиваться и т.д. Не говоря уже о том, что осужденные не имеют права не только быть избранными в представительные органы власти, но и вообще участвовать в выборах.

Кроме того, принудительный труд в местах лишения свободы не противоречит и международному праву. В своем определении Конституционный Суд России ссылается на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Конвенции Международной организации труда N 29 от 28 июня 1930 года.

Кстати сказать, лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано содержание под стражей, не могут насильно привлекаться не только к неоплачиваемым работам, а и к оплачиваемым тоже. В отношении них, как лиц еще не осужденных, норма Конституции о запрете принудительного труда продолжает действовать до той поры, пока приговор не вступит в законную силу.

Вместе с тем, если осужденный считает, что администрация каким-то образом нарушает положения статьи 106 УИК РФ (например, заставляет его работать чаще и больше других), то он вправе обжаловать такие действия администрации как вышестоящему в порядке подчиненности начальству, так и в прокуратуру и в суд.

Краткий анализ состояния преступности в России за январь – май 2005 года по данным МВД РФ

В январе – мае 2005 г. зарегистрировано 1311,3 тыс. преступлений, что на 12,0% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 82 субъектах Российской Федерации, снижение – в 7 субъектах.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 34,3% в январе – мае 2004 г. до 32,4% в январе – мае 2005 г.

Больше половины всех зарегистрированных преступлений (52,3%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 543,4 тыс. (+12,2%), грабежа – 119,2 тыс. (+26,2%), разбоя – 23,8 тыс. (+6,5%). Каждая вторая кража (47,0%), каждый семнадцатый грабеж (6,0%) и каждое одиннадцатое разбойное нападение (8,7%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Каждое тринадцатое (7,8%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе – мае 2005 г. их число возросло на 0,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – маем 2004 г. возросло на 8,2% и составило 14,3 тыс. Снизилось на 3,8% количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В январе – мае 2005 г. с использованием оружия совершено 9460 преступлений (– 7,3%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в г. Санкт-Петербурге (631), Свердловской (582), Московской (425), Иркутской (421) областях, г. Москве (350), Приморском крае (324).

По сравнению с январем – маем 2004 г. на 9,6% возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 206,8 тыс. преступлений дан-

ной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 15,8%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (на момент возбуждения уголовного дела) составил 675,0 млрд руб., что на 1068,6% больше аналогичного показателя прошлого года (57,7 млрд руб.).

Более трети (35,4%) в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили тяжкие и особо тяжкие преступления.

Количество преступлений экономической направленности, выявленных подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел, составило 100,6 тыс., их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 48,6%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (на момент возбуждения уголовного дела) составил 93,1 млрд руб.

Количество преступлений экономической направленности, выявленных подразделениями по налоговым преступлениям органов внутренних дел, составило 11,0 тыс., их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 5,3%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (на момент возбуждения уголовного дела) составил 566,3 млрд руб., а сумма возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам – 8,6 млрд руб.

В январе – мае 2005 г. выявлено 68,4 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 15,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

В общественных местах зарегистрировано 172,5 тыс. преступлений, или на 21,0% больше, чем в январе – мае 2004 г.

На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 104,2 тыс. преступлений, в том числе: 41,8 тыс. грабежей (+ 26,0%), 24,6 тыс. краж (+ 9,1%), 6,0 тыс. разбойных нападений (+ 10,3%).

На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 180 разбойных нападений (– 17,1%), 278 грабежей (+ 3,3%), выявлено 54 факта незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (+ 3,8%).

В январе – мае 2005 г. раскрыто 705,1 тыс. преступлений (+8,4%), в том числе 299,0 тыс., следствие по которым обязательно, 406,1 тыс., следствие по которым не обязательно.

Не раскрыто 525,3 тыс. преступлений, что на 8,0% превышает аналогичный показатель в январе – мае 2004 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 34,2% (в январе – мае 2004 г. – 37,7%). Остались нераскрытыми 1935 убийств и покушений на убийство (–18,9%), 4,9 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (– 12,3%), 322,4 тыс. краж (+ 8,1%), 73,0 тыс. грабежей (+ 21,2%), 11,4 тыс. разбойных нападений (+ 5,7%).

Преступлений прошлых лет в январе – мае 2005 г. раскрыто 28,6 тыс., что на 9,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Наибольшее количество раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (16 357) и грабежи (2121).

Выявлено 530,1 тыс. лиц, совершивших преступления (+ 3,9%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода увеличился с 58,9% в январе – мае 2004 г. до 60,8% в январе – мае 2005 г., удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 22,3% до 23,7%.

Почти каждое третье (29,2%) оконченное расследованием преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое шестое (17,6%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое одиннадцатое (9,0%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 21,6 тыс. преступлений, что на 3,6% больше, чем за январь – май 2004 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 19,7 тыс. преступлений (+ 2,5%), их удельный вес составил 91,2% от всех преступлений, совершенных иностранными лицами и лицами без гражданства.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 4,5 тыс. преступлений (+ 9,7%).

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ
за период январь – июнь 2005 года

	Зарегистрировано в отчетном периоде		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде				
	Всего	+/- в %	Раскрыто		Раскры- ваемость %	Не раскрыто	
			Всего	+/- в %		Всего	+/- в %
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	1643514	15,1	874250	8,5		631626	8,8
тяжкие и особо тяжкие	523963	8,7	272584	5,3	56,2	212672	- 1,8
причинившие крупный (значительный) ущерб, совершенные в крупном либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размерах	102422	- 0,2	59813	- 20,7	67,4	28926	2,0
экологические	16517	2,7	9345	10,7		4968	- 0,1
террористического характера	2957	- 46,9	818	- 11,9		2427	- 43,8
экстремистской направленности	65	27,5	70	59,1		15	0,0
убийство и покушение на убийство	16390	0,9	13219	0,5	85,8	2187	- 17,0
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	29356	- 1,4	20550	- 4,4	78,4	5674	- 11,6
изнасилование и покушение на изнасилование	4123	- 2,5	3110	- 8,6	87,9	430	- 9,5
разбой	29141	9,8	17920	5,1	57,4	13274	5,6
- с незаконным проникновением в жилище, помещение и т.д.	2542	1,2	2010	- 3,2	69,4	885	- 5,5
грабеж	148073	30,0	50868	20,5		86178	22,8
- с незаконным проникновением в жилище, помещение и т.д.	8653	- 5,4	5462	- 10,6		3317	- 13,8

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	Зарегистрировано в отчетном периоде		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде				
	Всего	+/- в %	Раскрыто		Раскры- ваемость %	Не раскрыто	
			Всего	+/- в %		Всего	+/- в %
кража	688549	16,0	253034	9,6		388028	8,8
– с незаконным проникновением в жилище, помещение и т.д.	318908	5,8	124834	2,7		180719	1,0
– грузов на ж/д, воздушном, водном транспорте	2154	7,8	1620	- 1,6		236	- 0,4
– транспортных средств	29922	- 5,8	4337	- 9,3		23086	- 7,5
мошенничество	88829	32,3	52765	28,3		21898	37,9
присвоение или растрата	40216	8,0	34169	9,6			
вымогательство	7544	7,7	6048	- 1,0	87,3	877	13,9
умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога	7058	14,0	1467	- 5,0		4833	8,1
хулиганство	13325	0,3	5618	- 31,1		5398	-26,1
угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	52745	27,9	48705	23,5		1373	44,5
вовлечение н/летнего в совершение преступления или антиобщественных действий	5510	- 2,3	5389	- 2,3		21	40,0
нарушение ПДД и эксплуатации транспортных средств	10785	- 5,8	7950	- 0,2		2817	- 0,1
неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (угон)	23287	- 0,5	12185	- 7,7		9327	- 1,6

	Зарегистрировано в отчетном периоде		Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде				
	Всего	+/- в %	Раскрыто		Раскры- ваемость %	Не раскрыто	
			Всего	+/- в %		Всего	+/- в %
	уголовные дела о которых переданы по подследственности со снятием с учета в ОВД, в т.ч. – в военную прокуратуру	5126	– 11,6				
730		– 19,0					

Характеристика лиц, совершивших преступления

	Всего	+/- в %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц
Выявлено лиц, совершивших преступления, в т.ч.:	651946	4,2	100,0
несовершеннолетних	76460	–1,2	11,7
женщин	88349	4,5	13,6
учащихся, студентов	56905	0,7	8,7
лиц, не имеющих постоянного источника дохода, из них:	394927	7,7	60,6
– безработных	41298	11,5	10,5
ранее совершавших преступления, из них:	184929	17,7	28,4
– ранее судимых за преступления	154233	11,4	83,4
– признанные опасным или особо опасным рецидивистом	8286	– 2,0	4,5
Из общего числа выявленных лиц совершили преступления:			
в составе группы (всего), в т.ч.	166719	– 0,4	25,6
– организованной группы либо преступного сообщества	6128	4,2	3,7
в состоянии алкогольного опьянения	136615	– 2,9	21,0
в состоянии наркотического опьянения	2476	– 27,4	0,4

Социально-криминологическая характеристика преступности

	Всего	+/- в %	Удельный вес от расследованных преступлений, %
Преступления совершены:			
несовершеннолетними или при их соучастии	78640	1,4	9,0
лицами, ранее совершавшими преступления	257090	20,1	29,4
в группе (всего), в т.ч.:	134269	1,8	15,4
– группой лиц по предварительному сговору	104158	1,5	11,9
– организованной группой или преступным сообществом	18969	15,1	2,2
– в состоянии алкогольного опьянения	153695	1,1	17,6
– в состоянии наркотического опьянения	3744	- 13,9	0,4

Преступления, связанные с иностранными гражданами и лицами без гражданства

	Всего	+/- в %	Удельный вес, %
Преступления совершены:			
иностранцами гражданами и лицами без гражданства, в т.ч.	26859	4,6	3,1*
– гражданами из государств СНГ	24495	3,1	2,8*
Зарегистрировано преступлений:			
в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	5953	18,3	0,4**

* От числа расследованных преступлений.

** От числа зарегистрированных преступлений.

Организованная преступность

В первом полугодии 2005 года сотрудники подразделений по борьбе с оргпреступностью раскрыли около **8500** преступлений, совершенных преступными сообществами и группами, что более чем на **13%** превосходит показатели прошлого года. За шесть месяцев к уголовной ответственности было привлечено **2800** лидеров и участников преступных формирований.

Сейчас преступные сообщества специализируются на таких видах криминального «бизнеса», как бандитизм, вымогательство, торговля оружием, наркотиками, незаконные операции со стратегическим сырьем, мошенничество в кредитно-банковской сфере, незаконный оборот алкогольной продукции.

Некоторые преступные сообщества имеют международные связи и все активнее включаются в транснациональные криминогенные процессы. Сейчас многие из них, используя налаженные связи с зарубежными этническими диаспорами, действуют более чем в сорока государствах мира.

Для принятия адекватных мер в складывающейся ситуации Департамент по борьбе с оргпреступностью и терроризмом МВД России поддерживает рабочие контакты со своими коллегами из стран СНГ, а также США, Германии, Франции и многих других зарубежных государств.

1 августа этого года была утверждена Концепция совершенствования деятельности органов внутренних дел в борьбе с организованной преступностью. Этот документ стал результатом анализа происходящих в стране криминогенных процессов и определяет новые подходы в деятельности по противодействию организованной преступности.

Согласно Концепции, подразделения по борьбе с оргпреступностью ориентированы на пресечение деятельности криминальных формирований, оказывающих значительное влияние на социально-политическую обстановку и криминогенную ситуацию. Задачи по борьбе с менее опасными формами организованной преступности возлагаются на другие милицейские подразделения. Такой подход позволит в ближайшее время выйти на принципиально новый уровень организации работы в сфере борьбы с организованной преступностью.

Приказ Министерства юстиции России № 125 от 2 августа 2005 г.

Об утверждении норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 42, ст. 4108) и постановлений Правительства Российской Федерации от 20 июня 1992 г. № 409 «О неотложных мерах по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», от 21 августа 1992 г. № 610 «О неотложных мерах по улучшению положения детей в Российской Федерации» (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1992, № 9, ст. 689), от 11 апреля 2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, № 16, ст. 1455) п р и к а з ы в а ю:

1. Утвердить:

минимальную норму питания для осужденных к лишению свободы, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 1);

норму питания для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 2);

норму питания для осужденных к лишению свободы несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 3); норму питания для больных осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся на стационарном лечении в лечебных учреждениях исправительных колоний, тюрем, следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 4);

минимальную норму материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 5);

норму индивидуального рациона питания для осужденных к лишению свободы, а также для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при их этапировании, нахождении в судах (Приложение 6);

норму для осуществления принудительного питания осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время (Приложение 7);

нормы замены продуктов при выдаче продовольственных пайков (Приложение 8).

2. Федеральной службе исполнения наказаний (Калинин Ю.И.) обеспечить соблюдение утвержденных норм в уголовно-исполнительной системе.

3. Признать утратившими силу приказы Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2001 г. № 136 «Об объявлении норм питания осужденных к лишению свободы, а также лиц, находящихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (зарегистрирован Минюстом России 24 мая 2001 г., регистрационный № 2727), от 4 февраля 2004 г. № 23 «О внесении изменений и дополнений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2001 г. № 136» (зарегистрирован Минюстом России 19 февраля 2004 г., регистрационный № 5572), от 4 февраля 2004 г. № 24 «Об утверждении Нормы сухого пайка для лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, при нахождении их в судах» (зарегистрирован Минюстом России 19 февраля 2004 г., регистрационный № 5569), от 27 августа 2004 г. № 142 «О внесении изменений и дополнений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2001 г. № 136» (зарегистрирован Минюстом России от 7 сентября 2004 г., регистрационный № 6007), от 31 августа 2004 г. № 144 «О внесении дополнения в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2001 г. № 136» (зарегистрирован Минюстом России от 7 сентября 2004 г., регистрационный № 6008).

4. Контроль за исполнением приказа возложить на заместителя Министра В.У. Ялунина.

Министр
Ю.Я. Чайка

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА питания для осужденных к лишению свободы, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время¹

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта	300	200
Хлеб пшеничный из муки 2-го сорта	250	250
Мука пшеничная 2-го сорта	5	5
Крупа разная	100	90
Макаронные изделия	30	30
Мясо	90	90
Рыба	100	100
Маргариновая продукция	35	30
Масло растительное	20	20
Молоко коровье (миллилитров)	100	100
Яйца куриные (штук в неделю)	2	2
Сахар	30	30
Соль поваренная пищевая	20	15
Чай натуральный	1	1
Лавровый лист	0,1	0,1
Горчичный порошок	0,2	0,2
Томатная паста	3	3
Картофель	550	500
Овощи	250	250
Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50%)	10	10
Кисели сухие витаминизированные	25	25
или фрукты сушеные	10	10

Примечания: 1. По данной норме также обеспечивать: осужденных к лишению свободы, находящихся в колониях-поселениях ФСИН России, а также оставленных в следственных изоляторах ФСИН России, для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию; осужденных к лишению свободы при перемещении к месту отбывания наказания под конвоем (сроком свыше 3 суток); осужденных к лишению свобо-

¹ Основание: постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205.

ды, содержащихся в одиночных камерах по их просьбе и в иных случаях при возникновении угрозы их личной безопасности.

2. Дополнительно к данной норме выдавать на одного человека в сутки:

осужденным к лишению свободы (лицам обоего пола), занятым на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда: хлеба из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1 сорта – 50 г; хлеба пшеничного из муки 2 сорта – 50 г; макаронных изделий – 20 г; мяса – 40 г; рыбы – 20 г; маргариновой продукции – 20 г; сахара – 5 г; чая натурального – 0,2 г; картофеля – 50 г; овощей – 50 г.,

осужденным к лишению свободы беременным женщинам и кормящим матерям: хлеба пшеничного из муки 2 сорта – 50 г; овощей – 100 г, мяса – 60 г; масла коровьего – 40 г; молока коровьего – 400 (миллилитров), творога 50 г; сахара – 20 г; яиц куриных – 5 штук (в неделю);

осужденным к лишению свободы инвалидам I и II групп: масла коровьего – 20 г; молока коровьего – 150 (миллилитров), яиц куриных – 1,5 (штук в неделю);

3. Муку соевую текстурированную беременным женщинам и кормящим матерям не выдавать.

4. Питание детей, находящихся с матерями в исправительных колониях, а также детей, содержащихся в домах ребенка исправительных колоний, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

4. Работающим осужденным, имеющим рост 190 см и выше выдавать дополнительное питание по заключению врача, но не более 50 процентов указанной минимальной нормы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМА

**питания для подозреваемых и обвиняемых в совершении
преступлений, находящихся в следственных изоляторах
Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время²**

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта	300	150
Хлеб пшеничный из муки 2-го сорта	200	200
Мука пшеничная 2-го сорта	5	5
Крупа разная	90	90
Макаронные изделия	30	30

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Мясо	100	100
Рыба	100	100
Маргариновая продукция	25	20
Масло растительное	20	20
Молоко коровье (миллилитры)	100	200
Сахар	30	30
Соль поваренная пищевая	15	15
Чай натуральный	1	1
Лавровый лист	0,1	0,1
Горчичный порошок	0,2	0,2
Томатная паста	3	3
Картофель	500	450
Овощи	250	250
Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50%)	10	10
Кисели сухие витаминизированные	25	25
или фрукты сушеные	10	10

Примечания: 1. По данной норме также обеспечивать: подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, ожидающих рассмотрения кассационных жалоб и вступления приговора в законную силу; арестованных, в отношении которых ведется следствие и дело находится в суде.

2. Дополнительно к данной норме выдавать на одного человека в сутки: несовершеннолетним обою пола: масла коровьего – 15 г; сахара – 10 г; сыра жирного – 15 г;

беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей: хлеба из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1 сорта -50 г; хлеба пшеничного из муки 2 сорта – 100 г; овощей – 100 г; сахара – 20 г; мяса – 50 г; молока коровьего – 300 миллилитров; масла коровьего – 40 г; крахмала картофельного – 1 г; фруктов сушеных – 5 г; творога – 50 г; яиц куриных – 1 штука.

Муки соевой текстурированной данной категории лиц не выдавать.

3. Питание детей, находящихся с матерями в следственных изоляторах, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

² Основание: постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМА
питания для осужденных к лишению свободы
несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях
Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время³

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (граммов)
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта	150
Хлеб пшеничный из муки 2-го сорта	200
Мука пшеничная 2-го сорта	35
Мука картофельная	3
Крупа, бобовые, макаронные изделия	75
Картофель	400
Овощи и зелень	470
Фрукты свежие	250
Соки плодовые и ягодные	200
Фрукты сушеные	15
Сахар	75
Кондитерские изделия	25
Кофе (кофейный напиток)	4
Какао	2
Чай натуральный	0,2
Мясо	105
Мясо птицы	70
Рыба (сельдь)	110
Колбасные изделия	25
Молоко, кисломолочные продукты	550
Творог	70
Сметана	10
Сыр	12
Масло коровье	50
Масло растительное	18
Яйцо куриное (штук)	1
Соль	8
Специи	2
Дрожжи	1

³ Основание: постановления Правительства Российской Федерации от 20 июня 1992 г. № 409, от 21 августа 1992 г. № 610.

Примечание. По данной норме также обеспечивать осужденных к лишению свободы, достигших 18 лет и оставленных в установленном законом порядке в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний до достижения ими возраста 21 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМА

питания для больных осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся на стационарном лечении в лечебных учреждениях исправительных колоний, тюрем и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (граммов)
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1 сорта	200
Хлеб пшеничный из муки 2 сорта	200
Мука пшеничная 2 сорта	5
Крупа разная	70
Макаронные изделия	20
Мясо	100
Рыба	100
Мargarиновая продукция	15
Масло растительное	20
Молоко коровье (миллилитров)	250
Масло коровье	20
Яйца куриные (штук)	0,5
Сахар	40
Соль поваренная пищевая	10
Чай натуральный	1
Лавровый лист	0,1
Горчичный порошок	0,2
Томатная паста	3
Картофель	400
Овощи	300
Крахмал сухой картофельный	1
Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50%)	10
Кисель сухой витаминизированный	25
или фрукты сушеные	15

Примечания: 1. По данной норме также обеспечивать: больных, находящихся на амбулаторном лечении по поводу язвенной болезни, злокачественных новообразований, дистрофии, авитаминоза, анемии, больных СПИДом и ВИЧ-инфицированных, а также лиц, наблюдающихся по поводу туберкулеза 0, I, II, III, V групп диспансерного учета, вне зависимости от места содержания, лиц, наблюдающихся по IV и VI группе диспансерного учета на период проведения химиотерапии, вне зависимости от места содержания.

2. Дополнительно к данной норме выдавать на одного человека в сутки:

а) больным, находящимся на стационарном и амбулаторном лечении по поводу туберкулеза, дистрофии, язвенной болезни, авитаминоза, анемии, злокачественных новообразований, а также больным СПИДом и ВИЧ-инфицированным: хлеба пшеничного из муки 2 сорта – 50 г; макаронных изделий – 10 г; овощей – 50 г; сахара – 5 г; мяса – 50 г; мяса птицы – 20 г; молока коровьего – 250 (миллилитров); соков плодовых и ягодных – 100 (миллилитров); масла коровьего – 20 г; творога – 50 г;

б) беременным женщинам за четыре месяца до родов, кормящим матерям и кормилицам на время кормления до 9-месячного возраста ребенка (по заключению врачей): хлеба пшеничного из муки 2 сорта – 100 г; картофеля – 100 г; овощей – 50 г; крупы – 20 г, макаронных изделий – 10 г, сахара – 10 г; мяса – 50 г; молока коровьего – 250 (миллилитров), масла коровьего – 20 г; творога – 50 г; яиц куриных – 0,5 штук. Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50 процентов) данной категории лиц не выдается.;

в) осужденным, страдающим психическими расстройствами, находящимся на лечении в психиатрических больницах (отделениях) во время проведения инсулиношоковой терапии (25–30 суток): сахара – 200 г.

3. Питание детей, находящихся с матерями в лечебных учреждениях мест лишения свободы, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

4. Питание несовершеннолетних больных, находящихся на стационарном лечении в лечебных учреждениях мест лишения свободы и следственных изоляторов, а также находящихся в оздоровительных группах осуществляется по норме питания осужденных к лишению свободы несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА

материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время⁴

Наименование продуктов	Единицы измерения	Количество на одного человека в сутки (граммов)	
		мужчины	женщины
Хозяйственное мыло	граммов	200	200
Туалетное мыло	граммов	50	100
Зубная паста (порошок)	граммов	30	30
Зубная щетка (штук на 6 месяцев)	штук	1	1
Одноразовая бритва	штук	6	–
Средства личной гигиены для женщин	штук	–	10
Туалетная бумага	метров	25	25

Примечание: Дополнительно к данной норме выдавать на одного человека в месяц:

а) осужденным к лишению свободы обою пола, занятым на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, а также больным, находящимся на стационарном лечении в лечебных исправительных учреждениях: хозяйственного мыла – 50 г;

б) осужденным к лишению свободы обою пола, содержащимся в воспитательных колониях, в том числе находящимся на стационарном лечении: хозяйственного мыла – 200 г, а осужденным мужского пола, кроме того, туалетного мыла – 50 г;

в) осужденным обою пола, размещенным в карантинных отделениях исправительных учреждений:

хозяйственного мыла – 50 г.

⁴ Основание: постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6
к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМА
индивидуального рациона питания (ИРП) для осужденных
к лишению свободы, а также для подозреваемых и обвиняемых
в совершении преступлений при их этапировании, нахождении
в судах

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки, г
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта или галеты простые из муки пшеничной обойной и 2-го сорта	500
Концентраты первых обеденных блюд	300
Концентраты вторых обеденных блюд	30
Сахар	168
Чай	40
Ложка пластиковая (шт.)	2
Стакан полипропиленовый (шт.)	1

Примечания: 1. По данной норме обеспечивают указанные контингенты в случае, когда приготовление пищи из продуктов основных норм питания не представляется возможным.

2. Для гидратации концентратов первых и вторых обеденных блюд, входящих в состав данной нормы, приготовления чая довольствующиеся при приеме пищи обеспечиваются горячей водой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7
к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМА

**для осуществления принудительного питания осужденных
к лишению свободы, а также для подозреваемых и обвиняемых
в совершении преступлений находящихся в следственных
изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний,
на мирное время**

Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки, г
Крупа манная или овсяная	50
Мясо для бульона	200
Масло коровье	30
Яйцо куриное (штук)	2
Сахар	100
Молоко коровье (миллилитров)	800
Соль поваренная пищевая	10
Аскорбиновая кислота (миллиграммов)	100

ПРИЛОЖЕНИЕ 8
к приказу Министерства юстиции
Российской Федерации
от 02.08.2005 № 125

НОРМЫ ЗАМЕНЫ
продуктов при выдаче продовольственных пайков

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
1	Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1 сорта	100		
	заменять:			
	хлебом формовым из диспергированного (тонко измельченного) пшеничного зерна		113	
	галетами простыми из муки пшеничной обдирной и 2-го сорта		60	
	мукой ржаной обдирной		42	
	мукой пшеничной 1-го сорта		28	
хлебцами хрустящими	80			
2	Хлеб белый из муки пшеничной 2-го сорта	100		
	заменять:			
	хлебом белым из муки пшеничной 1-го сорта		95	
3	Хлебом формовым из диспергированного (тонко измельченного) пшеничного зерна	100	110	
	Крупы разную			
	заменять:			
	крупями, не требующими варки		100	
	макаронными изделиями		100	
Концентратами крупяными, крупноовощными и овощными	100			
мукой пшеничной 2-го сорта	100			
консервами «Соевые бобы в томатном соусе»	200			

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
4	картофелем свежим		500	4
	овощами свежими		500	4
	овощами квашеными и солеными		500	4
	картофелем и овощами сушеными, пюре картофельным сухим, картофельной крупкой, картофелем и овощами сублимационной сушки	100		
	консервами овощными и бобовыми натуральными и маринованными (включая заливку)		500	
	консервами овощными первых обеденных блюд без мяса		375	
	консервами овощными заправочными	250		
	Картофель, овощи свежие, квашеные и соленые	100		3
	заменять:			
	луком репчатым ⁶		50	
луком репчатым сушеным или сублимационной сушки ⁷		5		
луком зеленым (перо) ⁸		100		
чесноком	25			
морской капустой ⁹		100		
5	Лук репчатый			
	заменять: 100			
	морской капустой ¹⁰	200		
6	Дрожжи прессованные	100		
	заменять:			
	дрожжами сушеными		50	
7	Мясо – говядину, свинину, баранину	100		
	заменять:			
	мясными блоками на костях		100	

⁵ Продукты в пределах пункта разрешается заменять между собой и проводить обратную замену в указанных соотношениях. Продукты, против которых в графе «Кроме того, заменять по пунктам номера» проставлены номера пунктов, разрешается заменять на продукты в пределах указанного пункта в таком же порядке. Многоступенчатая замена запрещена.

⁶ Запрещается обратная замена.

⁷ Запрещается обратная замена.

⁸ Запрещается обратная замена.

⁹ Допускается выдавать в количестве не более 150 граммов в течение недели.

¹⁰ Допускается выдавать в количестве не более 150 граммов в течение недели.

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера	
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя		
8	мясными блоками без костей	100	80	8, 11	
	олениной		130		
	кониной		100		
	субпродуктами первой категории (в том числе печенью)		100		
	субпродуктами второй категории		300		
	мясом кроликов		100		
	мясом птицы потрошенной		100		
	мясом птицы полупотрошенной и непотрошенной		120		
	мясом сублимационной и тепловой сушки		33		
	колбасой вареной и сосисками (сардельками)		80		
	мясокопченостями (ветчина, грудинка, рулеты, колбаса полукопченая)		60		
	консервами мясными разными		75		
	консервами из птицы с костями		100		
	рыбой (в охлажденном, мороженном и соленом виде) без головы		150		8, 11
	консервами рыбными разными		120		8
	сыром сычужным твердым		48		11
	сыром плавленым		72		11
	яйцами куриными, шт. концентратом бульона для приготовления первых блюд		80		11, 12
	Рыбу (в охлажденном, мороженном и соленом виде) потрошеную без головы		100		7, 11
	заменять:				
сельдью соленой и копченой с головой		100			
рыбой всех видов и семейств с головой независимо от состояния разделки		130			
рыбой копченой и вяленой (в том числе воблой)		75			
рыбным филе		70			
рыбой сушеной и рыбой сублимационной сушки		33			
сельдью соленой без головы, независимо от состояния разделки		85			

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменить по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
	консервами рыбными разными		80	7
	консервами овощными			
	закусочными		120	3, 17
	кетой, горбушей соленой с головой		100	
	кетой, горбушей соленой без головы		85	
9	Маргарин	100		
	заменять:			
	маслом коровьим ¹¹		67	
	маслом растительным		100	
	жиром-сырцом		130	
	салом-шпик		100	
10	Сметану 20 % жирности			
	заменять:	100		
	соевым молоком сухим		60	
11	Молоко коровье(миллилитров)	100		17
	заменять:			
	молоком цельным сухим, сухой простоквашей и кисломолочными продуктами сублимационной сушки		15	
	молоком цельным сгущенным с сахаром		20	
	молоком сгущенным стерилизованным без сахара		30	
	кофе натуральным или какао со сгущенным молоком и сахаром		20	
	кисломолочными продуктами (кефиром, простоквашей, ацидофилином)		100	
	сливками		20	
	сметаной		20	
	сметаной сухой		10	
	творогом		30	
	маслом коровьим		5	
	маслом коровьим топленным		5	
	сыром сычужным твердым		12	7
	сыром плавленным		18	7
	яйцами куриными, шт.		0,5	7, 12
	сливками сгущенными с сахаром		20	
	брынзой		24	

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
12	рыбой (в охлажденном, мороженном и соленом виде) потрошенной без головы	1	60	7, 8
	заменителем молока «Соевое молоко» ¹²		100	
	соевым молоком сухим ⁸		15	
13	Яйца куриные, шт.	100	15	7, 11
	заменять: меланжем яичным		50	
14	Сахар	100	50	16
	заменять: Карамелью		140	
	вареньем, джемом, повидлом		130	
	мармеладом		100	
	печеньем		100	
	вафлями		120	
15	халвой	100	120	13
	пастилой		120	
16	Печенье	100	85	18
	заменять: галетами простыми из муки пшеничной 1-го сорта, бараночными изделиями		200	
15	вафлями	100	100	18
	Томатную пасту		500	
16	заменять: томатом-пюре	100	200	18
	соусами томатными		100	
	соком томатным, помидорами свежими		500	
	Фрукты свежие		100	
	ягодами свежими		100	
	апельсинами, мандаринами		300	
	арбузами		200	
дынями	20			
фруктами сушеными	20			
фруктами и ягодами сублимационной сушки	20			
компотами консервированными ¹³	50			

¹² Разрешается заменять не более 30% от количества, положенного по норме питания в течение недели. Прямая и обратная замена, другие замены запрещены.

¹³ Разрешается прямая замена, другие замены запрещены.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
17	соками плодовыми и ягодными натуральными ¹⁴	100	100	17
	соками концентрированными плодовыми и ягодными с содержанием сухих веществ не менее 50%		20	
	соками сублимационной сушки		18	
	напитками фруктовыми		130	
	экстрактом плодовым и ягодным		10	
17	вареньем, джемом, повидлом		17	13
	концентратом киселя на плодовых и ягодных экстрактах		30	21
17	Соки плодовые и ягодные натуральные	100		16
18	заменять:			
	консервами овощными			
	закусочными		50	3,8
	лимонной кислотой		0,5	
	и сахаром		15	
18	соком томатным, овощным		300	
	Фрукты сушеные	100		16
19	заменять:			
	сахаром		75	
	и чаем		3	
19	Кофе натуральный	100		
	заменять:			
	кофе растворимым		40	
	кофейным напитком		200	
	какао-порошком		100	
20	чаем черным байховым 1-го сорта ¹⁵		25	20
	Чай черный байховый	100		19
21	заменять:			
	чаем растворимым		80	
	кофейным напитком		800	19
21	Крахмал картофельный	100		
	заменять:			
	концентратом киселя на плодовых и ягодных экстрактах		100	16
	картофелем свежим ¹⁶		500	3, 4

¹⁴ Разрешается прямая замена, другие замены запрещены.

¹⁵ Разрешается прямая замена, другие замены запрещены.

¹⁶ Разрешается прямая замена, другие замены запрещены.

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
22	Мука текстурированная заменять: Заменителем молока «Соевое молоко»	100	100	
23	Кисель витаминизированный заменять: сахаром и чаем	100	50 2	

Примечания: 1. Больным, находящимся на амбулаторном лечении, страдающим желудочно-кишечными заболеваниями и нуждающимся в диетическом питании (по заключению врача), продукты по установленным нормам питания выдаются с частичной заменой, в том числе: хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта заменяется хлебом из муки пшеничной 2-го сорта грамм за грамм; крупа разная 40 граммов – крупой манной 20 граммов и рисом 20 граммов; мука пшеничная 2-го сорта, пшено, бобовые – крупами ячменной, пшеничной и овсяной грамм за грамм; рыба – молоком коровьим в пределах ее стоимости (не более двух раз в неделю); маргарин, масло растительное – маслом коровьим по нормам замены.

Дополнительная стоимость диетических продуктов не должна превышать 20%, предусмотренных нормами питания.

2. Осужденным исправительных учреждений, расположенных во второй климатической зоне (Республики Дагестан и Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области), разрешается выдавать субпродукты 2-й категории взамен рыбы не более двух раз в неделю по нормам замен, а также картофель и овощи, в том числе тыква, в обмен 200 граммов хлеба из смеси муки ржаной и муки пшеничной 1-го сорта (по стоимости этих продуктов).

2. Специальные замены для отдельных категорий больных, находящихся на стационарном лечении в лечебно-профилактических и лечебных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний

№ пункта	Наименование продуктов ⁵	Количество, г		Кроме того, заменять по пунктам номера
		Заменяемого продукта	Продукта-заменителя	
1	Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной 1-го сорта заменять: хлебом белым из муки пшеничной 1-го сорта мукой пшеничной 1-го сорта крупой манной крупой разной	100		Для всех категорий больных
			90	
			75	
			75	
			75	
2	Муку пшеничную 1-го сорта заменять: мукой пшеничной высшего сорта	100	95	То же
3	Крупую разную заменять: крупой манной	100	100	То же
4	Мясо – говядину, свинину, баранину заменять: творогом	100	300	То же
5	Рыбу заменять: творогом	100	200	То же
6	Масло растительное заменять: маслом коровьим	100	67	То же
7	Масло коровье и растительное заменять: жирами животными топлеными, маргарином	100	150	
8	Сахар заменять: ксилитом пищевым или сорбитом	100	40	

3. Мясорастительные консервы

№ пункта	Консервы	Количество продуктов, подлежащих удержанию за 100 г консервов			
		мяса	рыбы	крупы, муки и овощи в пересчете на крупу	жиров животных, топленых, пищевых
1	Консервы мясо растительные в ассортименте, 1/265	80	30	86	12,5

4. Рыборастительные консервы

№ пункта	Консервы	Количество продуктов, подлежащих удержанию за 100 г консервов		
		рыба	крупы, муки и овощи в пересчете на крупу	масло растительное
1	Консервы рыборастительные в ассортименте, 1/250	65	10	10

Примечание: При получении на обеспечение новых видов продуктов нормы замены этими продуктами устанавливаются в каждом конкретном случае довольствующим органом.

Александр Маланкин

В государевых тюрьмах

Развитие института содержания под стражей в дореволюционной России

Первое, за что взялось новое подразделение министерства (Главное тюремное управление, созданное в 1879 г. – *Ред.*) – надлежащее устройство тюремных помещений. В связи с тем, что денег, выделяемых правительством на эти цели, явно не хватало, сооружение новых тюремных зданий было ограничено крайней необходимостью, а упор был сделан на приспособление под тюремные помещения уже существующих строений. За время с 1879 по 1889 гг. на новые постройки было потрачено более 3 млн рублей (в том числе 1,4 млн рублей на сооружение Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы), а на приспособление и переустройство существующих зданий – до 4,4 млн рублей. Для удешевления построек подрядная система во многих случаях заменялась хозяйственной и, где представлялось возможным, применялся труд арестантов.

К 1890 г. вновь было отстроено 11 тюремных зданий и перестроено или подверглось капитальному ремонту 57 зданий. На 27% увеличилось количество тюремных надзирателей (с 4478 человек в 1879 г. до 5684 в 1899 г.). В 1888 г. на одного надзирателя приходилось 13,7 арестантов. Улучшилось материальное положение тюремных служащих. Среднегодовой оклад надзирателя, например, увеличился до 151 рубля. Несколько улучшилось также снабжение заключенных одеждой, была установлена норма пищевой раскладки.

Представители ведомства поддерживали тесные контакты с западноевропейскими коллегами, принимали участие в международных пе-

---

Заключительная часть статьи. Начало см. «Неволя» № 4.

А.Н. Маланкин – полковник внутренней службы, заместитель начальника отдела по соблюдению прав человека в УИС управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России.

нитенциарных конгрессах, на которых обсуждались вопросы тюремной политики, вырабатывались согласованные решения¹. Международные контакты оказывали значительное влияние как на организационно-практическую, так и на законотворческую деятельность.

Важным шагом по дальнейшей гуманизации тюремной системы явилась передача Главного тюремного управления в ведение Министерства юстиции.

В 1890 г. был утвержден новый Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей, который учитывал достигнутый к тому времени прогресс в области понимания особого правового статуса подследственных арестантов².

Подследственные арестанты должны были содержаться в помещениях для лиц, подвергнутых аресту, арестантских помещениях при полиции, а также в тюрьмах и в Санкт-Петербургском Доме предварительного заключения. К военному ведомству были отнесены гауптвахты и крепости.

Во всех тюрьмах и арестантских помещениях, находившихся при полиции, предусматривалось выделение камер для одиночного содержания подследственных, а при отсутствии такой возможности предлагалось нанимать и оборудовать соответствующим образом частные дома.

Разделение арестантов осуществлялось по половому, возрастному (малолетние и несовершеннолетние отдельно от взрослых) и сословному признакам. Осужденные содержались отдельно от лиц, состоявших под следствием и судом. Лица, проходившие по одному делу, размещались раздельно.

Содержащиеся в арестантском помещении при полиции носили собственную одежду, белье и обувь. А если они оставались в помещении более трех дней, то им при необходимости выдавалось сменное белье. В тюрьмах ношение казенной одежды и обуви было обязательным только для подследственных, обвиняемых в бродяжничестве. Остальным лицам казенная одежда выдавалась лишь в случае отсутствия или неприличного вида собственной одежды.

Постельные принадлежности выдавались всем подследственным, кроме обвиняемых в бродяжничестве. В некоторых тюрьмах, где это было возможно, арестантам разрешалось иметь свою постель.

Для питания арестантов за основу брался солдатский паек, включавший хлеб, крупу и муку. Мясо, рыба и прочие продукты относились

¹ Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права. Петроград, 1915. С. 69–342.

² «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей» (СЗ, 1890, т. XIV).

к улучшенной пище и предоставлялись за счет пожертвований от благотворителей. Во время постов полагалось говеть. Беременным и кормящим женщинам предоставлялась улучшенная пища. Желающим разрешалось иметь свой собственный стол.

В соответствии с установленной для подсудимых арестантов нормой суточного довольствия, в 1889 г. они должны были получать на завтрак чай и кашу (гороховую, пшеничную и другие), на обед – суп или борщ с мясом, кашу или овощное рагу, на ужин суп рыбный. Хлеб выдавался в завтрак на весь день.

Заклученным предоставлялась ежедневная прогулка в пределах двора или сада.

Содержащиеся под стражей лица во время следствия и суда, вплоть до обращения приговоров к исполнению, не подлежали обязательному занятию работой в местах заключения, однако по желанию они могли принимать участие в работах при местах заключения, за что получали денежное вознаграждение³.

Чтение газет и журналов подсудимым политическим арестантам было запрещено. Допускалось лишь чтение книг серьезного и научного содержания, разрешенных прокурорским надзором. Другим подсудимым разрешалось чтение газет и журналов при условии, что они должны иметь образовательное и воспитательное значение и не затрагивать вопросы текущей общественной жизни.

Холостым арестантам запрещалось вступать в брак за время заключения под стражу.

В случае смерти или болезни близкого родственника по письменному распоряжению попечителя или суда подвергнутые задержанию обвиняемые могли быть отпущены домой.

Заклученным запрещалось употребление вина, курение табака, игры в карты, кости, шашки и другие увеселения, а также драться, воровать и шуметь.

В качестве наказания за невыполнение установленных правил в помещениях при полиции виновные по решению попечителя подвергались взысканию в виде денежного штрафа, выговора или заключения в комнаты без света на время не свыше суток.

---

³ В виде исключения из общего правила Законом от 6 января 1886 г. была установлена обязательная работа в тюрьме для обвиняемых в преступлениях против собственности, если они ранее осуждались за преступления имущественного характера. Для работ арестантов рекомендовалось ткацкое производство, плетение из ниток и соломы, изготовление щеток, проволочных корзинок, пуговиц и др.

За проступки, совершенные в тюрьме, применялись следующие наказания:

- 1) уменьшение нормы пищи до того, чтобы оставить только на хлебе и воде;
- 2) запрещение разговаривать;
- 3) обращение к содержащимся под стражей чиновным лицам только по имени, а не по отчеству;
- 4) заключение в комнату уединения с небольшим светом от одних суток и до недели включительно;
- 5) заключение в темную комнату уединения от одних суток до трех суток включительно.

Для предупреждения побегов допускалось заковывание лиц мужского пола в кандалы (исключая малолетних и ряд других категорий лиц)⁴.

«Временными правилами о дисциплинарной ответственности лиц, содержащихся под стражей»? объявленными Законом от 23 мая 1901 г. в тюрьмах были введены следующие виды наказания арестованных:

- 1) объявление выговора наедине или в присутствии других арестантов;
- 2) лишение права чтения литературы, кроме книг духовного содержания? на срок до 1 месяца;
- 3) лишение права переписки на срок до одного месяца;
- 4) лишение свиданий на срок до одного месяца (кроме свиданий с защитниками);
- 5) запрещение приобретения на собственные средства продуктов питания и других допускаемых в местах заключения предметов на срок до одного месяца;
- 6) лишение права распоряжаться половиной заработанных денег на срок до одного месяца;
- 7) лишение заработка за отработанное время на срок до одного месяца, а в более серьезных случаях – до двух месяцев;
- 8) уменьшение нормы выдаваемой пищи до оставления только на хлебе и воде на срок до трех дней;
- 9) арест в карцере со светом на срок не свыше одной недели;
- 10) арест в темном карцере на срок не свыше одной недели с переводом в карцер со светом и с разрешением прогулки через три дня на четвертый.

---

⁴ Кандалы и наручники могли налагаться только на подсудимых, обвинявшихся в тяжких преступлениях, за которые в законе были предусмотрены наказания, связанные с лишением прав состояния, и при условии, что эти лица не были до их осуждения освобождены от телесных наказаний.

Начальник места заключения имел право применять своей властью наказание к подсудственным в виде выговора наедине или в присутствии других арестантов. Все прочие взыскания он мог налагать с согласия наблюдающего за тюрьмой лица прокурорского надзора⁵.

Уголовный закон от 22 марта 1903 г. установил преимущественное содержание как осужденных, так и подсудственных арестантов в одиночном заключении, допуская содержание их в общих камерах при отсутствии достаточного числа одиночных камер⁶.

Одновременно закон устанавливал факультативный зачет осужденным в срок отбывания наказания срок предварительного заключения, предусматривал сокращение срока тюремного заключения за некоторые виды преступлений и более широкое применение условного осуждения.

Тюремное ведомство возлагало большие надежды на то, что в результате применения нового закона количество осужденных в тюрьмах резко сократится и это позволит постепенно перейти к более прогрессивному одиночному содержанию⁷.

Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться из-за нового обострения политической ситуации в стране и увеличения количества политических заключенных.

Если на 1 января 1902 г. во всех местах заключения России находилось 88 тысяч арестантов, из них около 25 тысяч подсудственных⁸, то к 1911 г. тюремное население увеличилось вдвое и составило 177 017 человек, из которых подсудственные составляли одну треть. Наибольший рост отмечен после поражения революции 1905 г.

В начале века революция в стране только назревала и арестованных революционеров было мало по сравнению с уголовными. Как вспоминал один из них – А. Локерман, оказавшийся в 1901 г. в тюрьме г. Ростова-на-Дону, – тюремные надзиратели проявляли недоумение и непонимание того, что это еще за новая порода арестанта? Из-за чего

---

⁵ Следует заметить, что закон от 23 мая 1901 г. вызвал всеобщее неодобрение тюремной администрации вследствие существенного ограничения ее прав в наказании подсудственных. Чтобы обойти запрет на применение карцера к подсудственным, их помещали в тот же карцер, но под предлогом отделения от прочих заключенных для предупреждения конфликтов или беспорядков, а не в наказание за совершенные проступки.

⁶ В этот период из 70 тысяч арестантских мест только 6 тысяч приходилось на одиночные камеры.

⁷ См.: *Лучинский Н.Ф.* Основы тюремного дела. СПб., 1904. С. 51.

⁸ См. *Лучинский Н.* К вопросу о мерах для поддержания тюремной дисциплины // Тюремный вестник. 1904. № 6. С. 436.

они бьются? Какую выгоду в этом находят? В бескорыстие революционеров не верили, а все пытались докопаться, нет ли за их громкими фразами каких-либо материальных пружин.

В той же ростовской тюрьме обитатели одиночных камер (в которых, кстати, сидели и по двое, и по трое из-за отсутствия мест) целые дни проводили у окон, общаясь с родственниками, а вечерами пели хором⁹.

Что касается бытовых условий, то они, по воспоминаниям автора, в одиночках были вполне сносными и терпимыми, если не принимать во внимание плохой воздух.

Видя, что режим в тюрьмах ослабевает и ситуация выходит из-под контроля администрации, Министерство юстиции, в ведении которого с 1895 г. находились указанные места лишения свободы, в 1904 г. утвердило «Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов».

Находившиеся в предварительном заключении политические арестанты должны были содержаться в местах заключения на основаниях, установленных для соответствующих категорий общеуголовных арестантов, с изъятиями, изложенными в указанных Правилах.

Во время проведения дознания или следствия политические арестанты должны были содержаться в особых камерах по одному и, по возможности, изолироваться от других категорий на прогулке, в церкви, комнатах для свиданий и т. д.

Политическим арестантам позволялось носить собственную одежду, белье, обувь и пользоваться собственными постельными принадлежностями. В личном распоряжении указанных лиц мог находиться лишь один комплект собственной одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей, соответствующих времени года и местным условиям.

Лица, относящиеся к привилегированным сословиям, могли получать пищу за счет своих собственных средств, остальные питались за счет казны пищей, приготовленной для общеуголовных арестантов.

В определенные дни, но не более одного раза в неделю, за счет собственных средств политические арестанты могли приобретать продукты и предметы обихода, которые разрешалось иметь в тюрьме: чайники, миски, мыло, гребешки, щетки, бумагу и т. д.

Курение разрешалось начальником тюрьмы и только тем арестантам, которым по заключению врача прекращение курения вредило состоянию их здоровья. Это разрешение аннулировалось, если арестант был уличен в нарушении установленного порядка.

⁹ Локерман А. По царским тюрьмам // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С. 163–182.

На хозяйственные работы по тюрьме политические арестанты не назначались, но они были обязаны сами поддерживать чистоту и порядок в камерах и убирать постель.

Политическим арестантам по разрешению начальника тюрьмы предоставлялось право заниматься в камерах или в специальных отведенных для этого помещениях письменными работами или ремесленным трудом.

Вся личная переписка политических арестантов направлялась на предварительное рассмотрение надзирающему прокурору.

Политические арестанты могли читать книги, газеты и журналы, за исключением запрещенных к обращению в публичных библиотеках, а также газет и журналов, вышедших в течение последних 12 месяцев. Если книги и другие издания поступали к арестантам извне, то они возвращались обратно лишь после освобождения лица из-под стражи.

Свидания с супругами и ближайшими родственниками, к числу которых относились родители, дети, родные братья и сестры, а в особо уважительных случаях и с другими лицами, разрешались начальником тюрьмы с согласия лица прокурорского надзора или лица, проводившего дознание. Количество свиданий – не более двух в неделю в дни и часы, определенные начальником тюрьмы. Помещения для свиданий оборудовались разделительной решеткой.

Выбор старост, устройство общей кассы и передача друг другу денег и вещей политическим арестантам запрещались.

Таким образом, «Правила» предусматривали более строгую изоляцию для политических арестантов по сравнению с уголовными, однако до 1907–1908 гг. администрация тюрем была не в состоянии обеспечить их выполнение.

Так, в одесской тюрьме в 1907 г. заключенные, пользуясь самодельными отмычками, свободно открывали двери камер, посещали друг друга и даже оставались на ночевку в других камерах. В тюрьме действовала общественная комиссия из представителей всех партий¹⁰.

В этот же период времени московская центральная пересыльная тюрьма («Бутырка»), где также содержались подсудимые, была открыта для межкамерных контактов. С утра до вечера заключенные вели переговоры друг с другом через окна, свободно получали известия с воли, издавали свой собственный журнал. Свидания имели без решеток и с кем угодно¹¹.

¹⁰ Витязев П. Памяти Н.Д. Шишмарева. Из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 249–261.

¹¹ Ядов // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 154–166.

Такое положение являлось результатом борьбы политических арестантов за свои права, проявляемой ими при этом идейной стойкостью, организованностью и взаимопомощью, а также активной поддержкой с воли.

Количество политических заключенных в тюрьмах постепенно превысило количество уголовных, и, хотя между их общинами было мало общего, уголовные нередко выступали на стороне политических в борьбе за права заключенных.

Тюремная администрация пыталась любыми путями противостоять беззаконию, обеспечить соблюдение требований нормативных актов.

Так, например, в марте 1908 г. генерал-губернатор Тифлисской губернии и Закавказского округа поручил начальнику губернского жандармского управления выработать детальный проект экстренных мер по вопросу об охране тифлиских тюрем для предупреждения побегов арестантов и прекращения преступных деяний со стороны.

Среди предложенных мер выделяются следующие, характеризующие обстановку в тифлиских тюрьмах на тот период и представления администрации о путях ее нормализации:

1) назначить соответствующих начальников тюрем, хлопотать об увеличении им жалования;

2) производить ежедневный обыск и осмотр арестованных;

3) завести агентуру среди арестованных;

4) увеличить число надзирателей и жалование им;

5) завести внутренних часовых;

6) сократить до минимума свидания (допускать только в первой степени родства – по инструкции) и совершенно воспретить хождение на свидания невест и женихов, требовать от пришедших на свидания их документы, адрес и разрешительную записку от жандармского управления и прокурорского надзора;

7) обыскивать всех лиц, приходящих на свидания;

8) разобщить уголовных арестантов и политических;

9) ввести в полной мере инструкцию по содержанию политических арестованных;

10) комнату для свиданий устроить соответствующим образом (с двумя решетками);

11) запереть камеры, чтобы не было хождения по коридорам;

12) просить Главное тюремное управление о переводе излишних арестантов в другие тюрьмы, дабы избежать переполнения, или приобрести новое здание для приспособления под тюрьму;

13) выпускать в комнату для свидания отдельно арестованных и отдельно пришедших на свидания в количестве, не превышающем числа лиц тюремной администрации и караула, присутствующих на свидании;

14) закрыть все окна, выходящие на улицу, заслонами, дабы лишить арестантов возможности переговариваться с посторонними;

15) запретить свидания в тюрьмах с политическими арестованными в не назначенные для того дни;

16) вменить в обязанность начальнику тюрьмы ежедневно обходить все помещения тюрьмы и присутствовать при осмотрах и обысках;

17) завести карету для перевозки арестованных;

18) не допускать посторонних врачей, особенно зубных, без разрешения лиц, производящих дознание. При обходе врачом арестованных присутствовать начальнику тюрьмы или его помощнику;

19) отделить в тюрьме комнату для допросов, чтобы не проводить арестованных через толпу и не допрашивать в толпе арестованных, которые свободно ходят в канцелярию даже толпами;

20) производить не менее одного раза в неделю осмотры подвальных помещений и дворов, соседних с тюрьмами, с целью обнаружения подкопов;

21) тюремным надзирательницам дать форму, чтобы часовые не смешивали их с арестованными женщинами¹².

Из содержания указанных предложений видно, что политические арестанты в тифлисской тюрьме в тот период также пользовались значительными вольностями, требования инструкции о порядке их содержания не соблюдались, а персонал тюрьмы не справлялся со своими обязанностями.

В то время как в одних регионах только обсуждали пути нормализации обстановки в тюрьмах, в других устанавливали жесткий режим, основанный на избиении, издевательствах над арестованными, применении строгих взысканий.

Например, в Пермской губернии в 1907 г. в отдалении от центра в глухой тайге функционировала Николаевская тюрьма, куда «на исправление» отправляли наиболее активных подследственных политических заключенных. Администрация тюрьмы делила всех политических на три категории.

Прибывшим из пермской тюрьмы разрешалось носить свое платье и обувь, их не заставляли ложиться спать в 6 часов после вечерней поверки.

¹² *Акроед С.Т.* Красный террор на Кавказе и охранное отделение // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 71–83.

Прибывшим из екатеринбургской тюрьмы выдавались арестантское платье и лапти, наравне с уголовными их укладывали спать в 6 часов вечера. Спящим запрещалось поднимать голову с подушки. За нарушение полагался карцер.

Третью категорию составляли политические, которых полиция задерживала в районе тюрьмы и ближайших приисков. Их сразу избивали и бросали в карцеры.

Несмотря на то, что двери камер были решетчатые, по вечерам и ночам в тюрьме стояла зловещая тишина, и только из карцеров доносились стоны избиваемых.

По дороге в карцер надзиратели выстраивались по обеим сторонам лестницы и избивали арестованных. Наказанных водворяли в карцеры в одном белье и без обуви, хотя помещения не отапливались и вода в них замерзала. Меньше чем на две недели в карцер не сажали.

Поверх дощатого пола в карцерах были прибиты круглые жерди. Из-за этого заключенным некуда было поставить босые ноги, они не могли ни сидеть, ни лежать на полу.

Избиение арестованных продолжалось и днем, и ночью – кулаками, плетью, тюремными ключами, ногами. Лишенные поддержки извне заключенные вынуждены были подчиняться требованиям администрации¹³.

По мере ослабления революционного движения после поражения революции 1905 г. тюрьмы стали вновь переходить под контроль администрации, которая стремилась всеми силами восстановить требуемый режим, содержания под стражей. Однако значительное переполнение тюрем не позволяло достичь этого в полном объеме.

В журнале «Каторга и ссылка» за 1921 г. были опубликованы относящиеся к концу 1907 г. – началу 1908 г. воспоминания бывшего узника калишской подследственной тюрьмы.

Тюрьма в основном состояла из крошечных одиночных камер – келий размером три с половиной метра в длину, чуть больше двух метров в ширину и около шести с половиной метров в высоту.

Водопровода в тюрьме не было, и воду приносили со двора, причем нерегулярно. Питьевой воды также приносили только один чайник в сутки, хотя в одноместной камере размещалось шесть человек. Было очень тесно, на койке спали по очереди, а остальные устраивались на кишаших паразитами тюфяках, расстеленных на мокром асфальтовом полу. Причем тюфяков давали только три.

¹³ Гольдман Л. И. Николаевский застенок // Каторга и ссылка. 1925. № 2 (15). С. 224–230.

Обращение администрации с заключенными было скверным. Однажды камеру залило водой из засорившейся канализации. На просьбы о помощи надзиратель грубо ответил: «Вы уже провоняли, так воняйте до утра», а начальник тюрьмы на вызов не явился. Утром всех свели в баню. Дали казенную одежду и за ночной стук в дверь водворили в карцеры. В этой тюрьме карцеры были темные и трех размеров: на высокий, средний и низкий рост, но при этом каждый на несколько сантиметров ниже человеческого роста. В таком карцере автор просидел пять дней. На прогулку заключенных выводили через день на 15 минут. Как-то во время свидания автор сообщил об этом сестре. Она дала взятку смотрителю тюрьмы, чтобы увеличить время пребывания на свежем воздухе. В результате автора воспоминаний прикрепили к команде, работавшей на крупномолке. Восемь заключенных, заменяя четырех лошадей и работая в три смены по четыре часа в день, крутили жернова. На этой работе он получил геморроидальное кровотечение и туберкулез.

Не лучше были и условия содержания арестованных в арестантских помещениях полицейских участков.

В полутемной камере одного из таких участков в Киеве, грязной, сырой и холодной, на голых нарах, изобиловавших клопами и вшами, без полотенца, без мыла, без подушки, одеяла и всякой посуды провел 10 суток А. Локерман. Горячей пищи не было. Участок ежедневно выдавал арестованным на пропитание по 7 копеек и сверх того по три раза в сутки кипяток¹⁴.

Н. Гейне проанализировал сроки содержания арестованных в полицейских участках и в тюрьме до суда в 1906 – 1907 гг.

Оказалось, что в полицейском участке в среднем арестованный находился 7 дней до того, как его переводили в тюрьму, но отдельные лица находились там более одного – полутора месяцев. Средняя же продолжительность содержания под стражей подследственных до передачи дел в суды составляла 5 месяцев 12 дней, а максимальная доходила до 15 месяцев¹⁵.

Любопытные исследования выписки продуктов питания и некоторых предметов первой необходимости подследственными политическими арестантами в Бутырской тюрьме в 1907–1909 гг. провел Ядов.

Как он пишет, казенная пища в тюрьме в этот период не была слишком плохой, но страдала однообразием.

¹⁴ Локерман А. По Киевским тюрьмам в 1904 – 1905 гг. // Каторга и ссылка. 1925. № 6. С. 177–195.

¹⁵ Гейне Н. Политические в «Лукьяновке» // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 202–218.

Передача продуктов во время свидания разрешалась до апреля 1907 г., когда после покушения на начальника тюрьмы была запрещена.

В то же время подследственные могли выписывать на свои деньги раз в неделю продуктов и предметов на два с половиной рубля и, кроме этого, ежедневно не более двух бутылок молока и на 20 копеек белого хлеба. Лица, относившиеся к привилегированным сословиям, за определенную доплату ежедневно получали больничный или дворянский обед. В этом случае им не выдавалась общеарестантская пища и хлеб.

Из 107 подследственных мужчин и 37 женщин в мае 1908 г. выписки продуктов и предметов сделали соответственно 59 и 27.

Заключенные выписывали себе продукты питания: колбасу, грудинку, сало, селедку, сыр, масло, творог, хлеб, баранки, яйца, чай, кофе, какао, сахар, огурцы, чеснок, горчицу, яблоки, конфеты, шоколад, печенье; табачные изделия и курительные принадлежности: махорку, табак, курительную бумагу, мундштуки, спички; письменные принадлежности: бумагу писчую и почтовую, тетради, карандаши, чернила, грифели, перья, грифельные доски и почтовые марки с конвертами; предметы гигиены: мыло, мочалки, зубной порошок, зубные щетки; хозяйственные предметы: иголки, нитки, пуговицы, стаканы, кружки, тарелки, блюдца, расчески, гребенки, носовые платки, носки, чулки, ложки, ножи, вилки (ножи и вилки разрешалось выписывать лицам из привилегированных сословий, выдавали их только на обед для резки продуктов).

Мужчины выписывали больше чаю, кофе, табачных изделий, письменных принадлежностей, предметов гигиены.

Женщины предпочитали сладости¹⁶.

Подробное описание санитарного состояния тюрем в 1909 г. дал Н. Гурьев. Он указал на однообразие пищи арестантов, недостаточную калорийность их суточного рациона. Только в небольшом количестве из обследованных им тюрем имелся достаточный запас белья, позволявший производить его еженедельную смену. В других тюрьмах этот срок удлинялся до десяти дней и больше.

Как признак анахронизма автор оценил наличие в камерах нар для лежания арестантов. Прогрессивным на тот период считалось оборудование откидных коек с парусиновым ложем, не требующих тюфяков, которые часто становились обиталищем паразитов.

Среди других недостатков Н. Гурьев отметил произвольное сокращение администрацией времени прогулок арестантов и даже полную их отмену, наличие клопов в камерах, плохое медицинское обслужи-

¹⁶ Ядов. Тюремные сидельцы // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 214–229.

вание, особенно в плане обеспечения гигиенических условий. Результатом неблагоприятных условий являлось развитие у многих арестантов туберкулеза легких¹⁷.

Выступая в 1911 г. на заседании Государственного Совета, начальник Главного тюремного управления С.С. Хрулев в ответ на упреки в том, что арестанты всегда едят мясо, которое не видит русский крестьянин, указал, что в огромном большинстве губернских тюрем, а в уездных повсеместно, мясо совершенно не дается, за исключением праздничных дней, а приправа супа делается с помощью только сала. Исключением являлись тюрьмы Санкт-Петербурга и Москвы, где были установлены другие нормы. Чай и сахар арестантам также не давался, стоимость питания в день составляла 4,5–6 копеек.

В 1909 г. стоимость содержания в год одного арестанта в России была ниже, чем в других странах Европы, в том числе по сравнению с Англией – в 2 раза.

Плохо в тюрьмах было и с библиотеками. По данным М.Н. Гернета, в трети из общего числа тюрем, откуда в 1904 г. поступили сведения, библиотеки полностью отсутствовали¹⁸.

Условия содержания под стражей в тюрьмах Российской империи неоднократно подвергались критике в зарубежной печати. Отвечая на упреки в притеснении заключенных в русских тюрьмах, безымянный автор на страницах журнала «Тюремный вестник» писал, что режим в тюрьмах России во многих отношениях представляется менее суровым, чем в других государствах Европы, где сравнительное благоустройство и правильное оборудование мест заключения дают возможность систематического и неуклонного соблюдения строгих требований тюремного режима, тогда как в России подобные требования нередко представляются неосуществимыми за отсутствием необходимых приспособлений (достаточного числа одиночных камер, карцеров, решеток для разъединения арестантов от посетителей во время свиданий и проч.). В качестве аргумента приводилась и свойственная русским незлобивость характера, традиционный взгляд на преступника не как на врага, а как на «несчастливого человека»¹⁹.

Особое внимание следует уделить положению несовершеннолетних в тюрьмах. По законодательству Российской империи несовершеннолет-

¹⁷ Гурьев Н. Санитарное состояние наших тюрем // Тюремный вестник. 1910. № 1. С. 65.

¹⁸ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 3. С. 374.

¹⁹ Мнимые притеснения заключенных в русских тюрьмах // Тюремный вестник. 1910. № 4. С. 551.

ними, подлежащими судебному преследованию, признавались лица в возрасте от 10 до 17 лет, учинившие преступное деяние с разумением.

Длительное время в местах лишения свободы царской России практиковалось совместное содержание несовершеннолетних и взрослых арестантов. С начала XIX века тюремные власти прилагали усилия к введению их раздельного содержания.

В 1821 г. Петербургский Комитет Общества попечительного о тюрьмах перевел всех детей, содержащихся в городской тюрьме, в отдельный флигель, ввел для них обучение грамотности.

Посетивший в 1828 г. псковский острог император Николай I увидел там несовершеннолетних, сидевших вместе со взрослыми, и повелел малолетних бродяг, не достигших 17-летнего возраста, не держать в тюрьмах, а сдавать в военно-сиротские отделения.

В 1843 г. при петербургском тюремном замке было учреждено малолетнее отделение для осужденных и подсудимых, на которых распространялись одинаковые правила содержания. Однако на местах подростки по-прежнему содержались со взрослыми, что наносило им огромный моральный ущерб. Кроме того, нередко они становились жертвами преступных посягательств со стороны взрослых.

По закону дела несовершеннолетних рассматривались так называемыми «совестными судами», призванными разбирать дела, следуя не столько закону, сколько моральным правилам «человеколюбия»²⁰. Суды рассматривали дела очень медленно, все это время несовершеннолетние содержались под стражей.

В 1850 г. председатель Санкт-Петербургского Комитета Общества попечительного о тюрьмах С.С. Ланской направил Президенту Общества графу Орлову подробную записку с изложением негативных последствий такого положения. Так, из 893 человек, дела которых рассматривались в 1846–1848 гг. в совестных судах, умерло до вынесения приговора 72 несовершеннолетних и малолетних арестанта. Из них 37 человек содержались под стражей около года, а четверо свыше двух лет. Кроме того, во время предварительного заключения, по мнению автора записки, несовершеннолетние заражались духом разврата от общения с преступниками.

Ланской предложил изменить законодательство о подсудимости малолетних и несовершеннолетних и, в частности, все дела о мало-важных преступлениях предоставлять полицейскому разбору.

²⁰ *Омельченко О.* Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи // Человек и закон. 1996. № 7. С. 94–102.

Записка была доложена царю, затем рассмотрена Государственным Советом, который оставил подсудимость малолетних и несовершеннолетних за совестными судами, но для ускорения рассмотрения дел некоторые дела взрослых подсудимых передал в ведение уголовной и гражданской палаты.

В 1861 г. в циркуляре Министерства внутренних дел отмечалось, что требование разделения арестантов по званию, полу, возрасту, а также отделения осужденных от обвиняемых во многих губерниях не выполняется.

Прогрессивная общественность постоянно искала пути для облегчения участи малолетних правонарушителей, изоляции их от разлагающего влияния взрослых, водворения в условия, максимально приближенные к детским воспитательным учреждениям. С этой целью с середины XIX века начали создаваться исправительные приюты для малолетних преступников, главным образом на благотворительные средства.

Первым таким учреждением стал Рукавишниковский приют в Москве, основанный в 1864 г. для отбывания наказания и исправления малолетних преступников.

Столкнувшись с негативным влиянием на несовершеннолетних условий содержания в помещениях при полиции и тюрьмах, устроители приюта настояли на открытии при нем отделения для малолетних подсудственных (1884 г.).

Опыт Рукавишниковского приюта оказался вполне удачным, и закон от 8 февраля 1893 г. установил направление подсудственных несовершеннолетних в особые учреждения, названные впоследствии воспитательно-исправительными.

Однако рост числа таких специализированных учреждений шел очень медленно из-за постоянно испытываемого недостатка благотворительных пожертвований. Некоторые учреждения, функционировавшие какое-то время, были закрыты из-за отсутствия пожертвований. Правительство субсидировало менее половины затрат приютов. В 1914 г. действовало только 60 таких заведений, в них содержалось менее 30% от общего числа несовершеннолетних правонарушителей. Что касается подсудственных, то большинство их по-прежнему проходило через тюрьмы.

В декабре 1915 г. министром юстиции была утверждена Общая тюремная инструкция, в которой подробно регламентировался порядок исполнения предварительного заключения под стражу и исполнения наказания в отношении различных категорий арестантов. Эта инструкция с определенными исключениями действовала и в первые годы Советской власти. Она оказала заметное влияние на содержание со-

ответствующих нормативных документов, подготовленных после октября 1917 г.

Инструкция предусматривала раздельное содержание лиц, состоявших под следствием и судом, и других арестантов, а также обвиняемых по одному и тому же делу. Указанные лица должны были, по возможности, содержаться в одиночном заключении.

Если врач давал заключение о том, что содержание арестанта в одиночной камере угрожало его здоровью, то арестант подлежал переводу в общую камеру с согласия прокурора или следственных властей.

Арестанты, состоящие под следствием или судом, должны были подвергаться лишь таким запретам и ограничениям, которые вызывались необходимостью предупреждения их уклонения от ответственности, обеспечения правильного хода следствия или дознания и поддержания порядка, необходимого в местах заключения.

Лицам, содержащимся в одиночных камерах, во время прогулки запрещалось разговаривать. Они должны были ходить ровным шагом на расстоянии пяти шагов друг от друга.

В отличие от других арестантов у подсудимых и подследственных прическа, усы и борода не могли быть изменены без согласия представителя прокурорского надзора.

Указанные лица пользовались правом получать за свой счет или от родственников и иных лиц пищу. Им разрешалось за установленную плату приготовление пищи в отдельной кухне. Помимо этого, им разрешалось приобретение продуктов питания как из денег, заработанных в местах лишения свободы, так и из собственных средств.

При этом на них не распространялись ограничения в расходовании таких сумм, существовавшие для осужденных арестантов, но воспрещалось выписывать больше, чем было необходимо для личного потребления.

В то время как для осужденных передачи принимались только от близких родственников, на состоящих под следствием и судом это ограничение не распространялось.

Последним не вменялось в обязанность носить казенную одежду. Количество собственной одежды в камере ограничивалось одним комплектом верхнего платья и обуви, соответствующих времени года, а также одной сменой чистого белья, как нательного, так и постельного, помимо той, что находилась в пользовании. Женщинам дозволялось иметь две смены белья. Смена собственного белья производилась не чаще смены казенного, но не реже чем через 10 дней. Стирка и сушка осуществлялись в тюремных прачечных за умеренную плату.

Лица, состоящие под следствием и судом, не входили в число арестантов, подлежащих обязательному занятию работой по распоряжению тюремного начальства. Однако арестанты, которые прежде отбывали наказание за определенные преступления, в случае повторного привлечения к ответственности за аналогичные преступления были обязаны работать, но освобождались от этой обязанности на время, которое было необходимо для приготовления к защите на следствии и в суде. Вместе с тем тюремной администрации вменялось заботиться о привлечении к работам желающих трудиться подследственных лиц.

В свободное от работы время для всех арестантов устраивались общие чтения, на которые привлекались только те подследственные, относительно которых имелось согласие прокурора. Те же требования распространялись и на привлечение арестантов к общеобразовательному обучению в тюремной школе²¹.

Свидания указанным лицам предоставлялись только с разрешения представителя прокурорского надзора, судебных и административных властей. В отличие от осужденных, которым свидания разрешались один раз в неделю с близкими родственниками, подследственным они могли быть разрешены два раза в неделю, причем не только с родственниками, но и посторонними лицами. Однако личное свидание без разделяющей сетки допускалось только с согласия вышеуказанных инстанций.

Лица, состоящие под следствием и судом, могли писать и отправлять прошения по делам в любое время, тогда как осужденным арестантам разрешалось это делать преимущественно в праздничные дни.

Для наложения на подследственных и подсудимых любых взысканий, кроме выговора, требовалось согласие прокурора.

Таким образом, Инструкция устанавливала и регламентировала различное правовое положение осужденных и лиц, состоящих под следствием и судом. Принцип презумпции невиновности подследственных и подсудимых реализовывался посредством таких норм, как неприменение принудительного труда; разрешение иметь собственную одежду, постель и стол; отсутствие ограничений в расходовании сумм денег, на которые они могли производить закупки; большее число свиданий; отсутствие ограничений в написании и отправлении прошений; ограничения на на-

²¹ Организация тюремных школ для обучения как осужденных, так и подследственных была рекомендована 5-м Международным тюремным конгрессом (1895 г.), в решении которого записано, что эти школы должны быть предназначены не только для неграмотных, но и для имеющих низкое образование. При этом обучение в школе должно было не только давать арестантам недостающие им знания, но и внушать правила, способные укрепить их нравственность.

ложение тюремной администрации взысканий; неприменение к ним телесных наказаний и взысканий в виде ареста в карцере.

Вместе с тем интересы следствия диктовали ряд дополнительных ограничений прав подсудимых и подсудимых по сравнению с осужденными. В частности, они должны были содержаться преимущественно в одноместных камерах, ограничивались общение с другими заключенными, пользование книгами тюремной библиотеки, обучение в школе и их участие в общих тюремных мероприятиях, устанавливались ограничения и в свиданиях.

Каждому историческому периоду развития дореволюционной России соответствовала своя система содержания под стражей обвиняемых в совершении преступлений.

Для общинной разобщенности характерна была система «отдачи на поруки». Для набиравшего силу государства – «отдача за пристава». Для окрепшего централизованного государства – тюремное заключение.

В XVIII–XIX веках было построено много тюрем, был законодательно урегулирован единый для всех мест лишения свободы порядок содержания под стражей. В своем стремлении не отстать от Европы Россия сделала ряд прогрессивных шагов, направленных на обеспечение дифференцированного подхода к подсудимому и срочному заключению, установление режима подсудимого заключения, отвечающего принципу презумпции невиновности. Реальным их воплощением стал Дом предварительного заключения в Санкт-Петербурге – наглядный образец того, как трансформируются на национальной почве идеи, позаимствованные на Западе.

В немалой степени достигнутым прогрессом Россия была обязана монаршему интересу к развитию уголовно-исполнительной системы, а также ее открытому характеру для контроля и влияния со стороны общественности. Однако тяжелое экономическое положение и нестабильная политическая обстановка не позволили закрепить и расширить прогрессивные изменения.

В начале XIX века иностранец Венинг описал картину состояния российских мест содержания под стражей. В начале XX века другой иностранец – Кеннан – также был поражен увиденным и поделился следующими впечатлениями.

«Во всей империи 884 тюрьмы. Номинально все они находятся под одним управлением и подлежат одним и тем же законам и правилам, и между тем трудно было бы найти двадцати тюрем, которые бы управлялись одинаковым образом в продолжении трех лет. Те права, которы-

ми пользуются заключенные в одной тюрьме, не существуют в другой; в одной строгость есть общее правило, в другой – только исключение; иных заключенных закармливают, другие содержатся впроголодь; в одном месте нарушение правил не влечет за собой ничего, кроме выговора, тогда как в другом подобное же нарушение наказывается двадцатью ударами розог по обнаженному телу. Везде беспорядок, противозаконные действия, произвол и более или менее полное отсутствие всякой системы. Причин этого положения дел много, но самые главные следующие: во-первых, самые законы чрезвычайно трудноприменимы на практике и полны противоречий; во-вторых, управление тюрем распределено между громадным количеством лиц и административных органов, отношение которых друг к другу не организовано правильно; в-третьих, многие русские административные лица склонны решать дела и поступать согласно не с законом, а с тем, что они считают лучшим в данное время или наиболее соответствующим видам высшего начальства; и в-четвертых, крайне низкий уровень административных способностей и нравственности громадного большинства лиц тюремной администрации, в которую невозможно привлечь более порядочных людей при том ничтожном окладе, который они получают»²².

Весьма точное наблюдение, свидетельствующее о том, что вплоть до своего падения царский режим так и не смог создать эффективную и гуманную систему функционирования мест содержания под стражей, совершенную нормативную базу и обеспечить соответствующие условия для ее реализации.

Фуко М.
**Ненормальные: курс лекций,
прочитанных в Коллеж де Франс
в 1974–1975 учебном году.**
СПб., Наука, 2004. 432 с.

Сергей Пашин

Технология ненормальности

Выдающийся философ и криминолог XX века Мишель Фуко известен нашему читателю. В переводе на русский язык публиковались его книги «Надзирать и наказывать», «Слова и вещи», «Воля и инстинкт», сборник «Интеллект и власть». Объединенные заглавием «Ненормальные» лекции прочитаны М. Фуко в период с 8 ноября 1974 г. по 19 марта 1975 г., то есть во времена его интенсивных теоретических изысканий в области микрофизики власти, ее природы и функционирования. На выбор предмета изучения оказала влияние собственная правозащитная деятельность мыслителя в составе «Группы информации по тюрьмам».

Русский поэт с физиологической выразительностью определил свое отношение к власти: «...Отвратительна, как руки брадоброя». Французский ученый препарировал власть, показав, что она страшна и способна убивать, даже будучи шутовской и опозоренной, «убюэской»¹. Впрочем, М. Фуко относит «к исторически пройденной модели» марксистские взгляды на власть как на внешний для общества, стоящий над ним («надстроечный») механизм насилия, инструмент поборов и при-

---

С. Пашин – кандидат юридических наук, член Независимого экспертно-правового совета.

¹ Эпитет восходит к имени короля Убю, героя одноименной пьесы А. Жарри (1896). Этот правитель был субъектом гротескным: комически жестоким, трусливым и циничным. В некотором смысле образ Убю вобрал в себя черты римского императора Нерона.

нудительного перераспределения богатств в пользу господствующего класса. Имея в виду современное ему государство, он, напротив, считает его «сердечником» механизмы, которые «созидают, творят, производят», играют позитивную, продуктивную роль, оттесняя репрессивные устройства на задний план.

Власть, стремящаяся захватить и использовать тело человека, предстает в трудах М. Фуко в обликах монарха, судьи, полицейского, надзирателя, педагога, родителя, исповедника, врача. В арсенале власти находят также психиатрические знания и практики.

Данный курс лекций, посвященный развитию психиатрии, был представлен Мишелем Фуко слушателям Коллеж де Франс, где он до своей смерти в июне 1984 года возглавлял кафедру истории систем мысли. По правилам этого привилегированного учебного заведения каждый профессор обязан ежегодно выступать публично, для всех желающих его слушать, с изложением результатов очередного выполненного им оригинального исследования. М. Фуко, приступая к открытому представлению своего труда, декларирует намерения следующим образом: «Техника управления людьми имеет свое базовое устройство – дисциплинарную организацию. <...> На что нацелено это базовое устройство? На нечто такое, что, я думаю, можно назвать «нормализацией». <...> Вот эту систему идей, эту одновременно позитивную, техническую и политическую концепцию нормализации я и хотел бы попытаться исторически разработать в применении к сфере сексуальности». Соответственно, автор курса, сохраняя в своих выкладках рамку исторического изучения технологий власти, прослеживает и иллюстрирует примерами из судебной практики движение предмета психиатрии от работы с умопомешательством и бредом до ее концентрации на инстинктах пациентов и, наконец, вплоть до распространения объемлемой этой наукой сферы на безграничное поле ненормальности.

Посвятив первую лекцию цитированию и анализу экспертных заключений авторитетных во Франции судебных психиатров, М. Фуко не просто высмеял их: «Шутовство и должность психиатрического эксперта составляют единое целое: именно в качестве функционера эксперт и в самом деле шут». Он продемонстрировал исторические, легальные и гносеологические причины смычки психиатрической и судебной властей, условия, при которых прокурор и судья выработали вполне определенные запросы в адрес врача-эксперта. «Ясно, каким образом два механизма соединяются, – говорил М. Фуко. – Уголовная власть постоянно обращается к медицинскому знанию: я столкнулась с беспричинным деянием и прошу вас – либо отыщите мне его причины, и тогда моя

карательная власть сможет исполниться, либо, если вы их не найдете, сочтем деяние безумным. <...> И медицинское знание-власть отвечает: смотрите, сколь необходима моя наука, – ведь я способна выведать опасность даже там, где никакому разуму не под силу ее найти. <...> Я могу показать вам, что в глубине всякого безумия есть потенциальное преступление, а следовательно, и подтверждение моей самостоятельной власти». В основание криминальной психиатрии М. Фуко помещает уголовные дела трех монстров: женщины-людоедки и дочереубийцы из Селеста; Папавуана, убившего в Венсенском лесу двоих детей; Генриетты Корнье, перерезавшей горло соседской маленькой девочке. Родословие ненормальности как предмета современной психиатрии мыслитель выводит из фигур юридического монстра, маленького мастурбатора и «недисциплинированного» ребенка, посвящая большую часть исследования первым двум из этих субъектов. Их выделение и обращение к ним послужило поводом изменения технологий нормализации и распространения психиатрической власти на семью.

М. Фуко удалось выявить не только судебный, но и политический запрос к психиатрии, выработанный в конце XIX века: «...К психиатрии обратились с просьбой о чем-то таком, что можно было бы называть... психиатрическим дискриминантом с политическим эффектом». Злоупотребления психиатрическим знанием использовались в рамках расистских теорий, которые, по мнению ученого, «следует исторически соотносить с психиатрией».

Результатом пошагового скрупулезного анализа в лекциях М. Фуко судебных и медицинских технологий и представлений становится парадоксальный, на первый взгляд, но убийственно логичный вывод: сегодня психиатрия, оснастив себя властными функциями, «приобрела возможность не заниматься лечением». «С тех пор как безумие предстало как технология ненормальности, ненормальных состояний, наследственно предопределенных родословной индивида, – отмечает М. Фуко, – сам проект лечения... потерял смысл. Психиатрия больше не стремится лечить – или не стремится лечить прежде всего. <...> Психиатрия получает реальную возможность облечь себя функцией, которая сводится к охране и поддержанию порядка. Психиатрия назначает себе роль генерализованной социальной защиты и в то же время, за счет понятия наследственности, дает себе право вмешательства в семейную сексуальность. Она становится технологией научной охраны общества и наукой о биологической охране вида». О том, в какой мере этот абрис силуэта репрессивной психиатрии приложим к отечественным реалиям, судить читателю.

Вообще, перелистывая страницы книги «Ненормальные», можно поймать себя на ощущении deja vu. Кажется, что М. Фуко рассказывал в 70-е годы прошлого века о нашем настоящем, а не об их прошлом. Посмотрите, например, как он описывает судебные технологии извращения принципа внутреннего убеждения, практику осуждения при недостаточности доказательств подозреваемых вместо виновных. Условия компромисса, при котором слабость улики ведет не к оправдательному, но к мягкому обвинительному приговору, отлично известны всякому, кто столкнулся с современным уголовным правосудием в России.

В лекциях М. Фуко интересны не только содержание, но и ход мысли оратора, не только «что», но и «каким образом». Увлекает не трескучее краснобайство, которого в данном случае нет и в помине, а изощренность и острота вдохновенного человеческого разума. И адепты постмодернизма, и их противники, полагаю, найдут в книге образцы подлинно научного исследования гуманитарных практик, не замутненного приспособленчеством и интеллектуальной нищетой.

Блестящий перевод книги, выполненный А.В. Шестаковым, делает непростой текст М. Фуко доступным для русскоязычного читателя, если не вовсе прозрачным, то, по меньшей мере, кристально организованным и чистым.

Необходимое предисловие

Наверняка тому, кто перечитывал книгу Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Одноэтажная Америка», приходила в голову мысль о том, что неплохо было бы проехаться спустя десятилетия по тому же маршруту, по которому проехали советские писатели со своими американскими спутниками – супругами Норт (в книге – Адамсы). И не просто проехаться, а непременно написать книгу о том, как преобразились – и преобразились ли? – те места, в которых побывали авторы.

Так получилось, что эту книгу второй раз я перечитывал в тюрьме: мне ее принесли из местной библиотеки. И так получилось, что третий раз я перечитывал эту книгу в той же тюрьме, оказавшись там в очередной раз. И было это в одиночной камере. И было время, чтобы хорошо обдумать детали путешествия. Тем более что само путешествие казалось невероятным именно с моим участием.

Но в 2003 году я вышел на свободу. А уже в 2004 году в Нью-Йорке, в ПЕН-клубе, рассказал об этой идее американским писателям. Один из них – Ларри Симс – не просто поддержал идею, но вызвался быть участником экспедиции, своего рода «вторым пером».

8 марта 2005 года мы осуществили совместную поездку в тюрьму Синг-Синг. Именно эту тюрьму посетили в самом начале своего путешествия Ильф и Петров.

Конечно, идея книги-римейка не новая и уже осуществлявшаяся. В 70-е годы подобную книгу написали журналисты Василий Песков и Борис Стрельников. Но нам показалось, что сегодня, спустя семьдесят лет, можно по-новому взглянуть на события тех лет и без оглядок на советскую систему оценок действительности написать книгу двумя перьями – американским и российским. Свершится ли задуманное – увидим...

Тюрьма без запахов и звуков

Инспектор, улыбаясь, оборотился к коменданту и сказал:

– Не понимаю, кому нужны эти бесполезные ревизии? Кто видел одну тюрьму, видел сто; кто выслушал одного заключенного, выслушал тысячу; везде одно и то же: их плохо кормят, и они невинны. Других у вас нет?

А. Дюма «Граф Монте Кристо»

Когда после Владивостокской тюрьмы, в которой я провел в общей сложности два с половиной года, я – изнутри – увидел московскую тюрьму «Матросская Тишина», мне показалось, что я снова очутился во Владивостоке: та же мрачность и сырость камер, та же скученность людей, тот же спертый и затхлый воздух... И тогда мне вспомнились слова инспектора тюрем из «Графа Монте Кристо»: «...Кто видел одну тюрьму, видел сто...».

Они действительно похожи. Даже внешне. К примеру, когда-то я несколько раз проезжал мимо колонии строгого режима в Приморском крае, так называемой «двадцатки». Красивые сопки вокруг, живописная бухта, зеленые деревья... А в этом году в пригороде Сан-Франциско увидел тюрьму Сан-Квентин: живописная бухта, красивые сопки района Соселито, зеленые деревья...

Тюрьма Синг-Синг тоже чем-то напомнила те, виденные ранее, тюрьмы: она тоже расположена на берегу реки и со стороны выглядит так же мрачно, как и все ее собратья, во множестве разбросанные не то что по всему миру, а даже по одному только штату Нью-Йорк – их здесь аж 70 (семьдесят) штук.

В день нашего приезда в Синг-Синг шел противный, с примесью дождя и ветра, снег. Снизу, с Гудзона, то и дело прорывался вихрь, принося с собой колючий холод. Зеленых деревьев в эту пору в маленьком городке – Оссенинге, что расположился рядом с тюрьмой, не наблюдалось и вовсе.

Первым делом я, разумеется, сфотографировал высоченный забор и вышки вдоль периметра. Через десять метров нашего пути по направлению к административному корпусу охранник с вышки крикнул что-то насчет моего фотоаппарата. Еще через двадцать метров нас

догнал на джипе толстый офицер и приказал отдать ему фотоаппарат. Спорить было бессмысленно, и я отдал свой маленький «Никон». Еще через тридцать метров нас догнал еще один офицер и тоже предложил отдать ему фотоаппарат. Я сказал, что на всех тюремщиков фотоаппаратами не запасся.

В административном здании нас встретили заместитель начальника тюрьмы Роберт Эрколь и его помощник офицер Трэвис – мощный накачанный афроамериканец с грустными глазами и доброй улыбкой. Подошел и толстый с моим фотоаппаратом. Он попросил показать ему отснятые кадры, а затем удалить их. Предложение показалось странным, потому что внешний вид тюрьмы есть на многих сайтах в Интернете. Но спорить я не стал: в чужом монастыре свой устав.

Между тем Трэвис задал нам несколько вопросов и был, как мне показалось, сильно удивлен тем фактом, что я дважды сидел в российской тюрьме. Офицер тут же подошел к заму начальника и что-то ему сказал. Эрколь взял фотоаппарат, который у меня уже отобрали и сунули в бумажный пакет, протянул его мне и сказал: «Не разрешается фотографировать только лица заключенных и сотрудников, а также забор».

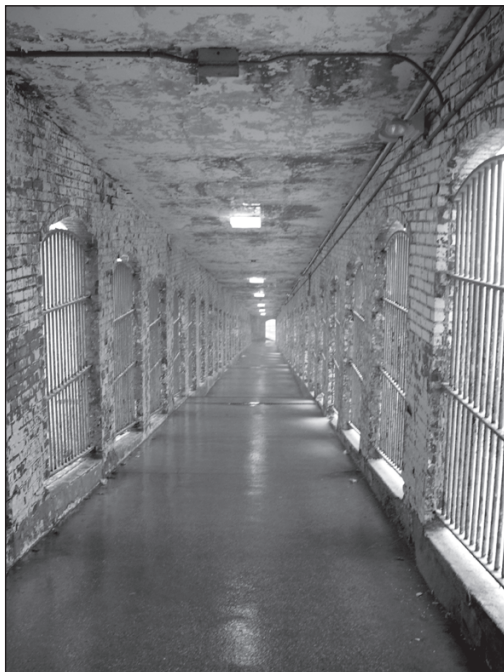
Я сразу вспомнил слова из «Одноэтажной Америки»: «Самое лучшее представление об американской тюрьме дала бы фотография, но, к сожалению, внутри Синг-Синга не разрешается фотографировать».

Стало быть, нам разрешили. (Позже я узнаю, что был первым российским журналистом, который не только посетил эту тюрьму, но и производил там фотосъемку.)

Я взял фотоаппарат и быстро, пока тюремное начальство не передумало, попросил нашего переводчика Елену Розину сказать Трэвису, что мы готовы следовать за ним.

Первая дверь оказалась решеткой – тяжелой, массивной, с толстыми прутьями. Открывались такие двери специальными ключами, которые, как я догадываюсь, изготовить в тюремных условиях весьма непросто. То есть успешный побег возможен только при условии соучастника из числа сотрудников тюрьмы. Кстати, так оно и было в 1984 году, когда состоялся последний за историю тюрьмы успешный побег. Беглеца вскоре поймали, а соучастника вроде не вычислили. Говорят, после повышения зарплат текучесть кадров стала меньше.

Сегодня в Синг-Синге содержится свыше 1700 заключенных. Больше половины – афроамериканцы. Сотрудников тюрьмы младшего и среднего звена – 700 человек, старшего – 300. После тщательного отбора кандидаты в сотрудники проходят специальное обучение в течение 8 месяцев. По

мнению Эрколя, этого времени явно недостаточно, чтобы подготовить классного специалиста. Однако те, кто не увольняется сразу, становятся хорошими работниками. И мы в этом убедились. К примеру, сотрудник «религиозного» отдела Жан-Пьер удивил нас своими познаниями в различных религиях, веротерпимостью, доброжелательным отношением к заключенным.

Трэвис показал нам старые и новые корпуса, больницу, столовую, магазин,

религиозные комнаты (некоторые – настоящие храмы внутри тюремных стен), мастерские, те комнаты, где находился электрический стул – теперь уже легендарный «Олд Спарки», генератор, комнату для свидетелей казней, «дэнс холл», где танцевали свой предсмертный танец приговоренные за шпионаж в пользу СССР супруги Розенберги... Видели мы и старый, построенный в 1825 году руками зеков из местного мрамора, первый корпус тюрьмы.

Тюрьма Синг-Синг многим известна не только по книге Ильфа и Петрова. Множество фильмов, в которых так или иначе речь идет об этой тюрьме, известны и русскому, и американскому зрителю. Вспомним, к примеру, сиквел фильма-комедии «Анализируй то», где рассказывается об освободившемся из Синг-Синга мафиозо Поле Витти, роль которого сыграл Роберт де Ниро. В этом фильме есть кадр, когда герои стоят во дворик-коридоре. (На фотографии этот дворик выглядит куда скромнее, чем в фильме, – погода была пасмурной и снежной.) Известно также, что кинокомпания «Уорнер Бразерс» снимала здесь фильм в 1934 году и в благодарность за это отстроила для тюрьмы стадион.

Вот как описывает посещение Синг-Синга в своих мемуарах Чарли Чаплин: «...Старые казематы в Синг-Синге напоминали о мрачном средневековье. В тесных узких каменных мешках спало по четверо-шестеро заключенных. Что за злой гений придумал этот дом ужасов... Надзиратель, добрая душа, объяснил, что Синг-Синг переполнен, необходимы средства на строительство новых казематов...»

Упоминает Чаплин и комнату со знаменитым электрическим стулом: «Старое здание, где приводились в исполнение смертные приговоры, было похоже на школьную залу: вытянутое, узкое помещение, с низким потолком, с рядами скамеек для репортеров, и прямо против них – дешевое деревянное сооружение – электрический стул. С потолка к нему спускался голый электрический провод. Ужас, который вызывала эта комната, заключался в ее обыденности и полном отсутствии драмы, что создавало зловещую обстановку...»

Конечно, на человека, впервые попавшего в тюрьму – будь то в США или в России, – тюремная обстановка «давит» и вызывает неприятные чувства. Наш переводчик Елена все время твердила, что ей страшно. Ларри держался молодцом. Во всяком случае, внешне никакого беспокойства он не выказывал. Что касается меня, то ни казематы, ни обстановка Синг-Синга, ни тем более типично зековские лица некоторых заключенных каких-то особенных чувств не вызвали: кто видел одну тюрьму, тот видел их все.

Разумеется, отличия от российских тюрем обнаружались сразу же. Прежде всего – это отсутствие типично тюремных запахов. Помню, именно запах поразил меня в первый же день пребывания во Владивостокской тюрьме: тягучий, омерзительный запах тлетворности. Им, казалось, были пропитаны не только стены, но и сами заключенные. И в этом я убедился после освобождения. Как-то мне пришлось зайти в суд. Мы шли по лестнице с моими адвокатами. Вдруг в коридоре суда нам навстречу вышел конвой с собакой. Пропустив адвокатов, собака набросилась на меня. Конвойный еле оттащил ее, а затем пояснил, что пес натаскан на тюремный запах и, значит, среди нас есть тот, кто недавно сидел в тюрьме.

Не было в американской тюрьме и звуков, присущих тюрьмам российским. Российская тюрьма живет криком заключенных: они по всем поводам перекрикиваются друг с другом через решетки, которые заменяют окна. В Синг-Синге, как и в других тюрьмах США, окна есть только в специальном блоке, где содержатся зеки на облегченном режиме. И кричать им, судя по всему, незачем. Во всяком случае, за не-

сколько часов пребывания в тюрьме мы ни разу не услышали ни одного не то что крика, а даже окрика.

Мы, кстати, зашли в «облегченный» блок. Он сравнительно небольшой: метров 100 в длину и 30 в ширину. 84 камеры. Поговорили с добродушным охранником (я думаю, что это их добродушие – своего рода защитная реакция на окружающую действительность). Узнав, что среди нас русский, он сказал, что в его блоке тоже есть русский, которого он зовет «генерал Зима». Почему «Зима» – ясно: за тюремными стенами аж выла вьюга. А почему «генерал» – стало ясно вскоре. Вошел типичной наружности зек: слегка затравленный, с бегающим и колющим взглядом исподлобья, с готовностью тотчас сказать «есть, сэр» в ответ на малейшее замечание охранника, с очень короткой стрижкой и землистым цветом лица. Он назвался Олегом Григоренко, уроженцем Киева, бывшим – тут настал мой черед удивляться искренне – капитаном 2-го ранга, бывшим механиком атомной подводной лодки Северного флота. Лет двенадцать тому назад он уехал жить в Канаду. В один из приездов в США убил человека. (Говорил, что к нему пришли с пистолетом, а он, обороняясь, из пистолета нападавшего и убил.) Приговорили бывшего кавторанга к 15 годам лишения свободы. 10 уже отсидел. Последних два года – в блоке облегченного типа. Надеется вскоре выйти на свободу. Вот такая история. (Позже мы спросили, насколько она соответствует правде. «Вполне соответствует, – ответил первый заместитель начальника тюрьмы. – Мы, правда, не особенно вникаем в дела осужденных, чтобы не быть зависимыми от этих дел. Согласитесь, что отношение к человеку поневоле изменится, если при общении с ним мы будем знать, что он убил и изнасиловал ребенка».)

Как выглядит камера в «облегченном» блоке? Похожа на маломестную (восемь квадратных метров) камеру российских тюрем, но меньше по размерам метра на два-три. При этом надо учитывать, что в США в такой камере содержится один заключенный, а в России – от четырех до двенадцати. Если в российской камере вместо унитаза – дырка в полу (или на возвышенности из бетона, так называемый «трон» или «танк»), то в американской имеется настоящий обычный унитаз. Шкаф и полки для личных вещей, умывальник, узкая койка, телевизор, застекленное окно. Можно выходить из камеры и даже из блока.

После этого мы зашли в самый большой в Америке тюремный блок – блок А. В нем содержится 685 заключенных. В таком же блоке Б, напротив через коридор – 634. Подобной конструкции блоки часто можно уви-

деть в американских фильмах. Они действительно производят впечатление, описанное у Ильфа и Петрова, – впечатление заводского механизма. Сплошное железо, решетки, открывающиеся не вручную, а механически.

Мы поинтересовались у охранников, как часто им приходится изменять дубинки. Охранники заулыбались: приходится. Трэвис пояснил, что в тюрьме есть несколько банд, которые пытаются установить лидерство. В основном это афроамериканцы и выходцы из стран Латинской Америки. Иногда их приходится успокаивать, но до больших потасовок дело редко доходит.

Кстати, Григоренко успел сказать нам, что в тюрьме есть расизм – черных по отношению к белым. Тем более, что black (так указано в брошюрке, которую нам дали в тюрьме) – 969 человек (53%) от общего количества заключенных.

Электрический стул

Собственно, так называется глава у Ильфа и Петрова о посещении ими тюрьмы Синг-Синг. А начинается она с рассказа о вечеринке, на которой писатель Эрнест Хемингуэй и предложил советским писателям побывать в этой тюрьме.

Примечательно, что в книге написано: «Вообще то, что называется уличным движением, в Нью-Йорке свободно может быть названо уличным стоянием».

Мы выехали с Рузвельт-Айленда, что лучше, чем с Манхэттена, но все равно долго плутали по Квинсу. То есть в плане движения по Нью-Йорку со времен Ильфа и Петрова мало что изменилось.

Вот как описывают приезд в тюрьму советские писатели. «Торжественно-громадный, закрытый решеткой вход был высок, как львиная клетка. . . В дверях стояли трое полицейских. Каждый из них весил по крайней мере двести английских фунтов. И это были фунты не жира, а мускулов, фунты, служащие для подавления, для усмирения».

У сопровождавшего нас офицера Трэвиса тоже были «фунты мускулов», но прибегать к их помощи «для подавления», по его словам, ему не приходится.

Упомянут писатели и о том, что в день их приезда был день свиданий. Как выяснилось, родственники к заключенным могут приходиться по субботам-воскресеньям (с разделением на четные и нечетные дни), а к тем, кто в облегченном блоке – ежедневно. В этом тоже отличие от российских тюрем: там посещение только раз в месяц – если ЗК находится в СИЗО (следственном изоляторе, то есть еще не осужден) и раз в три месяца, если осужденный находится в лагере (колонии). (Здесь

все зависит еще и от степени режима: на строгом режиме свидания могут быть и раз в четыре месяца. Зачем нужна такая система, которая подавляет в человеке все человеческое, вряд ли понимают и сами представители власти. Просто в России ВСЕГДА была ТАКАЯ власть – бесчеловечная по отношению к своим же согражданам. Такой она остается и по сей день.)

Электрический стул мы не видели. Говорят, что он находится где-то то ли в Вирджинии, то ли в Вашингтоне, то ли в столице штата Нью-Йорк городе Олбани на каком-то складе. Возможно, к моменту открытия музея в Синг-Синге (а начальник тюрьмы показывал нам уже разработанный проект, дело лишь за финансированием) его привезут и установят.

Но мы видели комнату, в которой стоял стул, а также те помещения, в которых находились генератор, рубильники, комнату свидетелей казни и смежные помещения. Первым делом задали вопрос: что это за стеклянная крыша над бывшим местом казни? Повисшая пауза словно подтолкнула к ответу, который, впрочем, вслух так никто и не произнес. Но жуткая догадка заставила надолго замолчать всех, кто находился в комнате. Этот подъемный потолок открывали, когда после некачественно проведенной казни приходилось проветривать помещение от дыма и запаха горелого мяса.

Сейчас в «комнате смерти», как ее раньше называли (Death House at Sing Sing), расположена мастерская. В день нашего пребывания в тюрьме на куче газонокосилок зеки изучали строение двигателей и разных механизмов. Разумеется, говорили и об электрическом стуле.

Здесь, пожалуй, необходимо отступление от повествования. Что есть смертная казнь? В российском Уголовном кодексе сказано, что это «исключительная мера наказания» и она «может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь». Известно, что в России введен мораторий на смертную казнь. Но разговоры о применении этого вида наказания то и дело вспыхивают в обществе.

В США смертная казнь существует без всяких мораториев. Более того, в двух штатах – Алабаме и Небраске – она существует в виде лишения жизни именно при помощи электрического стула. А во Флориде можно выбирать – стул или смертельная инъекция. И в США также не утихают споры по поводу смертной казни. Буквально за пару дней до нашего посещения Синг-Синга Верховный Суд США отменил смертную казнь для подростков, что было с одобрением воспринято в Европе и с неодобрением – в некоторых кругах в Америке.

В свое время во Владивостокской тюрьме я общался с человеком, которого приговорили к смертной казни. После судебного заседания его на несколько часов то ли по ошибке, то ли по другой причине снова забросили к нам в камеру, то есть туда, где он сидел до последнего судебного заседания. Утром его, разумеется, забрали. Но те несколько часов общения с человеком, которому «светил вышак», я запомню надолго. Было в его душе, как мне показалось, что-то надтреснутое. Он пытался шутить – и у него по молодости лет даже получалось это. Но внутренне это был уже другой человек. Наверняка он понимал, что даже фактическая замена смертной казни пожизненным заключением не делает его более живым на этой планете. Помню минуты, когда он приговаривал: «Лучше бы отменили мораторий, лучше бы расстреляли». Действительно, неизвестно ведь еще, что хуже: смертная казнь или пожизненное заключение в российской тюрьме. То есть я слышал от заключенных, что именно пожизненное как раз хуже.

Наверное, сколько будет существовать человечество, столько будут длиться споры относительно смертных приговоров. В качестве аргумента «против» есть факты: смертная казнь не уменьшила количество тяжких и особо тяжких преступлений, не сделала их необратимыми.

«Гордимся прошлым, настоящим и будущим» – девиз Синг-Синга

Есть у Ильфа и Петрова в главе «Электрический стул» такая фраза помощника начальника тюрьмы: «У вас, я слышал, пенитенциарная система имеет своей целью исправление преступника и возвращение его в ряды общества. Увы, мы занимаемся только наказанием преступников».

Фраза эта, возможно, и произносилась помощником начальника тюрьмы. Но она ни в коей мере не отражает истинного положения дел. И не отражала, ибо, как мне представляется, книга «Одноэтажная Америка» изначально задумывалась как инструмент идеологического противоборства. Другое дело, что получилась она во многом правдивой. Но это, скорей всего, вопреки установкам, а не благодаря им.

Ни в СССР, ни тем более в современной России никому в пенитенциарной системе и в голову не приходило «исправлять преступника». Уж поверьте моему опыту. Тюремно-лагерная система направлена на подавление всего человеческого в человеке, на превращение его в скотину. И это подтверждается не только необоснованными и жестокими запретами на свидания с родными, на телефонные звонки, на нормальную пищу, на занятия спортом, на достаточные прогулки, на возможность учиться... Это видно даже в таких, казалось бы, мелочах, как запрет на пользование... цветными карандашами.

В американских тюрьмах всего этого нет и близко. Звонки? Да сколько угодно, только плати свои деньги. Карандаши? Да хоть красками рисуй. Нормальная пища? Покупай по дешевке в тюремном магазине.

Кроме того, мы имели возможность увидеть, так сказать, материальную сторону морально-психологического перевоспитания заключенных – помещения, где верующие молятся, слушают своих духовных наставников, читают религиозные книги. Представители абсолютно всех конфессий имеют возможность отправлять обряды своих верований. Подавляющее большинство осужденных – протестанты (28%), затем следуют католики (26%), мусульмане (24%) и... растафарианцы (6%). (О последних сказать надо пару слов. Мы зашли к ним в комнату. Два афроамериканца сидели за столом в высоких черных шапках, в которых, при желании, можно было спрятать по пулемету. Они весело нам улыбались и тут же вручили брошюры с учением своего духовного лидера.)

Охранник по имени Жан-Пьер показал нам кинозал – большой, просторный, вместительный. Рассказал, что по идее «где-то» существует комиссия, которая должна принимать решение о целесообразности показа в тюрьме того или иного фильма. Но на практике здесь показывают все, что идет в Нью-Йорке. (Кроме, разумеется, фильмов с откровенными сценами насилия, порнухи и учебными съемками видов борьбы). Я спросил, демонстрировался ли фильм «Побег из Шоушенка». Несколько раз, последовал ответ. (Если кто не в курсе, в этом фильме показан один из оригинальных способов побега из тюрьмы.)

Побывали мы и в больнице. Как раз шел прием терапевтов больных заключенных. Всюду чистота, порядок. Зеки ведут себя тихо и мирно. В отдельном помещении я увидел больных, которые обедали. В тарелке одного из них я насчитал пять сосисок. В качестве гарнира была картошка-пюре (приличная порция), какой-то соус. Рядом на столе лежало три булочки. Точно такие продукты я видел в обычных «вольных» магазинах. Трэвис пояснил, что еда ничем не отличается от той, которой питается большинство людей на свободе. (Собственно, по этой причине мне перехотелось попробовать тюремную еду.)

...На стуле я все же посидел. И стул этот был электрическим. Он стоял в углу, рядом с помещением, которое называется «дэнс холл» – это в нем танцевали свой предсмертный вальс Розенберги. Стул выглядел необычно – серого цвета, металлический, с небольшой панелью с лампочками. Сопровождавший нас в этой части тюрьмы охранник продемонстрировал его предназначение. Он бросил на стул связку ключей. Тотчас раздался звуковой сигнал, и замигала красная лампоч-

ка. Стул реагировал на наличие в пределах его досягаемости металлических предметов. Зловещего вида стул оказался вполне безобидным.

В мастерских мы спросили, делают ли сейчас гробы, о которых упоминали в своей книге Ильф и Петров. Оказалось, что не делают. И продукцию никакую не выпускают. И мрамор не добывают. Молятся, читают книжки, обучаются ремеслу. Кстати, по итогам обучения могут получить диплом об образовании и работать на воле электриком, плотником, а то и священником.

Видели мы и компьютерные классы. Без выхода в Интернет, конечно. Компьютеры старенькие, разумеется. Но ведь есть! И ими пользуются! И ведь это не для галочки и не для проверяющих из Еврокомиссии, как у нас, в России.

Авторы «Одноэтажной Америки» писали: «Вечером мы пошли смотреть счастье среднего американца – пошли в ресторан «Голливуд».

Оказалось, что этот ресторан уже не существует. Зато мы побывали в баре, который называется «Правда». Вывески с русскими названиями, меню на русском языке. Официантка, родители которой – выходцы из Латвии. Мы беседовали о путешествии по Америке, о тюрьме Синг-Синг, смотрели на посетителей. И нам, как и посетителям «Правды», явно не было «грустно от нью-йоркского счастья», как было грустно 70 лет назад советским писателям Ильфу и Петрову.

Статистика преступлений осужденных тюрьмы Синг-Синг :

Убийство – 427 (25%)

Ограбление – 359 (21%)

Распространение наркотиков – 229 (13%)

Кража со взломом – 157 (9%)

Преступления на сексуальной почве – 108 (6%)

Попытка убийства – 69 (4%)

Юрий Александров

Нужны ли в России суды присяжных?

В последнее время можно все чаще слышать и читать на страницах различных СМИ о том, что Россия, мол, еще не созрела для судов присяжных, о том, что эти суды себя не оправдывают, о том, что от них только вред, и т.д. Как правило, такой точки зрения придерживаются представители правоохранительного сообщества – прокуроры, следователи, милиционеры, представители ФСБ. Понять их, безусловно, можно. Оперативники искали доказательства, следователи подводили под них обоснование, прокуроры поддерживали обвинение, а присяжные – раз и оправдывают. Правда, в процессе зачастую выясняется, что доказательства собраны не совсем законными (а порой и вовсе незаконными) методами, что следователь сам нарушал УПК, что выступление прокурора выглядело бледнее, чем выступление защитника, и т.д. Присяжные не связаны никакими отношениями ни с прокурорами, ни со следствием, и оценивают доказательства вины значительно более беспристрастно, чем профессиональные судьи.

А все это, по логике противников судов присяжных, к делу никакого отношения не имеет. Есть обвиняемый, значит, он должен быть осужден. Но такая позиция в судах присяжных зачастую не срабатывает. В обычных судах, как известно, процент оправдательных приговоров – меньше одного, то есть налицо явный обвинительный уклон, а в судах присяжных этот процент доходит до двенадцати. Но если этот самый обвинительный уклон со стороны следствия и прокуратуры понять еще можно (это, собственно говоря, их работа), то со стороны суда это принять никак нельзя. Суд – он и есть суд. Он обязан рассудить, чьи аргументы сильнее – обвинения или защиты и, соответственно, вынести справедливый вердикт. К сожалению, наши судьи (если и не все, то абсолютное большинство) склонны изначально придерживаться того мнения, что обвинение всегда право. Доходит до того, что в судах Курской области, о

которой, собственно, и пойдет речь ниже, судьи в своих постановлениях о применении меры пресечения в виде содержания под стражей без всякого сомнения пишут примерно следующее: «Иванов (Петров, Сидоров...) обоснованно (!) обвиняется в том, что...». Не понимают, что ли, служители Фемиды, что своим «обоснованно» они заранее соглашаются с тем, что Иванов (Петров, Сидоров...) виновен? Без всякого судебного разбирательства. Или менталитет, как сейчас говорят, у них такой – обвинительный, – не знаю. Но это в обычных судах.

Есть, правда, одна маленькая проблема. Дело в том, что какие именно доказательства будут рассматриваться, а какие нет, решают не присяжные, а судья единолично. Об этом мы и поговорим.

Недавно в Курском областном суде присяжными слушалось дело по обвинению трех человек в том, что они совершили разбойное нападение и убийство известного курского медика и изобретателя Э. Кобзева. Кобзев, кроме того, что был профессором медицины, по всей видимости, обладал еще и другими талантами, например, талантом бизнесмена и организатора. Слыл он человеком состоятельным, строил собственную клинику. И вот эти три человека, как гласит обвинительное заключение, «из корыстных побуждений, решили совершить разбойное нападение на Кобзева Э.В. и убить последнего с целью завладения его деньгами и имуществом».

В распорядительном заседании, во время которого судья и решает, какие доказательства будут, а какие не будут предъявлены присяжным, выяснилось много интересного.

Как должно быть известно любому судье, согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть использованы для доказывания по уголовному делу.

Адвокаты заявили целый ряд ходатайств об исключении таких недопустимых доказательств. Не будем перечислять их все, скажем только, что таких сомнительных с юридической точки зрения доказательств оказалось очень много.

Например, следствие в качестве вещественных доказательств приобщило к делу майку и рубашку покойного. Но! В деле нет ни протокола, ни какого-либо иного документа, подтверждающего появление данных предметов в результате следственного или иного процессуального действия. Откуда они взялись? Неизвестно.

Тем самым нарушено требование ст. 82 УПК РФ, согласно которому «собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства... следователем... путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Могут эти доказательства фигурировать в деле? Конечно, нет. Но судья решает по-другому: могут!

Или, например, в материалах уголовного дела имеется протокол обыска, проведенного следователем прокуратуры Е. В результате этого обыска была изъята электрическая дрель (как считает следствие, похищенная), которая затем была приобщена к делу в качестве вещественного доказательства. Согласно ст. 83 УПК РФ «протоколы следственных действий... допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом». Протокол же обыска этим требованиям никак не соответствует. Во-первых, из него видно, что четырнадцать различных предметов, включая электрическую дрель, были изъяты в зале и спальне. Но при этом не указано, в какой именно из двух этих комнат была обнаружена электрическая дрель, не указано место ее обнаружения в самой комнате. Не отражены в протоколе обыска и обстоятельства, при которых дрель была обнаружена и изъята. Этим нарушены требования ст. 182 УПК РФ, согласно которым «в протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, (...) выданы они добровольно или изъяты принудительно». Не указаны и размеры дрели, тем самым нарушено требование все той же ст. 182 УПК РФ, согласно которому в протоколе «все изымаемые предметы... должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков...».

Во время обыска следователь использовал фотоаппарат. Казалось бы, ну и что? Но УПК требует, чтобы в протоколе обыска были изложены условия его применения (например, наименование и характеристика фотопленки – цветная или черно-белая; параметры фотосъемки – выдержка, вид освещения) и сказано, что именно и с каким результатом было сфотографировано. Следователь же использовал фотоаппарат таким образом, что полностью нарушил ст. 166 УПК РФ, которая требует, чтобы в протоколе указывались не только сами технические средства, примененные при производстве следственного действия, но и «условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты».

Ну и много других нарушений: не указаны имена и отчества участников (а закон это требует), отсутствует подпись участника следственного действия Д., ее объяснение о причине отказа подписать протокол и запись об отказе.

Мы привели только малую часть тех нарушений, которые были допущены при сборе доказательств. Поверьте, их гораздо больше.

И как же поступить судьбе? Ведь исключив эти доказательства (незаконные!), судья рискует тем, что обвиняемые (а возможно, они действительно совершили это преступление) будут присяжными оправданы!

Тут вступают в противоречие две поговорки – латинская и русская. Латинская гласит, что закон суров, но он – закон. Следовательно, доказательства должны быть исключены. А русская говорит о том, что закон что дышло...

Можно вспомнить и том, что во всем цивилизованном мире принято считать: лучше освободить десять виновных, чем осудить одного невинного. Ну, так это в Америках и Европах за не в том месте поставленную запятую уголовное дело прекращают. У нас по-другому. У нас судья сам себе трактует УПК. И очень жаль, что так происходит.

Заслушав прокурора и адвоката, присяжные вынесли следующий вердикт: да, сказали они, преступление было, но Долженков, Овчинников и Щедрин (мы можем назвать их фамилии, так как они оправданы) его не совершали и, следовательно, они невиновны.

Излишне говорить, что вынесенный оправдательный вердикт был как гром среди ясного неба для стороны обвинения. Да, судья по всему, и для судьи Н. Васьковой тоже.

Теперь вот государство должно будет не только принести извинения бывшим подсудимым, но и выплатить им деньги. Кстати, не за счет прокуроров, следователей и судей, возбуждавших дело, ходатайствовавших и принимавших решение о содержании этих лиц под стражей, а за наш с вами счет. Все мытарства бывших подсудимых, освобожденных из-под стражи прямо в зале суда, должны почему-то оплачивать не лица, непосредственно их арестовывавшие, собиравшие недопустимые доказательства и т.д., а мы – простые налогоплательщики.

«Во всем мире в судебной системе не придумано ничего более объективного, чем суд присяжных, – говорит Л. Раскин, адвокат одного из бывших подсудимых, – поэтому необходимо значительно расширить перечень дел, рассматриваемых судами присяжных. Если бы присяжные рассматривали и дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, – продолжает адвокат, – то процентов шестьдесят от числа осужденных профессиональными судьями были бы также оправданы».

Трудно с этим не согласиться.

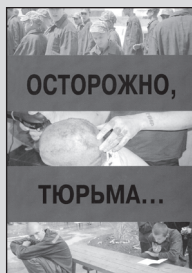
Кстати сказать, вердикт присяжных в Курском областном суде публичной был встречен аплодисментами.

Теперь прокуроры пишут протест и надеются этот вердикт отменить по каким-нибудь процессуальным основаниям. Кстати сказать, в этом тоже есть своя российская специфика. Нигде в мире решение

присяжных отменено быть не может. Но в России, в отдельных случаях, это возможно. И прокуроры, естественно, этим пользуются всюю.

Трудно сказать, прислушается ли Верховный Суд к доводам курских прокуроров. Может быть, тем же самым прокурорам, которые сейчас изыскивают основания для отмены вердикта, целесообразнее было бы осуществлять надлежащий надзор за следствием? Может, тогда и не было бы допущено тех ляпов и нарушений, которые и привели к оправдательному вердикту?

А отменить суды присяжных легко. Только будет ли от этого лучше?

Осторожно, тюрьма...

М., РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2005. 96 с.

Эта книга написана теми, кто оказался за решеткой, в тюрьме. Не нужно думать, что тюрьма – это не про нас. Эти ребята тоже так думали, но им пришлось испытать все тяготы тюрьмы на собственной шкуре.

Что такое тюрьма и какие дороги ведут в этот мир, где небо в клеточку? Об этом рассказывают сами подростки, находящиеся в местах заключения.

Крик у порога

Кто-то тряс его, пытаясь разбудить. Это был сосед по камере, одноглазый цыган. Его черный зрачок расширен от ужаса. Цыган сипло выдавил:

– Все, Витя, конец. За нами пришли...

Приговоренный, как и он, к расстрелу, его единственный сокамерник, молодой – лет тридцати – одноглазый цыган, видимо, постепенно сходил с ума.

Он слышал и буквально кожей чувствовал, что за дверью камеры было много людей. Эти люди старались вести себя очень тихо, не топали ногами, разговаривали шепотом.

Периодически мерцал глазок камеры, он открывался и снова закрывался.

«Да, кажется, цыган прав, сейчас это произойдет...», подумал он.

В подтверждение его слов дверца кормушки распахнулась, появилось лицо старого надзирателя.

Тюремное начальство, очевидно, не очень доверяло молодым. В камерах смертников постоянно дежурили только пожилые, с большим стажем работы надзиратели. Старшина, открывший дверцу кормушки, был самый старый, наверняка ему больше шестидесяти. Небольшого роста, сгорбленный, на вид он был древний, как сама тюрьма. Казалось, он был здесь всегда, менялась только власть и заключенные. Поражало его угрюмое, старческое лицо, желтовато-серое, в крупных складках морщин, совершенно неподвижное, лишенное мимики, как маска. Это лицо всегда навевало какой-то интуитивный ужас и помимо желаний заставляло думать о смерти.

Старик медленно, не повышая голоса, со своеобразным украинским акцентом произнес:

– На выход, с вещами...

Виктору не хотелось верить, что это относится к нему, и он с надеждой переспросил:

– Что? Оба?

И услышал, как окончательный приговор:

– Обое с вещами...

Цыган лихорадочно метался по камере, собирал какие-то пожитки, набивал сумку, словно куда-то опаздывая. Виктор подумал: «Туда никогда не опоздаешь...»

Загремели засовы двери, а затем заскрипела, открываясь, внутренняя решетка. В коридоре действительно было много людей.

Тот же надзиратель отошел в сторону и также равнодушно произнес:

– Один... на выход...

Опять Виктор не выдержал и с внутренне еще теплившейся надеждой спросил:

– Кто?

И опять услышал безнадежный ответ:

– Кто-нибудь.

Цыган обнял его, попрощался, немного помедлил и, не оглядываясь, первый вышел из камеры. Как свора собак, его со всех сторон окружили сопровождающие.

В это время наружная дверь захлопнулась, загромыхал задвигающийся засов, но внутренняя решетка так и осталась приоткрытой. Он для себя решил: «Сейчас придут за мной».

Через мгновение услышал топот ног по деревянному щиту, который перекрывал какие-то трубы перед порогом двери, ведущей в подвал. Это не была другая камера. Это был конец, он знал: оттуда уже никто не возвращается.

И только он об этом подумал, раздался отчаянный крик цыгана, сначала звонкий, а потом приглушенный:

– Пустите, гады ! Не хочу, не надо! Виини ..тя...

Послышались топот, возня, хлопнула дверь, и наступила глухая, особая тюремная, тишина. Что хотел крикнуть ему цыган, он уже никогда не узнает.

Виктор взобрался на нары, забился в угол. Он ждал, когда за ним придут. Мыслей не было. Им овладело какое-то равнодушие. Решил закурить. Накануне он приобрел в тюремной ларьке сильно ароматизированные папиросы, назывались они «Любительские». Он зажег

одну, попытался затянуться и не смог. Горло перехватило, и дым не шел в легкие. Он бросил папиросу.

Хорошо было бы помолиться, попросить прощения и милости у Бога.

Так, говорят, положено. Но он не знал ни одной молитвы. А потом подумал: «За что он должен просить прощения? Ведь он не сделал в жизни никому ничего плохого».

Он был уверен, что когда-нибудь найдут настоящих преступников, но его уже не будет. Как мало он прожил.

Он вспомнил дату своего рождения, сегодняшнее число и хотел с точностью до месяцев и дней сосчитать, сколько же он прожил. Он долго пытался считать. Какие-то совершенно нелепые цифры крутились в его голове. У него ничего не получалось.

Внутренний голос словно говорил :

– Успокойся, тебе не надо ничего считать... все равно ты не сможешь сейчас это сделать. Сегодня ты не умрешь. Ты не виноват, и ты будешь жить...

Возможно, это был какой-то знак.

Он хотел верить в этот знак. Он повторял, как заклинание:

– Я должен жить... Я буду жить... Ведь я не виноват...

Он долго сидел, забившись в угол на нарах. Никогда не мог потом он вспомнить, как долго сидел и ждал, ни своих мыслей в этот момент, ни в какой миг пришло это удивительное успокоение.

Когда открылась дверь, он даже не пошевелился в своем углу, а только спросил старика, зашедшего закрыть брошенную открытой решетку:

– Что, начальник, меня сегодня не расстреляют?

Тот ответил медленно и отрешенно:

– Ни... не расстреляют...

– Так поживем еще, начальник?... – с надеждой спросил он.

***

На основе осмотра места происшествия, опроса свидетелей первоначально милицией была установлена следующая картина преступления.

28 мая 1962 года, в день убийства, Ирина Коляда решила поехать в душ на Южном вокзале. Она взяла сумку, положила туда полотенце и кое-какие предметы туалета и в 21 час вышла из дома.

В 23 часа 40 минут соседи Коляды, смотревшие по телевизору спортивную передачу, услышали на улице глухой вскрик.

Примерно в 1 час ночи, обеспокоенная поздним отсутствием дочери, мать вышла на улицу, обнаружила труп дочери и увидела убежав-

шего рослого мужчину. Как мать сначала утверждала, мужчину она не разглядела, видела несколько секунд и только со спины.

Прибывшая по вызову бригада во главе с помощником городского прокурора обнаружила на месте преступления сумку убитой, обломок кирпича – по-видимому, орудие убийства, – какую-то пипеточную авторучку. По мнению экспертов, девушка была изнасилована, труп после убийства был перемещен к забору, именно на то место, где и был обнаружен.

Жестокое преступление возмутило и напугало весь город. На заводах женщины боялись выходить в ночную смену. На одном из заводов прошло стихийное собрание, участники которого подписали письмо на имя Н.С. Хрущева, где обвиняли городские власти в бездействии.

Из Москвы последовал телефонный звонок первому секретарю харьковского обкома партии. Ему сообщили, что Никита Сергеевич знает о случившемся в городе преступлении, возмущен беспомощностью харьковских властей, дело находится под его личным контролем, и необходимо принять все меры для поиска и наказания преступников.

По указанию первого секретаря харьковского обкома был создан специальный штаб для раскрытия преступления. Большую часть оперативно-розыскной работы проводил Дзержинский райотдел милиции, возглавлял эту работу заместитель начальника райотдела майор Васильев, курировали и принимали непосредственное участие в деле начальник городского уголовного розыска полковник Огурцов и его заместитель подполковник Ковальчук.

Особыми успехами в расследовании громкого дела группа похвастаться не могла. Время шло, обстановка накалялась, казалось, вот-вот полетят головы.

Милиция собирала и анализировала оперативную информацию о подозрительных лицах и событиях, происходивших в последнее время в районе преступления. Для получения этой информации были задействованы все работники милиции, многочисленные «сексоты», работники так называемой вневедомственной охраны, сторожа, вахтеры.

Образовалась довольно пухлая папка, но ценного в ней было очень мало. Чего в ней только не было! От заявления одной из жен на дебильного мужа, который отличался повышенной сексуальной потребностью, замучил ее и может изнасиловать кого угодно, до написанного дрожащими каракулями на листочке ученической тетради доноса одного из агентов – мелкого уголовника. В этом доносе уголовник сообщал, что после совместного распития третьей поллитры водки у пивного ларька некий Вася по кличке Качан сделал ему доверительное

признание. Качан – многократно судимый, в том числе и за изнасилование, – рассказал, что пару недель назад он трахнул молодую девушку. В конце доноса автор слезно просил в связи с его затруднительным материальным положением за указанную услугу срочно выдать хотя бы 20–30 рублей. На доносе была резолюция связного офицера:

– Информация сомнительная, агент предположительно вымогает деньги...

Денег, конечно, агенту никто не дал. Но, тем не менее, когда Васильев показал этот донос полковнику Огурцову, тот приказал незамедлительно задержать Качана и поручить ребятам его хорошо «поубуцкать» в надежде, что может удастся ему это дело повесить. К всеобщему огорчению у Качана выяснилось твердое алиби. Его пришлось отпустить.

Через некоторое время один из участковых милиционеров доложил об информации, полученной от некоей Жуковой, сторожа пошивочного ателье.

Он проводил инструктаж сторожей на своем участке и просил всех в связи известным преступлением обращать внимание на подозрительных лиц.

После инструктажа к нему подошла сторож Жукова. Эта была еще относительно нестарая женщина. Она рассказала, что несколько раз вечером во время ее дежурств к ней во дворе на скамейку подсаживался светловолосый, невысокого роста молодой человек по имени Виктор. Он говорил, что она ему нравится, и предлагал встретиться.

Однажды она даже назначила встречу ему у себя дома. Но он ей казался каким-то странным, и ее очень смущала разница в возрасте. Она передумала, и перед свиданием ушла из дома. Виктор рассказал, что живет с сестрами и мамой в соседнем доме. Жукова часто видела его гуляющим с двумя приятелями. Один приятель был высокий, а другой маленького роста, чернявый, похожий на цыгана. Милиции не составило большого труда узнать, кто были эти молодые люди.

Знакомым Жуковой был молодой инженер Виктор Залесский, высокий – Виктор Хват, научный работник, маленький чернявый – Владимир Бобрыйный, молодой преподаватель. Все трое не были женаты.

На следующий день Васильев изложил план действий, который понравился коллегам.

Он приглашает к себе сторожа Жукову и заставляет ее под угрозой увольнения с работы написать под его диктовку заявление в милицию о якобы имевшем факте приставания к ней в ночную смену Виктора Залесского.

Получив это заявление, работники милиции 26 июня 1962 года задерживают Виктора.

Задержанного привозят в Дзержинский райотдел милиции и устраивают жесткий перекрестный допрос с избиением. Зачитывая отдельные выдержки из заявления Жуковой, Васильев грозит его посадить за попытку изнасилования этой женщины. Залесский запуган и растерян. Одновременно его подробно расспрашивают о его приятелях, Бобрыжном и Хвате.

Он подтверждает, что они действительно часто встречались и проводили время вместе. В частности, 28 мая, в день убийства Коляды, был день рождения сестер-близнецов Залесского. В гостях у Залесских был также и Бобрыжный, но Хвата не было. Хвата в этот день Залесский вообще не видел.

Милицию это не устраивало. Им нужны были хоть какие-нибудь основания для задержания Бобрыжного и Хвата. Майор Васильев обещает Залесскому его отпустить, а заявление Жуковой уничтожить. Но при одном условии: он должен подтвердить факт встречи в этот вечер всех троих.

Запуганный фальсифицированным заявлением Жуковой, желая вырваться из милиции, не видя для себя лично какой-либо угрозы, Залесский подписывает первый сфабрикованный Васильевым протокол и тем самым развязывает милиции руки.

***

Самооговор (сочетание самообвинения с оговором других) чаще присутствует в групповых делах. Во всяком случае, практика показывает, что создать «липовое дело» и добиться самоговора с участием нескольких человек всегда легче, чем добиться ложного признания вины от одного подследственного.

Существует много факторов, которые могут использоваться для получения так называемых «признательных показаний» и оговора подельников. Это не только избиение и пытки. Это и состояние полной изоляции, невозможность доказать свою невиновность, чувство безнадежности, оговор подельников, ложные свидетельские показания, шантаж и угрозы.

Например, угроза сделать инициатором, главным в деле, и неизбежность гибели в этом случае. С другой стороны – ложные посулы, обещание смягчить наказание, сохранить жизнь при взятии на себя мнимой вины. Широко применяется обработка подследственного в камере специально подсаженными агентами и т.д.

Обычно люди, попавшие в ситуацию, когда они вынуждены были оговорить себя и товарищей не любят об этом вспоминать. Но, к сожалению, в данном случае это нужно сделать. Без этого нельзя понять всего происшедшего.

Первый допрос Виктора после задержания происходил в кабинете майора Васильева. Целая свора буквально озверевших ментов окружила его. Начался допрос с оскорблениями и избиениями.

Подполковник Ковальчук, ударив несколько раз ребром ладони Виктора по шее так, что ток пронзил его с ног до головы, с брезгливостью заявил:

– Ты, мразь, запомни, живым мы тебя отсюда не выпустим. Расскажи лучше, как ты девушку грохнул?

Допрос продолжался с перерывом до позднего вечера. Затем Виктора отвезли в КПЗ (камеры предварительного заключения), которые помещались во внутренней тюрьме областного управления внутренних дел на улице Чернышевского.

Виктора поместили в камеру. Он запомнил отвратительный запах смеси карболки и мочи из стоящей в углу выварки, заменявшей парашу, деревянный помост перед окном вместо постели. Страшная бессонная ночь на деревянных досках. Если б он мог только догадываться в этот момент, как много еще впереди его ожидает подобных ночей, одна другой страшнее.

После первого дня задержания Виктор понял, что его вместе с Бобрыжным и Залесским обвиняют в изнасиловании какой-то девушки. Его товарищи вроде признались в содеянном и говорят, что он был с ними.

Виктор был ужасно напуган допросами, избиениями, оговором товарищей. Но больше всего пугало и вселяло какое-то странное чувство неуверенности то, что он совершенно не мог вспомнить этот вечер 28 мая (месяц назад, обычный понедельник).

Начались бесконечные допросы. Постепенно он узнал фамилии и должности лиц, которые с ним «работали». Он их запомнил на всю жизнь. Формально следствием руководил следователь городской прокуратуры кореец Владимир Эм. На одном из допросов Виктор ему пожаловался:

– Меня бьют и заставляют признаваться в том, что я не делал...

И услышал в ответ:

– У нас в Корее с тебя бы живого кожу сняли...

Выбиванием «признательных показаний» в КПЗ руководили трое: полковник Огурцов, подполковник Ковальчук и майор Васильев.

«Володя, выйди, мы с ним тут поговорим» – традиционная фраза, с которой кто-нибудь из ментов обращался к Эму, и тот выходил.

Васильев разыгрывал роль «доброго следователя».

– Признайся, – советовал он Виктору, – и никто тебя пальцем не тронет...

Огурцов и Ковальчук не упускали возможность с напускным отвращением ударить Виктора. Но основную работу по избиению и издевательствам выполняли их подчиненные. Капитан Коротков, маленького роста, с морщинистой физиономией мартышки, в очках, очень изобретательный в издевательствах. Капитан Луханин, мускулистый здоровяк, всегда полупьяный, с какими-то светлыми, словно отмороженными глазами, профессионал своего дела. Оперуполномоченный Держинского РОМ капитан Тимошенко, высокий, здоровенный мужик, с кулаками с голову ребенка. Он бил всегда Виктора, несколько сдерживаясь. Виктора уже не пришлось бы дальше допрашивать, если бы Тимошенко хоть раз ударил его в полную силу.

Допросы проходили следующим образом.

Виктор стоит в центре полупустой комнаты. В комнате только стол и несколько стульев. Допрашивающие ходят вокруг Виктора, периодически кто-нибудь, устав от хождения, садится за стол или на стол. Виктор еле успевает оборачиваться в сторону того или иного обращающегося к нему мента, корчится от их ударов, иногда падает на пол. Они требуют только одного – подтверждения излагаемой ими версии преступления. Звучит это все, примерно, так:

– Расскажи, как ты 28 мая вышел около 23 часов из дома и возле остановки трамвая встретил Залесского и Бобрыжного. Вы сели во второй вагон трамвая 17-го маршрута...

Виктор кричал, пока были силы:

– Я не видел в этот вечер Залесского и Бобрыжного, я не ездил с ними в трамвае...

Капитан Луханин, дыша в лицо перегаром, грозил и уговаривал:

– Признавайся, иначе отсюда живым не выйдешь. Если ты признаешься, может быть, в лагере еще поживешь. Если нет, мы из тебя почки выем, и ты все равно сдохнешь...

В подтверждение своих слов Луханин наносил удары по почкам, под сердце.

Менты показывали отрывки из показаний Залесского, где он подтверждал факт встречи и поездки в трамвае. Заводили Залесского за спину, и он опять подтверждал эти сведения, били по шее, если Виктор пытался обернуться.

Допросы продолжались и днем, и ночью.

Вопросы почти не задаются. Задавать вопросы бессмысленно, это менты изначально знали. Они уже имеют версию преступления и вгоняют в нее трех подозреваемых.

Обработка Виктора продолжается также и после допросов.

В камеру к Виктору помещают Попова, агента из уголовников, многократно судимого.

В тюрьме таких агентов называют «наседками». Как правило, их используют для обработки неопытных, первый раз попавших в тюрьму людей. Задачи агента – войти в доверие к задержанному, оперативно поставлять следствию добытую информацию, вести психологическую обработку, склонять к даче признательных показаний.

Попов добросовестно выполняет свои обязанности. Он сочувствует Виктору. Ухаживает за ним, когда тот приходит избитый с допросов. Он даже делает вид, что верит в невиновность Виктора.

Сначала он советует Виктору хотя бы частично подтвердить, что от него хотят. Иначе его убьют или сделают калекой.

В дальнейшем, после частичного «признания» он Виктору объясняет, что положение его безнадежное, поделщики его наверняка изнасиловали и убили девку, а теперь хотят на него все спихнуть. Поэтому сейчас самое главное спастись, получить хотя бы срок. Для этого нужно частично подтвердить то, что хотят следователи, и отбиваться от роли инициатора и обвинения в убийстве.

В такой обстановке находился Виктор после задержания. Силы его постепенно таяли, его охватывало паническое состояние безнадежности и постепенно, к радости ментов, он начал подтверждать их бредовую версию.

Аналогичным образом вели себя и два других задержанных.

В результате с подачи ментов рождались так называемые подробности совершения преступления, изнасилования, последующего убийства, бегства с места преступления и т.д., и т.п. Стараниями Эма протоколы буквально пестрели «раскаянными» и «чистосердечными признаниями».

Роли были распределены, и Бобрыжный стал убийцей. Так решили, как выяснилось позже, Коротков и Огурцов. Последний хотел повесить на Бобрыжного еще одно нераскрытое убийство, и ему нужна была именно такая его роль в деле Коляды.

Хват вместе с Залесским стали насильниками. Это тоже было задумано неспроста. Группа крови этих ребят не исключала принадлежно-

сти им спермы, найденной у убитой. Группа крови Бобрыжного такую возможность исключала.

Решили, что Хват потерял на месте преступления авторучку. Он обнаружил потерю, возвратился на место преступления, и тут его увидела вышедшая из дома мать девушки.

Таким образом формировались внешне убедительные «признательные показания». Любой беспристрастный юрист достаточно быстро определил бы наличие в этом потоке «чистосердечных признаний» массы нестыковок и просто нелепостей и отсутствие самого главного – новой информации об обстоятельствах преступления.

***

Верил ли Эм лично в виновность задержанных подозреваемых? Конечно, этот человек до конца своей жизни будет клясться, что был в этом совершенно убежден и только поэтому предъявил обвинение.

Но анализ всех действий Эма говорит о другом. Он, как никто другой, знал, что эта версия преступления была очень зыбкой и не выдерживала никакой серьезной проверки. Именно поэтому, после того как из подследственных были выбиты «признательные показания», нужно было ее усилить и подтвердить другими материалами дела. Вот здесь понадобилась «тщательность и аккуратность», присущие Эму, здесь проявился талант следователя в подтасовке и подгонке фактов.

Эм и компания на одном из допросов предупредили Виктора, что завтра его с товарищами повезут в Дзержинский РОМ для дальнейших следственных действий. Виктора привезли в Дзержинский РОМ для освидетельствования его судмедэкспертом Туниной на предмет наличия на нем следов сопротивления жертвы насилия. Руководил всей операцией майор Васильев – большой специалист по всякого рода подделкам и провокациям. Но тут он, кажется, просчитался. Вначале все шло по плану. Тунина попросила Виктора раздеться, и на лице ее появилась растерянность – все тело Виктора было покрыто следами побоев. Тунина спросила Виктора:

– Откуда это у Вас?...

– Меня уже несколько дней бьют на допросах. Я не виноват...

Тунина больше ничего не спросила, а Виктор боялся что-нибудь еще сказать. Рядом стояли люди, которые это сделали. Тунина быстро составила акт экспертизы и дала Виктору на подпись. Виктор подписал акт и хорошо запомнил два человеческих силуэта, вид спереди и сзади, отмеченные следы побоев и краткое описание к этому. После этого Виктора заставили одеться и отвезли в КПЗ.

Оформление дела шло к концу, и Виктора перевели в следственный изолятор, в знаменитую харьковскую тюрьму на Холодной Горе.

Менты не исключали, что Виктор в любой момент может прийти к себе и отказаться от самооговора. Поэтому даны были указания в тюрьме держать его в изоляции, не допускать контакта с другими заключенными.

Из КПЗ на Холодную Гору его доставили в тюремной машине одного и после обыска, снятия отпечатков пальцев, стрижки поместили в так называемые «Тройники», в отдельную камеру.

«Тройниками» назывался старинный четырехэтажный корпус. На этажах были узкие, примерно 2,5 на 4,5 метра камеры. Справа от входа устроены были трехэтажные нары, рассчитанные на шесть человек. Но это достаточно условно. При необходимости туда могли поместить до восьми человек. Асфальтовый пол, закрепленная в полу под узким зарешеченным окном металлическая тумбочка, в маленьком зарешеченном углублении в стене под потолком негаснущая электрическая лампочка, при входе справа – параша. В помещении стояла традиционная устойчивая вонь смеси извести и мочи. Ничего оригинального, обыкновенная камера в советской тюрьме.

В шесть часов утра раздавался резкий стук ключом в дверцу кормушки и команда:

– Подъем!

После этой команды надо было быстро сворачивать постель – тонкий свалявшийся ватный матрас и тощая подушка в чехлах из темно-серой хлопчатобумажной ткани. Эти постели тогда появились недавно, раньше такой роскоши не было.

Потом начиналась «оправка», надзиратели по очереди открывали камеры. Заключенные подхватывали «парашу» и бегом спешили в туалет. Эта процедура происходила два раза в день, утром и вечером. Один раз в день заключенных выводили на прогулку в небольшие, довольно узкие, огороженные высокими бетонными стенами прогулочные дворики. Продолжительность прогулки примерно один час.

Еду давали три раза в день. Но кормили очень плохо. Заключенный получал в день 600 грамм черного хлеба, 20 грамм сахара, примерно 80 грамм полуиспорченной хамсы или селедки, на завтрак и ужин по миске так называемой баланды и кружке какого-то пойла из пережженного ячменя, на обед борщ из кислой вонючей капусты и склизкой сухой картошки, на второе опять баланда. Баланда представляла

из себя клейкую жидкую массу, заправленную ячневой или пшеничной крупой, иногда серыми, почти черными макаронами.

Для кормления заключенных использовались явно испорченные или полуиспорченные продукты. Где тюремщики их приобретали? Особенно поражал хлеб – абсолютно черная сырая масса, внутри которой иногда попадались какие-то корки. На свободе такого хлеба просто не бывает.

Знающие заключенные говорили, что его специально выпекают для тюрем из переработанного непроданного хлеба. От этого хлеба живот так вспучивало, что казалось, еще немного, и ты взорвешься.

Однажды этот хлеб исчез, его не из чего стало производить, не стало черствого хлеба. Это были 1963–1964 годы, венец хозяйственной деятельности Хрущева. Страна дошла до ручки, не хватало зерна. На свободе люди стояли в очередях, белый хлеб выдавался только больным людям по справкам, остальным продавался черный, наполовину из кукурузы и гороха. Такой же хлеб (хуже, по-видимому, уже не было) по иронии судьбы какое-то время выдавался и заключенным следственного изолятора.

Передачи от родственников разрешались очень редко, не чаще одного раза в несколько месяцев. Да и передавать можно было совсем немного (2–3 кило мучных изделий, овощи, полкило масла, колбасы).

***

Находясь в тюрьме перед судом, он стал постепенно осознавать весь ужас самого преступления, которое ему приписывали. Он для себя твердо решил – пусть его расстреляют, но на суде он скажет правду и откажется от самооговора.

Он решил, что сделает это только на суде, не раньше. Он боялся, что менты отвезут его в КПЗ и там искалечат или убьют.

В «трудовых коллективах», как тогда выражались, еще до суда проводились собрания, на которых выступали работники милиции и прокуратуры и рассказывали об успешном раскрытии страшного преступления и назывались фамилии пойманных преступников. Участники собраний требовали приговорить преступников к расстрелу.

В харьковской газете, органе обкома партии, «Соціалістична Харківщина» еще до суда была помещена статья, посвященная этому делу. В ней упоминались фамилии всех троих задержанных как преступников, совершивших изнасилование и убийство несовершеннолетней девушки.

Когда Виктор сидел в тюрьме, его родители занимались поисками адвоката. Они были убеждены, что Виктор невиновен и нужно найти хорошего адвоката, который поможет его спасти. В то время они были

еще очень наивные люди и совсем не представляли реального места защитника в советском правосудии и его возможностей.

Родители Виктора обращались к многим адвокатам и от всех получали отказ. Кто-то упомянул в разговоре известного в Харькове адвоката Бориса Соломоновича Капущевского и посоветовал обратиться к нему. Капущевский очень внимательно выслушал мать Виктора, задал несколько вопросов об образе жизни Виктора, о его поведении перед арестом, о возможном алиби, а потом, подумав, сказал:

– Странное какое-то дело, жил нормальный парень, ничего дурного никогда не делал, и вдруг срывается и идет насиловать и убивать...

На следующий день он дал согласие участвовать в деле. На первом суде Борис Соломонович выступал как официальный защитник. А позже, когда обстоятельства сложились так, что он уже не мог официально участвовать в деле, он совершенно бескорыстно неофициально помогал родителям Виктора, готовил жалобы в различные инстанции и очень много сделал для спасения их сына, а затем боролся уже за наказание ментов-преступников. Они его ненавидели. Они всегда считали, что Капущевский убедил Хвата отказаться от признательных показаний и развалил дело.

И вот примерно за две недели перед началом суда произошла встреча Виктора с его адвокатом. Разводящий надзиратель вызвал Виктора из камеры и отвел в административный корпус, где на первом этаже были следственные кабинеты.

Капущевский был один. Он представился и сказал, что его наняли родители Виктора. Первое, что они просили его узнать у сына, это – правду. Что же все таки произошло вечером 28 мая 1962 года?

И тут Виктора как прорвало. Захлебываясь слезами, он рассказал все, что с ним случилось после задержания в милиции, КПЗ и как он признался в преступлении, которого не совершал. Капущевский все слушал внимательно, но удивительно сдержанно, лицо его не выражало никаких эмоций, лишь иногда он задавал уточняющие вопросы.

Виктор запомнил один из вопросов. Он касался истории освидетельствования его судмедэкспертом Туниной. Когда Виктор рассказал эту историю, Капущевский резонно заметил, что в деле нет акта, который якобы видел Виктор.

В деле находился акт с подписью Виктора и Туниной, но описания побоев там не было. В новом акте упоминалась только ссадина месячной давности на пальце руки. Это очень удивило адвоката, и Виктору показалось в какой-то момент, что он ему не верит.

Закончив свой рассказ, Виктор с отчаянием в голосе спросил Капушевского:

- Так что же мне делать?
- Говорите только правду...

***

В конце августа Виктора повезли на суд.

В соответствии с тюремным распорядком в 4 часа утра его поднял разводящий надзиратель и отвел в транспортный бокс. В транспортных боксах содержались заключенные, которые ждали прибытия «воронка» и конвоя для отправки в суд или для этапирования в лагерь после суда.

За Виктором захлопнулась дверь, он оказался один в небольшой, совсем пустой камере, только под окном стояла прикрепленная к полу удивительно узкая, наверное 10–15 сантиметров шириной, скамейка. За зарешеченным окном было еще темно, из окна тянуло уже осенней утренней прохладой.

Через несколько часов за ним прибыл конвой из солдат дислоцированного тут же, на Холодной Горе, охранного полка МВД. Командовал конвоем уже немолодой, по-военному подтянутый майор при полном параде и с пистолетом на боку. Жалкий вид Виктора, стриженного, в очках, к этому времени здорово исхудавшего, узкоплечего и сутуловатого, почему-то его развеселил:

– Из-за такого хмыря столько шуму. Да я бы тебя один на трамвае в суд доставил и всего 30 копеек на билет потратил.

Конвоиры обыскали Виктора, надели наручники и отвели в «шикарный» воронок. Этот тюремный автомобиль, очевидно, был предназначен для транспортировки особо опасных преступников, он был просторный, там имелось всего три отдельных закрывающихся кабины для транспортируемых заключенных, остальное место занимали конвоиры. Виктора закрыли в одной из кабин и предупредили, что бы он не разговаривал. Он молча сидел в темноте и прислушивался. Через некоторое время услышал топот, стук дверей и понял, что привели его поделщиков.

На некоторое время в машине воцарилась тишина. И тут Виктор не выдержал и заговорил, обращаясь к своим где-то рядом, находившимся товарищам:

– Ребята, Витя, Володя, зачем вы это все наговорили на меня, ведь я ничего не делал и не был с вами, я все равно буду говорить, что не виноват...

И тут раздался громовой голос майора:

– Ну ты, очкарик, заткнись, а то я раньше времени тебя навсегда замолчать заставлю, и мне только спасибо скажут.

Машина остановилась, и первое, что Виктор услышал, был глухой шум. Виктор сначала подумал, что они притормозили в каком-то шумном месте в центре города, но он ошибся. Они остановились во дворе здания суда. Щелкнула одна, другая дверь, он спустился по ступенькам и на мгновение закрыл глаза, его ослепило яркое утреннее солнце. Когда он их открыл и осмотрелся, то увидел недалеко от себя большую толпу людей, которую сдерживала милиция. Толпа любопытных враждебно смотрела на него, люди переговаривались. Виктор слышал, как кто-то громко объяснял:

– Вот этот аспирант-еврей, он самый главный. Ты посмотри, какое чмо в очках, наверно, интеллигент. С жиру бесятся гады, девчонку убили. .. Народу надо их бросить на растерзание. . .

Обком партии распорядился устроить показательный суд. На суд были приглашены представители рабочих коллективов, многочисленные негласные агенты милиции. Только несколько человек было допущено с работы подсудимых.

В первом ряду сидела мать и близкие родственники потерпевшей. Окружавшие их соседи, сочувствующие, различные свидетели, в основном женщины, были оживлены в ожидании интересного зрелища.

На скамье подсудимых сидели три щуплых, наголо стриженных молодых человека. Слева – Виктор Залесский, в середине – Владимир Бобрыйжый. Виктор Хват был несколько выше среднего роста, заметно сутуловатый, очень худой, бледный, со стриженной небольшой головой и мелкими чертами лица. Он был очень сильно близорук, производил впечатление книжного червя и внешне совсем не подходил к уготованной ему роли – инициатора и организатора всего преступления, попросту говоря, «паровоза».

Адвокаты хотели подойти к подсудимым, но конвой их не пустил. Обстановка в зале все время подогревалась сидящими в первых рядах людьми. Слышались угрозы в адрес подсудимых.

– Суд идет!

Председательствовал на суде Повх, здоровый, мордатый мужик с луженой глоткой. Он добросовестно исполнял свою роль в заранее подготовленном спектакле.

Торжественно, медленно, четко и с выражением Повх зачитал обвинительное заключение. В притихшем зале слышались вздохи и всхлипывания женщин, рыдала мать Коляды.

– Признаете вы себя виновным?

Виктор, сначала замешкавшись, испуганно произнес фразу, которую ему вбивали в голову менты:

– Да, частично... – А потом вдруг поправился и неожиданно твердо сказал: – Виновным себя не признаю, я этого преступления не совершал, меня заставили на следствии оговорить себя...

Сквозь какой-то туман он услышал Бобрыжного и Залесского:

– Не признаю... не признаю...

Первый день суда закончился.

На следующий день уже не было народной толпы, заседание перевели в крохотный зал, вмещавший от силы 20 человек.

Постороннему человеку проникнуть в зал было невозможно. Там сидели только родственники потерпевшей, соседи по улице и переодетые в штатское милицейские работники.

После отказа подсудимых от признательных показаний все усилия прокурора и судьи сконцентрировались на новом обвинении в адрес подсудимых: клевета на следственные органы.

Повх грубо пресекал малейшие попытки адвокатов, даже самые осторожные, проверить правдивость сделанных подсудимыми заявлений о принуждении к даче признательных показаний. Ни один работник милиции даже не был вызван в суд.

Обвинение сразу стало запугивать защитников. Обвинение утверждало, что адвокаты, и в первую очередь Капущевский, подговорили подсудимых отказаться от чистосердечно данных на следствии признательных показаний. В результате подсудимые мало того, что совершили жестокое преступление, но и стали на путь клеветы.

Возмущаются все, судья, общественный обвинитель, народные заседатели. Шумит возмущенно немногочисленная, но очень активная публика в зале. Все дружно пытаются усовестить Виктора, призывают к покаянию. Молча сидят поникшие и растерянные защитники, судья им буквально не дает слова сказать.

Если Капущевский еще пытается хоть что-то возразить, то адвокаты Бобрыжного и Залесского совсем струсили. Виктору казалось: еще немного, и защитники станут и его уговаривать раскаяться. К счастью, этого не происходит.

Наступил четвертый – последний – день. Виктор перед выходом рано утром собрал все свои нехитрые пожитки.

Он знал, в эту камеру он уже после суда не вернется. А вот куда его занесет судьба дальше?

С утра заседание продолжалось в маленьком зале.

Прокурор без существенных изменений повторил содержание обвинительного заключения. Он подчеркнул, что, желая избежать неотвратимого наказания, подсудимые отказались от своих подробных, данных на следствии признательных показаний и стали клеветать на следователя и честных работников милиции.

В итоге под одобрительный гул сидевшей в зале публики прокурор попросил суд приговорить всех троих к высшей мере наказания.

Виктору понравилось выступление его защитника. Выступления адвокатов Залесского и Бобрыжного показались Виктору бледными и какими-то робкими.

Тем не менее все три защитника обратили внимание, что в деле имеется очень много сомнительных доказательств, до конца не выясненных вопросов, ставящих вообще под сомнение возможность совершения преступления подсудимыми. Они считали также, что требуется дополнительная и более тщательная проверка заявления подсудимых о принуждении их к самооговору.

Защита достаточно аргументированно просила приговор не выносить и дело направить на дополнительное расследование.

В последнем слове Виктор был очень краток. Он еще раз заявил о своей невиновности и выразил надежду, что в итоге его оправдают и подлинный преступник будет найден. Примерно так заявили в своем последнем слове и два других подсудимых.

В лучших советских традициях после закрытого совещания судей приговор зачитывался уже в большем зале. Судья Повх столь же торжественно еще раз зачитал обвинительное заключение, только уже в виде обоснования приговора, и удовлетворил требование обвинения, приговорив всех троих подсудимых к расстрелу.

К Виктору подошел Капущевский. Чувствовалось, что в глубине души он расстроен. Судья все-таки вынес в его адрес частное определение, а здесь, в Харькове, это практически исключало возможность заниматься адвокатской практикой. Для старика это было очень тяжело.

Капущевский пообещал немедленно заняться подготовкой кассационной жалобы и высказал уверенность в отмене приговора.

***

Камеры смертников располагались на первом этаже «Тройников», в отгороженном тупике коридора, четыре камеры по левую сторону от входа, туалет и еще три камеры – по правую. В торце была дверь, кото-

рая вела в подвал. Для входа в коридор, где располагались камеры смертников, нужно было миновать металлическую дверь с глазком и дополнительную решетку с замком. Каждая камера, помимо двери, имела еще и дополнительную решетку.

Надзиратель, дежуривший в камерах смертников, был заперт, он не имел ключей от двери, ведущей в коридор. Также он не имел ключей от внутренней решетки, установленной в камере дополнительно к двери. Недостающие ключи имелись соответственно только у дежурного офицера по тюрьме и у начальника корпуса. Для того что бы открыть камеру смертника, нужно было одновременное присутствие как минимум трех упомянутых должностных лиц.

После, казалось, бесконечного щелкания замков, грохота дверей и решеток Виктор наконец очутился в камере и огляделся.

Первое, что Виктор ощутил, это полумрак и холодная сырость, исходившая от асфальтового пола.

Помимо двух внутренних решеток на окне, поступлению дневного света препятствовали еще одна наружная решетка и находившаяся в полуметре от окна бетонная стена прогулочного дворика. Стены камеры на высоте человеческого роста были выкрашены в темный, грязно-зеленый цвет. Уровень пола был несколько ниже поверхности земли снаружи. Очевидно, этим объяснялась царившая там постоянная сырость.

Виктору показалось, что его опустили в погреб.

Размер камеры был такой же, как и наверху, где Виктор находился раньше. Только спальный и обеденный «гарнитуры» были здесь другие, несколько необычные. Одноэтажные нары слева и справа у стен, стол и две невысокие тумбы вместо стульев под окном были сварные, металлические.

Виктору дали спальные принадлежности – тощий матрас и подушку в черных хлопчатобумажных чехлах, тонкое серое, когда-то бывшее фланелевым одеяло.

Виктор расстелил матрас, бросил в угол свою матерчатую сумку, взобрался на нары, лег, укрылся тощим одеялом с головой и плотно закрыл глаза. Он не хотел видеть и слышать то, что его сейчас окружало.

Он понятия не имел, как долго здесь живут люди. Он только точно знал, что просто не выдержит длительного постоянного ожидания смерти в этой живой могиле. Лучше сразу и самому это сделать.

Виктор опять укрылся с головой и долго лежал неподвижно. Он обдумывал, как здесь можно покончить с собой. Это сделать было со-

всем не просто. Наконец ему показалось, что он придумал. Он не даст себя расстрелять...

Удовлетворенный этим, он заснул.

На следующий день с утра начался обычный тюремный день, но с некоторыми отличиями.

Лица, приговоренные к расстрелу, были лишены прогулок, передач.

Ежедневная пайка хлеба здесь была на 200 грамм меньше. Вместо 600 заключенному давали всего 400 грамм. Это обстоятельство для Виктора сначала было загадкой. Но потом он понял причину такого урезания. Смертнику государство выдавало курево. Один раз в месяц выдавалась пачка махорки с курительная бумагой или махорочные сигареты. Были такие ужасно дрянные сигареты, назывались «Красноармейские».

Очевидно, общая стоимость содержания заключенных была кем-то утверждена, превышать ее нельзя и поблажку с куревом необходимо было компенсировать. Это было сделано за счет уменьшения ежедневной пайки хлеба.

Честно сказать, несмотря на невероятно убогий тюремный рацион, Виктор не помнит, чтобы он когда-нибудь испытывал чувство голода. Наверно, сказывалось нервное напряжение.

Раз в две недели смертников водили в противоположный конец тюрьмы в душевые. У Виктора совершенно тогда не было теплых вещей. Его вели в одной рубашке и тонкой хлопчатобумажной тюремной куртке в душевые зимой, иногда при сильном морозе. Возвращался он оттуда разгоряченный, с мокрой головой. Но никогда ему не было холодно, и ни разу он не простыл.

Единственной радостью, если можно так сказать, для смертника была возможность читать книги. В тюрьме была неплохая библиотека. Девушка-библиотекарь примерно два раза в месяц разносила по камерам книги. Виктор читал очень много.

Во второй половине дня к Виктору из другой камеры перевели еще одного приговоренного. Это был простой деревенский механизатор Петро Кишко, он убил свою жену.

Здоровый и раньше физически крепкий человек был похож на мертвеца. Одежда на нем висела, черты лица заострились и были какого-то желтовато-серого цвета. Очевидно, сказывалось постоянное пребывание без дневного света.

Подавляющее большинство людей, попадающих в камеру смертников, полностью погружены в свои переживания, совершенно нелю-

бопытны и даже равнодушны к чужим проблемам. Они почти никогда ни о чем особенно не расспрашивали, и это было хорошо. Это было понятно и естественно. Действительно, кому интересны проблемы сокамерника, когда не знаешь, переживешь ты сам сегодняшний день или уже этот день последний в жизни?

И все же некоторые могли часами вспоминать и рассказывать о своей былой, как правило «чудесной», жизни, и они хотели, что бы кто-то их слушал. В силу своего мягкого интеллигентного характера Виктор часто выступал в роли такого терпеливого слушателя. Ожидая смерти, люди бывают откровенны как никогда.

Иногда эти рассказы были интересны. Но в большинстве случаев речь шла об обычной, ничем не примечательной жизни. За время его пребывания в камере смертников перед ним прошло восемь человек, восемь человеческих судеб.

Из этих восьми человек в живых остался только один, он был помилован.

За все время пребывания Виктора в камерах смертников, в тюрьме на Холодной Горе, только по приговорам судов Харьковской области было расстреляно примерно двадцать человек.

(Продолжение следует.)

Школа для осужденных

Ничего сверхъестественного от посещения колонии я не ждал. Ведь понятно, куда едем. Да и немного странной была сама цель: организация дистанционного обучения в пенитенциарном учреждении. Впрочем, мы сами затеяли проект «Школа для всех»...

Наша «Телешкола» с 2002 года совместно с издательством «Провещение» разработала образовательную платформу для системы дистанционного обучения (www.internet-school.ru) для учащихся 10–11 классов с использованием интернет-технологий. Это единственная в России лицензированная школа дистанционного обучения. После трех сумасшедших лет работы (приходилось организовывать дистанционное обучение по всей стране, работать с учениками и родителями...) наступили почти спокойные будни – механизм был налажен. Тут и родилась идея организовать дистанционное обучение в колонии.

В марте 2005 года состоялись наши встречи с сотрудниками Главного управления ФСИНа, и, к некоторому нашему удивлению, мы получили «добро». Главный принцип нашей интернет-школы – интерактивное обучение. То есть учащийся, сидя за компьютером, самостоятельно изучает предмет, а в конце каждого урока – тесты, оценивающие в режиме on-line, лабораторный практикум удаленного доступа и многое другое. К такому и в обычной-то школе не все привыкли... Теперь нам надо было не только поставить оборудование в колонию, но и организовать доступ в Интернет.

Конечно, здесь сразу возникают вопросы: разве можно пускать осужденных в глобальную сеть? Впрочем, современные компьютерные технологии позволяют открывать локальную версию, то есть компьютер ученика может «читать» только школьные уроки. Но при разнообразии мультимедийных форм, наличии интерактивных тестов и неограниченных возможностях компьютерной графики преподаватель всегда сможет разнообразить свою лекцию.

После долгих обсуждений, решений и телефонных переговоров нам предложили провести эксперимент в Покровской исправительной колонии Владимирской области. Почему именно там? Да потому, что у них вообще нет школы.

Как известно, право на образование является одним из неотъемлемых прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и закрепленных международными актами и конвенциями. В частности, Европейскими пенитенциарными правилами предусмотрено осуществление разносторонних программ обучения в каждом месте лишения свободы.

В соответствии с действующим законодательством РФ задача обеспечения условий для получения осужденными основного общего образования возложена на администрацию исправительного учреждения. В одном из СИЗО я видел буквальное исполнение закона. Камера, вместо шконок – столы, на стене – две жидкие полочки с разномастными учебниками. «Заходи!», «Разобрать учебники!», «Сидеть!». Чем не законное «обеспечение условий»?

Сегодняшнее руководство учреждения, в которое мы прибыли, похоже, борется с капитализмом один на один. Я себе и представить не мог тысячу здоровых мужчин, огороженных колючей проволокой и практически безработных. Да – хозяйственные работы, да – своими силами строится храм, наверное, что-то еще делается... Но картина тысячи слоняющихся без дела взрослых людей, «закрытых» на 5–8–10 лет, произвела на меня сильнейшее впечатление.

С их уровнем образования дела обстоят не лучшим образом. Когда в Министерстве юстиции у меня выясняли, не можем ли мы организовать обучение для 7–9-х классов во взрослой колонии, я удивлялся. Оказалось, нас ждало еще большее удивление. Неоконченные 7-е, 5-е, 3-и классы, вообще не начатые школы и просто неграмотные!

Мы надеемся, что стимулом получения образования станет появляющаяся сегодня правовая, психолого-педагогическая и профориентационная помощь, что предложенная нами модель получения образования повысит мотивацию к обучению, поскольку предполагает индивидуальный подход к каждому обучающемуся. Одновременно с получением образования появится возможность расширять свой кругозор, формировать иную культурную среду, способную несколько нейтрализовать воздействие тюремной субкультуры.

Куда ведут благие намерения – всем известно, но очень хочется помочь хотя бы одному человеку.

Интернет-школа
«Просвещение.ru»
www.internet-school.ru
Тел.: +(095) 727-0802

Интернет-школа работает в России уже более 3-х лет и является единственной в России школой дистанционного обучения, имеющей образовательную лицензию. Сегодня в ней обучаются почти две тысячи человек из 43-х регионов России и стран СНГ, а также около 200 чел. из Европы, Америки, Японии.

Образовательный ресурс Интернет-школы находится в глобальной сети Интернет и включает в себя весь учебный материал по программам 10–11 классов, основанный на российских образовательных стандартах и полностью соответствующий Базисному учебному плану РФ. Обучение ведется как в рамках основного, так и дополнительного образования.

В нашей школе

– Вы сможете получить аттестат о среднем (полном) общем образовании;

самостоятельно планировать свою учебную деятельность и рационально использовать свое время;

– Вашими преподавателями будут опытные учителя и методисты России, консультировать и поддерживать на протяжении всей учебы Вас будут сетевые учителя и тьюторы;

– Вы всегда сможете обратиться за консультациями к психологу Интернет-школы;

– Вы сможете принимать участие в виртуальных деловых и ролевых играх, международных интернет-конференциях, интеллектуальных марафонах и олимпиадах, а также в различных мультимедийных проектах.

Оценка работы учащихся осуществляется в режимах он- и офф-лайн. Он-лайн оценка (мгновенная оценка компьютером) дает возможность сразу понять уровень освоения учебного материала. Офф-лайн оценку осуществляют высококвалифицированные специалисты. Многие из них известны всей стране как авторы учебников и методических пособий.

Приглашаем стать учащимися Интернет-школы «Просвещение.ru»!

Наум Ним

Смотрите, кто пришел

Ну, вот и дождался. Один шаг, последний железный лязг дверного запора, и ты на воле. Сейчас начнется настоящая жизнь, и все будет, как в сказке, как в песне (тип-топ и – все козыри). Ты столько ждал этого мгновения. Тянулся в него червяком, запрещая себе даже думать, что там будет. А может, наоборот, – думал непрерывно, подхлестывая последние часы и минуты. Но если и так, то и мысли те были вглухую, ведь не принято выражать их ни мечтательными планами, ни затерянной в завтрашнем дне улыбкой. Во-первых, негуманно по отношению к остающимся, кому еще здесь гудеть и гудеть, и, во-вторых, дурная примета, а ничто так накрепко не вживается в самую кожу и само дыхание арестанта, как тюремные суеверия.

Кстати сказать, какой-нибудь психолог-экспериментатор, наделенный соответствующими полномочиями, мог бы, опираясь на эту фантастическую суеверность, в кропотливой работе вывести совсем дикинскую породу людей, аккуратно прививая тюремным аборигенам соответствующие привычки, приметы и верования...

В общем, дождался. Тебе наплевать на знающую ухмылку, с которой только что чмошная лагерная псина сказал свое «до свидания», отпирая последнюю дверь. Думает свидеться. В аду он с тобой свидится и очень пожалеет, что не оказался в другом бараке того ада... Нет, точно – лучше сам ад, чем снова сюда.

Сейчас ты это так отчетливо понимаешь, что никакие силы земные и небесные не смогут заново повернуть просторные улицы и светлые коридоры твоей жизни в вонючие тюремные продолы. Да и что сложного может быть в жизни на воле? После здешних кошмаров – легкого...

Ну, бродяга, шагай!..

А потом их выносит обратно.

Некоторые исследователи говорят о том, что на обжитые орбиты тюремной жизни возвращается четверть освобожденных, другие говорят о трети, и все сходятся на том, что вдохнувшие тюрьму с малолетки (даже и не на самой малолетке, а в спецшколах) идут по тюрьмам куда гуще.

Валерий Абрамкин в собственном исследовании последних лет установил, что для подростков, которым не досталось путевок в спецшколы (в это закрытое учреждение тюремного типа еще надо попасть), для них, в основном, как-то все обошлось, выправилось, и живут они обычной трудной жизнью нашего общества. Ну, а те, кто попал в эти спецшколы, – те практически поголовно потом оказались в настоящей тюрьме.

Алогичную цепкость этого мира демонстрируют сами исследования, которые по разным методикам пытаются установить количество возвращающихся в него туземцев. Эти исследования требуют немалых ресурсов, некоторые из них проводятся специалистами ведомства исполнения наказаний в собственном ведомственном НИИ. При этом в ежемесячных статистических отчетах Федеральной службы исполнения наказаний, где есть данные о численности заключенных, о наполнении учреждений и т.д., – там такой информации не предусмотрено. Казалось бы, чего проще: пусть директор ФСИН или министр юстиции напишут соответствующий приказ и – пожалуйста. Вот вам точные данные об обратном потоке, которые позволят, кстати сказать, более продуктивно изучать эффективность самой пенитенциарной системы.

Так это же сколько всего надо, чтобы такой приказ написать! Сначала надо отдать распоряжение помощникам, потом – выбрать правильную формулировку, чтобы исполнители смогли ее понять, а недоброжелатели не смогли вывернуть в злостные намерения дискредитировать (или принизить, или даже разрушить) всю отлаженную работу. А потом еще подписывать тот приказ. Морока. Пусть остается по-прежнему. Тем более что и изучать тут нечего. Разбуди любого нашего профессионала от тюремоведения ночь-заполночь, и он, не разлепляя глаз, все разложит по удобным дремлющему сознанию полочкам.

Во-первых, им в тюрьме на всем готовом гораздо лучше, чем на воле: одежда – раз, кормежка – два, крыша над головой – три и – никаких забот. Во-вторых, у спецконтингента атрофированы социальные навыки, и они не способны к нормальным контактам в обществе. Те, кто способен – те сюда не попадают. В-третьих, там, на воле, человеку для жизни знаете, какая активность нужна? Ого! А тут он на всем готовом: кормежка – раз...

Поразительно, с какой готовностью подобными ширмочками мы заслоняемся от понимания и, как следствие, от возможности решения важнейшей из общественных проблем. Но проблема существует, сколько не уворачивайся от нее в гладкие оправдания. Либо мы научимся успешно акклиматизировать наши интенсивные арестантские потоки в нормальную жизнь общества, либо они будут все эффективней разъедать нас заразой специфических навыков тюремной жизни. Можно, конечно, строить заборы – и огораживая свои дачные поселки, и вокруг своих жилищных кооперативов, и вдоль дорог, по которым надо шуршать нашим автомобилям. Можно нанимать все больше охраны, отделяя свои острова от общих потоков жизни. Если угрозы будут нарастать, можно, наконец, усилить эти заборы сооружениями запретных зон с колючкой поверху и вышками по периметру...

Если у них (у арестантов, которых все больше среди вольного народа) действительно атрофированы социальные навыки, то чем же еще заслониться от нашествия этих уродов? Лучше бы оставлять их внутри заборов (внутри тюремных заборов), тем более когда и специалисты сами говорят, что им там лучше – на всем готовом...

Не надо верить тюрьмоведам и успокаиваться их простенькими резонами. Из всего готового обитателям тюремного мира без хлопот отсыпят лишь звездюлей. Все остальное им надо постоянно выкручивать, и для этого, поверьте, придется активизировать непростые умения человеческих контактов – те самые социальные навыки, правда, несколько специфические.

Самая элементарная потребность нормально и опрятно выглядеть требует там от человека и энергии, и личной инициативы, и навыков доброжелательного общения. Обычные вопросы (где стирать? в чем стирать? как сушить?) кажутся неразрешимыми в тисках тюремных запретов и ограничений. При этом неопрятный вид может стать причиной сильных неприятностей – и со стороны хозяев этой несчастной жизни, и со стороны своих же товарищей по несчастью, – вот и крутись. А каких социальных навыков требует одно лишь долгое пребывание в тесноте тюремных камер или лагерных бараков! Представьте только это естественное раздражение стиснутых в насильственное соседство людей...

В общем, социальных навыков у лагерного люда – более чем. Чего у них нет (ослаблено, атрофировано или отсутствует напрочь) – так это социальных связей.

Это, во-первых, официальные пути, которыми государство увязывает человека в социум – документы и всевозможные регистрации по месту жительства, в налоговой, страховой и медицинской системах. Во-вторых, надежные якоря – жилье и работа, удерживающие нас в устойчивом равновесии среди житейских трудностей. В-третьих, душевные нити привязанностей – наши родные, друзья и знакомые, – которые, будто в гамаке, могут спасти от падения и удержать нас в мире людей.

В отсутствии этих связей – основная причина повторного (а зачастую и первого) выпадения человека в осадок тюремного мира. А установление (восстановление) социальных связей в реальности нашей сегодняшней жизни – задача практически неосуществимая.

Представьте, что в результате хитроумного мошенничества вы лишились своего жилья, и одновременно у вас украли все документы. А если из-за этих невыносимых забот вы перестали с полной отдачей выполнять свои служебные обязанности и вас, в придачу, уволят с работы? Долго ли вы продержитесь и чем?

У вас есть еще неоспоримое преимущество перед тюремным туземцем, который таким же свободным (без жилья, работы и документов) вырвался в свободный мир. К вам нет предвзятого отношения со стороны разнообразных чиновников, от которых зависит ваше устройство. Вас помнят еще по вашему прежнему положению и вам сочувствуют. Если чем-то вы сможете удержаться, то это – человеческими отношениями, сохраненными со вчерашнего благополучного дня. Ваши друзья и родные и/или ваши материальные накопления из прежней жизни – вот ваш спасительный ресурс. Без него вы почти обречены скатиться на дно, независимо от уровня развития ваших социальных навыков. А у вчерашнего зека, как правило, нет и таких ресурсов...

Так что основная проблема – именно в отсутствии или ослаблении социальных связей. И основное направление усилий системы исполнения наказания должно бы быть устремлено не на составление отчетов по успешному перевоспитанию спецконтингента, а на укрепление их почти оборванных индивидуальных связей с родными и близкими на воле.

Надо не лишать в воспитующем кураже долгожданных свиданий, а делать все возможное для облегчения и упрощения проезда и прохода на них. Как это организовано сегодня – отдельная тема, но все почему-то устраивается так, что кому-то надо очень сильно вас любить, чтобы согласиться преодолеть все унижения и трудности, расставленные на дороге к свиданию с вами. А представьте только частый последний аккорд, когда вы все преодолели – приехали, дотащили, как-то

устроились близости от лагеря, – и вам сообщают о лишении свидания за... Да неважно уже за что, ибо вмажь сейчас мать-жена-сестра в лоб гладкому начальнику, сообщившему ей о лишении свидания, и это было бы недостаточным ему воздаянием. Но не вмажет – там у нее заложник, и одному Богу известно, найдет ли она силы и возможность приехать в следующий раз.

А хорошо бы перестроить работу тюремных воспитателей в эту сторону и по мере сил создавать зекам условия возвращения к жизни. По крайней мере, в случаях, когда предпосылки этих условий есть. Когда у арестанта есть родные люди, готовые принять на себя хоть какие-то заботы о нем.

Хорошо бы штатным психологам не ходить в подручных оперчасти, а работать с родственниками, вести постоянную переписку с ними, связываться с социальными службами и при их содействии помогать родственникам на воле, чтобы могли они в скором будущем принять к себе и удержать в паутине своей жизни неприкайнную лагерную душу, отпущенную на все четыре...

И хорошо бы наладить службу знакомств. Не самодеятельную хохму от лагерной скуки, а серьезную службу с достоверной информацией и благожелательным стремлением к реальной помощи...

Хорошо бы не отмахиваться от редких общественных инициатив в помощь зекам, не закрываться каменными заборами еще более каменных инструкций, а и эти инициативы направлять на усилия по социализации тюремного люда в завтрашнюю нормальную жизнь.

Прожекты?

В чистом виде.

Предлагать любой план очеловечивания тюремной системы, будто зерна бросать о каменную стену тюрьмы – горохом об стенку. Не пропадает.

Давайте представим, как может развиваться одна из таких баталий, вдруг нависшая насущной проблемой сегодняшнего дня.

С мая месяца текущего года почтовое ведомство постановило, что письмами считаются только почтовые отправления весом до 100 грамм. Послать что-то большее – хоть и этот наш журнал «Неволя» – можно бандеролью или посылкой.

Тюремное ведомство по-прежнему ограничивает количество посылок и бандеролей, которые может получить лагерный туземец. Для книжных бандеролей прописана возможность их получения вне установленного количества, но только в случае, когда это книги, заказанные самим зеком

в системе «Книга почтой», или журналы, получаемые по подписке. А если журнал отсутствует в каталоге? А если у зека нет денег на лицевом счету? Большинство необходимой литературы, рассылаемой благотворительными организациями, отсекается от заключенных.

Не сомневаюсь, что какая-то организация (и не одна, и наш журнал с ними вместе) обратится в Министерство юстиции и в службу исполнения наказаний с предложением разрешить осужденным получать книжные почтовые отправления без ограничений и сверх установленного количества обычных посылок и бандеролей.

Не сомневаюсь и в ответе (не сразу, не всем, под настойчивым нажимом писем и публикаций в СМИ, служащим которых тоже надо разъяснить проблему и потратить на это немало времени и сил). С разной степенью убедительности и красноречия чиновники ведомства объяснят, что они бы – всей душой, но – нельзя! Никак нельзя. Зеки – это ж такие мрази! У них же такие связи налажены с криминальным миром, что в книгах им станут слать инструкции для побегов и для организации массовых неповиновений, для подрыва всей системы исполнения наказаний и для разрушения всей государственной системы власти в стране. Низзя!..

Какие-то чудики, конечно, не успокоятся такими ответами и начнут крупномасштабную кампанию. Придется организовать поток протестующих писем и более мощную атаку через СМИ (привлекая и зарубежные). Надо будет начинать судебный процесс и добиваться решения по изменению ведомственных правил. Дело не одного месяца и даже не одного года.

За это время появится парочка генералов от тюремоведения, которым понравится красоваться на телевизионных экранах в виде образцов человеколюбия в лампадах. Они предложат какой-то компромисс. Например, лицензирование их службой тех организаций, которые будут иметь право беспрепятственной пересылки книг в библиотеки учреждений исполнения наказаний. Зачем, мол, личные посылки? К чему обременять зека грузом личных вещей? Ему же самому удобнее будет пойти в библиотеку и культурненько...

Тут начнется захватывающая дискуссия и возникнет естественная необходимость изучить опыт других стран. Неутомимые чудики начнут прославлять в качестве либералов и реформаторов ту парочку генералов, найдут себе союзников, и пойдут генеральские турне по Швеции да Норвегии с семинарами и банкетамы...

Короче, все закончится хорошо. Министерство выпустит дополнение к правилам внутреннего распорядка, где начальникам учрежде-

ний будет рекомендовано в индивидуальном порядке принимать решение о выдаче осужденным книжных бандеролей, в частности как поощрение активистам, бесповоротно ставшим на путь исправления. Генералы-реформаторы повесят в своих кабинетах фотографии, где они красуются вместе с коронованными особами передовых (в пенитенциарном смысле) стран, а инициаторы этой долгой войны, будучи не в состоянии отличить поражение от победы, припрячут на будущее визитные карточки тех генералов...

При этом чиновники тратят в таких баталиях свое служебное время, и оплачивается оно их служебными окладами, то есть это – попросту их новые служебные обязанности, которые они исполняют так же походя, как и все остальные свои обязанности. А те самые чудики тратят время своей собственной жизни, вместе с нею самой – тратят в распыл, в расшиб о непрошибаемую каменную стену. И непрошибаемой каменной стеной успешно служат лбы вроде бы обычных людей – не садистов и не душегубов, а нормальных наших сограждан.

Предпосылкой этому человеческое равнодушие, замечательно и захватно ползущее по жизни, лишенной душевного напряжения. Но в нашем случае равнодушие успешно противостоит именно душевным усилиям. Хоть расшибись об него всей душой – не отступит, не отползет, не украсится и трещинкой человеколюбия. Это видимый результат заразного воздействия на жизнь тюремного мировоззрения – тех самых специфических социальных навыков, которыми в равной степени инфицированы и властители тюремного мира, и его обитатели.

В данном случае речь идет о порождаемой тюрьмой своеобразной шкале для измерения личных затрат (труда, времени, сил) и возможного их результата. В этой оригинальной системе ценностей если и есть смысл в каких-то напряжениях, то лишь в том случае, когда несомненная и явно ощутимая личная польза от них проявится нынешним же вечером, в крайнем случае – завтра поутру. Все остальное плотно укутано туманом мертвого времени, где одинаково далеки и неразличимы и урожай будущего года, и блага загробной жизни. До этого еще столько всякого может случиться, что только самый тупорылый может строить туда какие-то планы и тратить на них свои силы... Разве что – пометчать...

Эта же особенность социальных навыков, в частности, затрудняет нормальное трудоустройство тюремных туземцев в свободном мире. Самой приемлемой становится такая работа, оплату за которую можно

получить тут же (а лучше бы – вперед). Вот и сносит лагерных бедолаг в теньевую экономику, и это – в лучшем случае. Я сейчас говорю о тех, кто вернулся к своим родным, под свою крышу, кому оказана хоть какая-то поддержка. Для большинства лагерного люда, не имеющего такой опоры, как уже говорилось выше, – все куда безнадежней...

Но главная особенность тюремных навыков в другом. Я и сам это не сразу понял.

После освобождения меня всем сердцем приняли в доме моей жены, и я был избавлен от большинства неподъемных тягот устройства в вольной жизни. Мне оставалось только найти работу, что не казалось сильно уж трудным делом в большом областном городе на юге Украины.

– Поразительно то, – сказал я жене в один из первых дней на свободе, – что из многих сотен людей, которых я видел за решеткой, никто, кроме меня, даже не предполагает какой-то полезной трудовой деятельности в будущей вольной жизни.

– Поразительно то, – сказала мне жена через месяца через три-четыре после освобождения, – что ты все-таки предполагал какую-то трудовую деятельность.

Мне нечего было ответить. Все это время я вполне успешно настраивал против себя любого потенциального работодателя. Пара минут разговора – и готово: с очередным отказом я продолжаю поиски очередного места.

Зек обладает удивительной способностью – всякого встречного он просвечивает вмиг. А больше времени, как правило, и не бывает ни в толчее сборки, ни в необходимости определиться сразу же по приходе в любую хату. Самый последний чертила видит, чего на самом деле стоит козел, к которому он пришел устраиваться на работу. И чаще всего тот, к сожалению, только и стоит, чтобы в определенных условиях занять подобающее ему козлячье место.

Даже в маске угодливости, которой иные зеки прикрывают свое пронзительное знание, будет сквозить невыносимая любому начальнику правда о себе – пусть и в одних только юридических интонациях. Кто же захочет такого работничка? И как скрыть это проклятое знание? И надо ли его скрывать?

Вот еще одна сила, которая выдавливает зека из нормальной жизни в экстремальные ситуации точной определенности. Или – в социальное одиночество. Или – в беспамятство запоев. Или – в другое беспамятство... Наверное, особенностью такого взгляда обладает не

только зека, но и любой человек, прошедший школу жизни на самом краю жизни. Они опасны, даже и не осознавая этой своей опасности. Им комфортнее жизнь на краю, и они не только смываются туда течением своей жизни, они вместе с собой и нашу жизнь медленно и неуклонно сдвигают на самый край.

Ведь можно только удивляться их цепкости и, следовательно, эффективности их специфических навыков. Без социальных связей, без накопленных ресурсов они должны бы практически поголовно сметаться обратно в тюремный мир. Но исследования говорят только о четверти (или – о трети), и, значит, остальные смогли зацепиться в вольной жизни. Обычный нормальный человек, как правило, скатился бы в их положении на самое дно, а они умудряются выживать. Это общество адаптирует их в себя или они изживают нас своими навыками?

При этом не надо забывать, что все они, со своим запредельным опытом, – не самые лучшие наши сограждане. Как же мне мириться с оценивающим взглядом того, кто ничем не лучше меня?

Правда, как правило, и не хуже. Такой же человек, но с опытом нечеловеческой жизни...

«И вот таким я возвратился в мир, / который так безудержно раскрашен. / Гляжу на вас, на тонких женщин ваших, / на гениев в трактире, на трактир, / на бесконечное седое зло, / на мелкое добро грошовой сути, / на то, как пьют, как подличают, крутят, / и думаю: как мне не повезло...»

Как не помнить эти точные строки Юрия Добмровского?!

А может, все-таки, в наших социальных навыках умение приспособиться занимает непозволительно высокое место? Может, зря мы его принимаем за собственно умение жить?..

Все эти проблемы только кажутся неразрешимыми.

Представьте зека, вырвавшегося на свободу. Каждая его клеточка трепещет обретенной и ожидаемой радостью. Какой замечательный мир! Какой чудесный снег сыпется на плывущую в улыбке физиономию! Как здорово видеть этих безмятежных вольняшек, шастающих вокруг по каким-то своим замечательным надобностям! Не то что за колючкой: там – снег в морду, люди шныряют, чтобы что-то выкрутить себе за твой счет, – удавиться...

Только почему эти вольные лохи такие хмурые? Почему они не радуются просторному небу? чистому снегу? Можно подумать, что их до бессознания забодали какие-то беды. Какие у них могут быть беды, если они на воле?!

Давайте попробуем, хоть минутно, посмотреть на мир таким взглядом. наших трудностей, разумеется, не счесть. Но мы – на воле. Мы можем сами погасить свет перед сном и кому-то сказать «спокойной ночи». Мы можем проснуться и вновь осознать, какое это счастье – на свободе, хозяином самому себе: хоть снова спи, хоть встань и завари себе вкусного чаю... «И не трясут за теплое плечо, / не подступают с окриком и лаем, / и если спишь – чего тебе еще? / Чего еще? Мы большего не знаем».¹

Уверен, что тюрьмы будет становиться чуточку меньше каждый раз, когда мы лишь будем вспоминать об этой своей радости – быть на воле.

Такие счастливые минуты каждый запросто может устроить себе безо всяких затрат – совершенно бесплатно. И мы станем меньше шарахаться от туземца, который вышел к нам с таким же счастьем. И он в ответ..

И все наладится...

Надо только в придачу время от времени долбить своими мало-мощными камушками тюремную стену. Хотя бы для того, чтобы она чувствовала наше сопротивление и стояла на своем месте, не наступая все захватнее на нашу жизнь.

Можно для начала в виде своего камушка отправить то самое письмо с недоумением по поводу книжных бандеролей...

Так все и наладится...

---

¹ Стихи Александра Кушнера.

Венц Майер (Вячеслав Майер).
Краткая воровская энциклопедия.
М., Крафт+, 2005.

Алексей Мокроусов

Готовый сериал

Энциклопедией это издание можно назвать довольно условно. Здесь нет словника, а главы не являются всеохватывающим изучением какой-либо проблемы. При этом автор, знающий опыт зоны не понаслышке, но и там не позабывший своего социологического образования, делает массу исторических экскурсов, цитирует и книги, и журналы, от перестроечного «Огонька» до «Совершенно секретно» и «Частного детектива» (упоминается и несколько зарубежных работ). Он приводит множество правдивых или похожих на правдивые изустных историй и снабжает свою работу приложениями, где попадаются материалы удивительной силы.

Майер публикует, например, дневник 1961 года, который вела одна цыганка и который написан как обращение к возлюбленной, отбывающей наказание в другой колонии. Цыганка стремится туда перевестись и ради встречи с любимой готова на исполнение любой работы, лишь бы заслужить положительные характеристики начальства.

Цыганка эта (не уверен, что обнародование ее имени, совершенное автором книги, не нарушает ее прав) – воровка, как и большинство персонажей книги. Именно воровскому сообществу, резко противопоставляющему себя «мокрушникам», и посвящена энциклопедия. Здесь описываются многие виды воровства, от карманников и даже чулочников (есть герои, умудряющиеся на рынках вытаскивать у дам деньги из чулков) до угонщиков машин и просто уличных грабителей.

Обо всех них автор пишет изнутри, и потому его повествование чаще всего лишено внешних претензий на осуждение и моральную оценку. Он просто рассказывает технику дела, порой напрямую обращаясь к читателю как к слушателю из зоны. Так, в главе о квартирных кражах он пишет: «Мастерам вхождений мы настоятельно рекомендуем носить специальные воровские пояса с набором нужных инструментов, можно воровские чемоданы, ибо вас, коллеги, неожиданности и непредвиденности поджидают на каждом повороте отмычки».

Стремясь избежать обвинения в потакательстве воровской профессии, редакция предпослала тексту собственное вступление, где предупреждает читателя: «Почти наверняка найдутся те, кто возмущенно воскликнет: “Как можно учить *такому?*”. В таком случае можно смело называть булгаковского доктора Борменталья «врачом-убийцей» и считать «Анну Каренину» пособием по суициду. Нет, книга, напротив, учит честных людей противостоять *такому* – «кто предупрежден, тот защищен».

При последующем чтении понимаешь, что специально такой задачи автор перед собой, конечно же, не ставил. Текст, не без игривости посвященный Б.А. Березовскому, «вездесущему лондонскому сидельцу, человеку, ныне невъездному в Россию», представляет смесь занятных фактов с точными наблюдениями, аккуратное балансирование между профессиональными байками и стилем желтой прессы. Автор не боится банальностей и общих мест, поскольку материал готов вырвать его в любую минуту. Некоторые из тем – например, о чувстве голода в зоне – сопровождаются ироничными комментариями, вроде списка блюд, которые необходимо было прежде попробовать на воле, чтобы позже с толком участвовать в разговоре и понимать, о чем мечтали заключенные прежних лет. Помимо салатов из осетрины или язычков трески, окрошки с кальмарами, щей из щавеля с гренками и польского бигуса, были здесь и вещи довольно экзотические, вроде замороженной печени оленя, а то и вовсе эвенкийской таежной колбасы из оленьего кала с кровью.

Автор утверждает, что именно оленина является излюбленной едой в Сибири и на Севере, и не только потому, что оленя, единственное животное на земле, можно есть с потрохами, включая и кал (который многим спас жизнь). «Воров с оленями объединяет даже пословица: “олень боится загона, а вор закона”».

Но встречаются в книге и более серьезные выкладки, вроде историй о подмешивании попутчикам в поездах снотворных и прочих веществ в алкоголь с последующим ограблением. Майер объясняет этот феномен, ставший к концу 1980-х годов практически массовым, но

известный еще и с 1960-х тем, что многие заключенные работали на объектах химической промышленности, где могли обучиться всякому.

Особый интерес вызывает и последний раздел «Энциклопедии», названный «Аббревиатуры и тюремно-лагерные слова, встречающиеся в тексте». Привычные слова в конце писем из зон обрастают интимными смыслами. Так, БОГИНЯ прочитывается как «Буду Одной Гордиться И Наслаждаться Я», ТКАЧ как «Тебе Клянусь, Ангел, Честью», а ЛОТОС – «Люблю Одну Тебя Очень Сильно». При этом большая часть писем из зон на волю при знакомствах «вслепую», по чьей-либо рекомендации или по специальной адресной базе, распространяемой в местах заключения, пишется по трафаретам. Эти письма отличаются особым сентиментальным надрывом и некоторыми своими стилистическими оборотами и семантическими ходами призваны подчеркнуть незаурядный эмоциональный и интеллектуальный мир их автора.

Телевизионная тюрьма: наконец-то срослось

Судя по тому, что подавляющее большинство библиографических ссылок у Майера датировано рубежом 1980–1990-х годов, а большая часть реалий связана с эпохой Горбачева, работа над рукописью была закончена более десяти лет тому назад (достаточный срок, чтобы отредактировать текст до идеального состояния, жаль, что этим временем не воспользовались). Как ни странно, это обстоятельство – учитывая отсутствие простроенной и внятно сформулированной авторской идеологии – не сказывается на общем восприятии книги.

Дело, видимо, в неявной установке автора на сценарность текста, не случайно одна из глав называется «Бульон для сериалов». «Краткую воровскую энциклопедию» хоть сегодня подавай в качестве сценарной заявки (а заодно и готового сценария) куда-нибудь на телеканал «Россия»: и степень живости соблюдена, и недостаточно глубоко, чтобы задеть чьи-либо патриотические чувства. Сомнительный, наверное, комплимент – прежде всего в адрес телевидения, которое давно уже отучило публику от аналитики. И хотя бандитская тема является одной из наиболее разработанных даже в поле сериалов, ТВ наверняка испытывало бы проблемы с иллюстративным рядом, отработав его скорее постановочными сценами и ассоциативными образами.

В этом отношении иллюстративная часть книги – фотографии из зоны, рисованные дневники, наковки на ногах «Они топчут XX век» – могла бы вызвать отдельную похвалу, не будь качество печати таким удручающе низким. Все равно читателя ждут любопытные неожиданности, вроде републикации рисунка «Устройство “лазейки” в изгороди из колючей про-

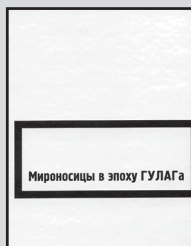
волоки» из журнала «Техника коллективному промысловому хозяйству» за 1936 год. Он помещен в главе 33 «Гимн колючей проволоке». Совершив обширный экскурс в историю явления (первые массовые применения проволоки в лагерях зафиксированы в гражданской войне в США в начале 1860-х, а в Первую мировую войну Германия истратила на фронтах 600 000 000 километров проволоки), Майер отмечает, что «тема колючей проволоки почти не нашла места в лагерном жаргоне (фене). Только в двух словарях: В.М. Попова “Словарь воровского и арестантского языка” и С.М. Потапова “Словарь жаргона преступников. Блатная музыка” из четырехтомного “Собрания русских блатных словарей” Владимира Козловского упоминается “проволока тонкая”. Так до Октябрьского переворота и в первые годы советской власти назывался длиннорукий вор, ловко залезающий в карманы».

Зато в татуировках проволока часто встречающийся образ. Подобное замалчивание видимого, когда жаргон выборочно пропускает в себя реальность, относится, видимо, к сфере психоаналитического интереса.

Сама же работа Венца Майера тоже представляет немалый интерес, несмотря на подчеркнутую установку на занимательность (а может, и благодаря ей). При всей фрагментарности, порой чуть ли не скатывающейся к потоку сознания, «Краткая воровская энциклопедия» позволяет отследить некоторые массовые стереотипы уголовного мышления, связанные как с чистотой рядов, внутренней сегрегацией, так и с представлениями о том, как бороться с «перегибами» криминального мира. Насильники и маньяки вызывают у автора столь глубокое отвращение, что он выступает за применение к ним смертной казни и видит в публичности исполнения приговора залог воспитательного его успеха.

Так уголовное мышление проявляет самую неожиданную свою сторону, утопическую, связанную как с понятием греха, так и его границами. Лишь преступив подлинные границы нормы, совершаешь подлинный грех.

Такое ощущение, что в этой парадигме проживают не только персонажи книги Венца Майера, но и все породившее их государство.

Проценко П. Г.

Мироносицы в эпоху ГУЛАГа.

Сост. и коммент. П. Г. Проценко.

Нижний Новгород: Издательство Братства
во имя св. князя Александра Невского,
2004. 608 с., ил.

В XX ст. христиане в России оказались отверженными. Как они перенесли испытания, выпавшие на их долю? Православные женщины оставили свое свидетельство об этом.

«Для чего наши мироносицы в эпоху ГУЛАГа шли за праведниками, уходившими на Голгофу? Для чего, уцелевшие на адских островах дьявольского архипелага, они почти целое столетие сохраняли нить преемства с замученными в неволе благородными и прекрасными людьми, цветом России, с их чаяниями и любовью? Чтобы сейчас мы могли наблюдать торжество оборотней, нуворишей с комсомольским прошлым, распад остатков человечности в человеке? “Новые люди” утопического государственного капитализма счастливо живут среди гниющих заживо бесчисленных Лазарей.

Мироносицы XX века оставили важную, “последнюю” правду о земном времени. Когда эпоха поработана смертью, когда после Соловков и Освенцима в людях не пробуждается память о небе и растет только ненасытное желание владеть землей и властвовать над себе подобными существами, даже тогда остается выход. Раздвинь шторы на окнах, сорви тяжелые занавесы, закрывающие вид на Голгофу. И, проснувшись от дурманящего забвения, иди туда, где на кресте распинают Человека. Пусть кричат миллионы: “Одумайся! Вернись!”, пусть вокруг выставлена охрана и воронки выехали по твою душу. Ты пройдешь к подножию креста: никому не дано задержать и остановить того, кто выбрал. Трехмерное пространство кончится, раскроется сад. Ранним утром Садовник повстречает учеников. И первыми весть о свободе услышат мироносицы».

Евгений Ихлов

Льговские хроники

В ночь на 27 июня в колонии ОХ-30/3 (ИК-3) в городе Льгов Курской области начались драматические события. Поводом для широкой акции протеста заключенных с нанесением себе ранений послужило жестокое избиение нескольких (по меньшей мере двух) заключенных в кабинете начальника оперативной части учреждения. Такого рода избиения происходили и до этого, официально это называлось «советом профилактики». В избиениях непосредственно участвовали представители администрации колонии: Двоеносов, Реутов, Каракулин, Вербин и даже сам начальник колонии Бушин. Один из заключенных сообщит впоследствии, что его били на глазах «местного прокурора». Однако уголовное дело по превышению должностных полномочий возбуждено сейчас только в отношении Двоеносова и Реутова. Избивали резиновыми дубинками («спецсредство») и деревянными битами. Известно, что жестокие избиения практиковались в этой колонии задолго до кризиса. Целью избиений было принудить этапированных в колонию заключенных вступать в так называемую «секцию дисциплины и порядка», поэтому за учреждением ОХ-30/0 установилась дурная слава «прес-колонии». В колонии постоянно находился спецназ, которой избивал заключенных. В избиениях часто принимали участие заключенные из секции дисциплины и порядка, вооруженные дубинками и битами. После выхода из колонии около десяти заключенных обратились с жалобой в прокуратуру, требуя возбудить уголовные дела по факту избиений. Однако все они получили формальные отписки, их даже не опрашивали, как того требует УПК.

Е. Ихлов – руководитель информационно-аналитической службы Движения «За права человека».

От отчаяния и началась акция протеста, в ходе которой несколько сот осужденных нанесли себе различные ранения. Одновременно началась и голодовка протеста. Никаких насильственных действий или беспорядков в ходе акции не предпринималось. Основные требования участников акции протеста были следующие: прокурорская проверка по обращениям заключенных и снятие с должностей тех представителей администрации, которые лично избивали осужденных. Даже после частичного удовлетворения этих требований акция протеста была прекращена.

В первые дни после начала акции ее участников, в первую очередь находящихся на строгом режиме (в СУСе) – а таких было свыше двадцати человек, – жестоко избивали. Несмотря на нанесенные им себе тяжкие ранения, включая проникающие в область живота и легких, реальная медицинская помощь им не оказывалась. В нарушение Уголовно-исполнительного кодекса по меньшей мере сто заключенных были тайно этапированы в другие регионы.

Как только сведения о кризисе в колонии распространились, в ее окрестности стали прибывать родственники заключенных. В Льгов были также направлены представители общественной комиссии, сформированной несколькими правозащитными организациями: Движением «За права человека», Московской Хельсинкской группой и Комитетом «За гражданские права». Не получив свиданий и узнав о продолжающихся избиениях, родственники организовали постоянный пикет, а часть из них объявила голодовку в знак солидарности с заключенными. После нескольких провокационных мер вроде организации у стен колонии контрмитинга в поддержку администрации колонии (учреждение ОХ-30/3 для Льгова – градообразующее предприятие) или выплескивания на дорогу битума (под предлогом дорожных работ) ситуация очень накалилась. Только пристальное внимание прессы, широкий, в том числе международный, резонанс, создание из представителей авторитетных правозащитных организаций Общественной комиссии по расследованию льговских событий, которая направила своих представителей на место событий, а также подключение к ситуации Уполномоченного по правам человека в РФ В.П. Лукина, Председателя Совета по гражданскому обществу Э.А. Памфиловой и прибытие в колонию надзирающих прокуроров привело к частичной стабилизации обстановки. Около 300 осужденных подали в прокуратуру заявления о преступлении и потребовали признать их пострадавшими в рамках возбужденного прокуратурой уголовного дела о превышении должностных полномочий, повлекшего тяжкие последствия.

Важную роль в том, что администрация колонии не пошла по пути кровавого подавления акции протеста, а прокуратура была вынуждена начать уголовное расследование беззаконий, сыграли активные действия созданной правозащитниками Общественной комиссии. Сразу после получения сообщений о происходящем в Льгове туда были направлены представители Общественной комиссии. Они организовали постоянный мониторинг ситуации, оказали содействие в нормализации ситуации среди родственников заключенных, помогли ввести их действия в организованные рамки Родительского комитета. Общественная комиссия провела 4 июля пресс-конференцию «Правда о событиях в Льгове», в которой наряду с правозащитниками участвовали и представители Родительского комитета. Общественная комиссия направила в Льгов адвокатов, которые дважды, 7 и 12 июля, встретились с заключенными и получили от них объяснения. 11 июля по инициативе Общественной комиссии была проведена встреча родственников заключенных, правозащитников и адвокатов с Эллой Александровной Памфиловой. На встречу были приглашены и представители руководства ФСИН.

Особую тревогу вызвали события, которые начались уже после прекращения акции протеста. 300 осужденных, подавших заявления в прокуратуру, не признаны пострадавшими, они получили лишь процессуальный статус свидетеля. Затем под предлогом защиты их как свидетелей они были этапированы в учреждения исполнения наказания в самые различные регионы, включая удаленные, например Челябинскую область. Их «переброска» скрывалась от родственников. В результате осужденные из Льгова – а многие из них имеют ранения – не могут связаться с родными, обратится к адвокатам, которым они доверяют, пригласить медицинскую помощь от независимого специалиста, хотя закон дает им это право. Несколько заключенных из колонии ОХ-30/3 – в рамках защиты их как свидетелей – перевели в следственных изолятор в Льгове (ФГУ ИЗ-2). На встрече с адвокатами 12 июля заключенные сообщили, что несмотря на опасные ранения, включая проникновение электрода в легкое, они не получили медицинской помощи (за исключением смены повязки) и практически не получают питания. Им непрерывно угрожают. Заместитель начальника УФСИНа по Курской области Пылёв И.Н. открыто требовал от заключенных взять назад заявления в прокуратуру (даже требовал их «съесть»!), угрожая, что если происходящее повредит его карьере, то заключенные живыми из камеры не выйдут.

От имени заключенных из Льгова их адвокатами поданы обращения в Европейский суд по правам человека и в Европейский комитет

по предотвращению пыток и другого бесчеловечного и унижающего достоинства обращения и наказания.

Приложение

Объяснение

Марченко Максима Олеговича¹

С 14 мая 2005 г. я отбывал наказание в ИК-3 г. Львова.

В период с 24 по 26 мая (точную дату я указать не могу) на «профилактике» по указанию начальника колонии Бушина Ю.И. меня избивали офицеры. За что я подвергся избиению, мне до сих пор не известно. Удары наносились руками и ногами по всем частям тела, причиняли мне физическую боль и нравственные страдания. Кроме того, меня оскорбляли и выражались в мой адрес нецензурной бранью.

С 26 на 27 июня после 12 часов ночи меня и Гришина привели в кабинет оперчасти. Меня завели первого, там находились Двоеносов В.А., Каракулин и Вербин – представители администрации. В мой адрес произносились угрозы и оскорбления, а затем Двоеносов и Каракулин стали меня избивать.

Били дубинками, руками и ногами. Вербин в это время всё наблюдал.

Затем меня вывели из кабинета и завели туда осужденного Гришина. Мне было слышно, как его начали избивать. Потом меня увели в помещение для этапированных, где я увидел Князева, который также был избит. Я понял это по его виду, впоследствии он это подтвердил.

Туда же привели Гришина, он сказал, что его также избивали. Затем нас увели в СУС. Там я написал предсмертную записку и, решив покончить жизнь самоубийством, порезал себе вены на обеих руках.

В настоящее время я содержусь в ФГУ ИЗ-2 г. Львова, где на меня постоянно оказывается моральное давление со стороны работников УИНА с тем, чтобы я поменял свои показания и не говорил правды о том, что произошло со мной в ИК-3 г. Львова.

С моих слов записано верно и мною прочитано.

12.07.2005 г.

Марченко Максим Олегович

¹ Записаны адвокатом Коробейниковой Е.Г. со слов осужденного Марченко Максима Олеговича, содержащегося в ФГУ ИЗ-2 г. Львова, копия уполномоченному по правам человека РФ Лукину В.П.

Объяснение

Князева Виталия Анатольевича²

Я, Князев В.А., отбывал наказание в ИК-3 г. Львова с 24 марта 2005 г. С первого дня в ИК-3 меня стали избивать представители администрации – Двоеносов, Каракулин, Бушин и Реутов. Впоследствии на протяжении трех месяцев я систематически подвергался избиениям и унижениям. Об этих фактах я давал объяснения адвокатам Липцер и Михееву. Кроме того, мною было написано заявление о привлечении к уголовной ответственности лиц, подвергших меня унижениям и пыткам.

В настоящее время я содержусь в ФГУ ИЗ-2 г. Львова в ШИЗО, так как, по мнению администрации, я не выполнял требования распорядка дня. Я не мог выполнить данные требования, так как у меня очень плохое состояние здоровья – порезы вен рук, в области живота и штырь в правом боку. Никакая медицинская помощь мне не оказывается.

Постоянно ко мне приезжает замначальника УФСИН по Курской области Пылёв И.Н., который угрожает мне физической расправой, оказывает на меня психическое и моральное воздействие. Также высказывает мне, что если и состоится суд над сотрудниками УИНа, то я и другие осужденные до него вряд ли доживем.

В настоящее время состояние моего здоровья резко ухудшилось. Я вынужден был снова причинить себе порезы на руках и животе, протестуя против невыносимых условий содержания.

Во время беседы со мной в кабинете начальника ИЗ-2 г. Львова, при которой присутствовал замначальника УФСИН Пылёв, последний сказал, что если он не станет начальником УФСИН, то я живым не уеду из данного учреждения, что меня тут отравят или я повешусь в камере. Сотрудники учреждения провоцируют меня, чтобы я и в дальнейшем резал себе вены.

Питание мне периодически не выдается.

С моих слов записано верно и мною прочитано.

12.07.2005 г.

Князев В.А.

---

² Записал адвокат Заксенберг Борис Анатольевич, со слов Князева Виталия Анатольевича, содержащегося в ФГУ ИЗ-2 г. Львова, копия Уполномоченному по правам человека в РФ Лукину В.П.

Заявление адвоката Елены Липцер³:

7 июля 2005 г. по поручению Общероссийского движения «За права человека» мы посетили в Льговском СИЗО бывших заключенных Льговской колонии ОХ-30/3 Виталия Князева и Алексея Шатунова. Ранее в Движение «За права человека» поступила информация о том, что в отношении четверых заключенных Льговской колонии, в том числе Князева и Шатунова, возбуждено уголовное дело по статье 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Эту информацию нам не подтвердили в Следственном Управлении Курской областной прокуратуры. Адвокатам было сказано, что данные лица за прокуратурой не числятся и мера пресечения им избрана не была.

После общения с Князевым и Шатуновым нам стало известно следующее:

1. Князев и Шатунов были в числе заключенных колонии (около 300 человек), которые передали прокурору Курской области Бабичеву – в присутствии начальника УФСИН Курской области Федечева – заявления о возбуждении уголовного дела в отношении начальника колонии Бушина и сотрудников администрации (Двоеносова, Реутова и других) в связи с имевшими место жестокими избиениями заключенных. Большинство из заключенных, подавших такое заявление, было вывезено из колонии в различные следственные изоляторы Курской, Орловской, Белгородской областей.

2. Князев и Шатунов были допрошены следователем Курской областной прокуратуры в качестве свидетелей относительно событий, которые имели место в колонии. Несмотря на их требования, они не были признаны потерпевшими по данному делу. Им было предъявлено постановление, в соответствии с которым они содержатся в следственном изоляторе в целях их личной безопасности, так как они дают показания против администрации колонии, то есть их таким образом охраняют как свидетелей.

3. На них оказывается давление со стороны сотрудников УФСИН Курской области и ФСИН РФ с тем, чтобы они отказались от ранее данных показаний против администрации, в противном случае им угрожают возбуждением против них уголовного дела по статье 321 УК РФ.

4. Несмотря на то, что они имеют телесные повреждения (у Князева порезана правая рука и обломком электрода пробит правый бок, у Шату-

³ Адвокат Е. Л. Липцер и адвокат И. В. Михеев по поручению Общероссийского общественного движения 7 июля посетили бывших заключенных Льговской колонии ОХ-30/3 Виталия Князева и Алексея Шатунова (в настоящее время содержатся в следственном изоляторе г.Льгова – ИЗ 46/2).

нова порезан живот и также пробит бок), медицинская помощь им не оказывается. В медицинской части изолятора им только меняют повязку.

Причиной произошедшего в Льговской колонии стало то, что там было узаконен так называемый «совет профилактики», который состоял из администрации колонии во главе с начальником и «актива» колонии. На «совет», проводившийся в кабинете начальника колонии Бушина, приводили «провинившихся» заключенных, которых по очереди избивали сотрудники администрации (заместитель начальника Двоеносов, начальник отдела безопасности Реутов, Каракулин и другие), иногда прибегая к помощи «актива».

При избиениях применялись резиновые дубинки и деревянные биты.

Шатунов (инвалид 2-й группы) был избит 24 июня 2005 г. в кабинете отдела безопасности до потери сознания, после чего был помещен в штрафной изолятор (ШИЗО). Его обращения за медицинской помощью ни к чему не привели, и вечером 26 июня 2004 г. он порезал себе живот и вбил гвоздь в легкое.

Жалобы, которые пытались передать заключенные, из колонии не отсылались, сотрудники администрации заставляли заключенных свои жалобы съедать.

Князев сообщил, что его несколько раз избивали в присутствии местного прокурора, фамилию которого он не знает, но сможет опознать этого человека.

Князев также сообщил адвокатам, что перед тем как ему разрешили встречу с адвокатами Липцер и Михеевым, начальник ИЗ 46/2 Пузанов сказал ему, что ему надо написать отказ от встречи с юристами, так как он в ней якобы не нуждается, и пригрозил, что если он не согласится написать такой отказ, у него будут проблемы, а если начальник ФСИН РФ генерал Калинин «не сможет отчитаться, то вас – не найдут».

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что жизни заключенных колонии, которые написали заявление с просьбой возбудить уголовное дело в отношении начальника колонии и администрации, угрожает реальная опасность: на них оказывается давление, им не оказывается медицинская помощь.

Информация Комитета помощи заключенным (С.-Петербургское отделение Движения «За права человека»)

Продолжают поступать сведения об издевательствах над льговскими узниками. Вот отрывок из письма осужденного Князева Виталия Анатольевича, переведенного очередной раз к новому месту отбывания наказания в ИЗ-32/1 УФСИН Брянской области:

«...25.07.05 г., в три часа дня приблизительно, в ИЗ-46/2 УФСИН Курской области ко мне в камеру вошли трое сотрудников внутренней службы, и, применяя ко мне болевые приемы, заломы рук, стали принуждать меня отказаться давать показания против сотрудников УФСИН по уголовному делу №1519, а также стали меня прижигать кипятильником с той же целью, а так же с целью узнать, что за информацию я передаю своему адвокату Липцер Е.Л.».

В брянском изоляторе, куда Князев был этапирован для удаления инородного тела из организма (у Виталия в легком кусок электрода), медики зафиксировали следы пыток. Тем не менее, и в Брянском СИЗО на него продолжают оказывать давление сотрудники отдела безопасности, обещая ему, что сфабрикуют на него несуществующие нарушения режима содержания, чтобы по возвращении в колонию перевести его в ЕПКТ.

В заявлении, переданном Елене Липцер, Князев указал на то, что в случае написания отказа от своих претензий просит считать его написанным под пытками.

30 августа 2005 г

Борис Пантелеев

Право, справедливость, сострадание
За права человека

125009, г. Москва,
Малый Кисловский пер., дом 7,
строение 1, помещение 21
Общероссийское общественное
движение «За права человека»
тел./факс (095) 202-22-24,
E-mail: info@zaprava.ru;
<http://www.zaprava.ru>

Уставной целью Общероссийского движения «За права человека» является становление правового государства и развитие гражданского общества в России.

Движение защищает права граждан на эффективное правосудие; контролирует законность деятельности судебных канцелярий по гражданским и уголовным делам; регулярно направляет наблюдателей на судебные заседания, на общественнозначимые процессы; собирает материалы для выпусков «Черной книги российского правосудия»; подает жалобы на чиновников, вредящих своими незаконными действиями; помогает составлять жалобы в Европейский суд.

Дмитрий Фомин

Уроки Льгова

События, произошедшие в конце мая – начале июня в исправительной колонии № 3, вызвали массу пересудов. Правда, все публикации, посвященные «массовому суициду», носили весьма односторонний характер. Дескать, во всем виновата администрация, а зеки, беспомощные и бесправные, не выдержав издевательств, решили покончить с собой. Из всех опубликованных статей только одна – в журнале «Русский Newsweek» – носила объективный характер: в ней были представлены обе версии произошедшего – версия заключенных и версия пенитенциарной администрации.

На самом деле в Льгове ничего экстраординарного не произошло. То, что события в колонии столь широко освещались в прессе, было следствием хорошо спланированной, как сейчас модно выражаться, пиар-кампании, которая, в свою очередь, являлась как бы составной частью всей этой акции. На самом деле волнения в тюрьмах – не такое уж редкое явление. Но если о том, что происходит в России, знают все, то о зарубежных событиях знают немногие. А ведь только за последний год в мире произошло несколько крупных тюремных бунтов. Позволим себе привести лишь несколько примеров.

В апреле 2004 года заключенные тюрьмы «Урсу Бранку» (Бразилия) подняли мятеж, требуя сменить директора тюрьмы, улучшить условия содержания, разрешить пользоваться мобильными телефонами. Как отмечала зарубежная пресса, не исключено, что беспорядки были задуманы с целью отвлечения внимания. Полицейские обнаружили два подземных хода, ведущих из тюрьмы на волю, подготовлен-

---

Д. Фомин – ветеран пенитенциарной системы. Редакция считает необходимым познакомить читателей с точкой зрения практических работников системы исполнения наказаний.

ные для массового побега. Только заложников было взято в плен 170 человек. По официальной информации, в результате внутренних разборок среди бандитов были убиты 14 заключенных.

В мае 2004 года в Польше 500 заключенных тюрьмы города Волове объявили голодовку. Они протестовали против стесненных условий содержания.

В марте 2005 года филиппинский спецназ штурмом взял мятежную тюрьму в Маниле, столице Филиппин. По данным «Рейтер», в результате штурма 17 человек погибли, в том числе три лидера исламской экстремистской группировки «Абу Сайяф». Как подозревают власти, именно экстремисты подняли бунт, в ходе которого было убито шесть сотрудников тюрьмы. По данным тюремной администрации, бунт вспыхнул во время завтрака, когда одному из заключенных удалось завладеть оружием охранника. После этого несколько экстремистов забаррикадировались на втором этаже тюремного корпуса, который был сразу же окружен бойцами спецназа. Всего в тюрьме на тот момент содержалось около 400 заключенных, 130 из них – боевики, связанные с «Аль-Каидой».

В апреле 2005 года в Крыму 18 задержанных в СИЗО сначала устроили бунт, а когда он был подавлен, перерезали себе вены.

В мае 2005 года бескровно завершился бунт заключенных в австралийской тюрьме для особо опасных преступников «Рисдон» на острове Тасмания. Несмотря на то, что в тюрьме действует строгий режим, группе осужденных численностью до 20 человек удалось забаррикадироваться во внутреннем помещении для посетителей. Преступники захватили в заложники тюремного охранника, требуя улучшения условий содержания и более мягкого обхождения.

А совсем недавно, в июле, в тюрьме на Гавайях из камер вырвались около 36 зеков, которые устроили бунт. Двое заключенных в результате «разборок» были ранены и госпитализированы, а охрана вынуждена была применить слезоточивый газ для умиротворения бунтовщиков.

В августе одновременно в четырех тюрьмах Гватемалы вспыхнули беспорядки. В результате 31 человек погиб и более 80 получили ранения. Как сообщило МВД страны, наиболее жестокие столкновения между заключенными произошли в исправительном заведении «Эль-Ойон», расположенном в южном департаменте Эскуинтла. От огнестрельного и холодного оружия там погибли 18 членов преступных молодежных группировок. Восемь заключенных были убиты в тюрьме «Павон», в 20 км юго-восточнее гватемальской столицы. После наведения порядка на ее территории было обнаружено огнестрельное ору-

жие, осколочные гранаты и мачете. Во время драки в пенитенциарном заведении «Канада» погибли трое заключенных и еще двое – в тюрьме южного города Масатенанго. После разбирательства министр внутренних дел Гватемалы Карлос Визьман заявил, что он не исключает того, что заключенные специально договорились о времени начала беспорядков.

Перечислять можно и дальше.

И, как правило, везде заключенные требуют сменить руководство. В этом смысле льговские события ничем не отличаются от того, что произошло, скажем, в Польше или в Бразилии.

Есть, правда, одна особенность, которая значительно отличает российские тюрьмы от любых зарубежных. Дело в том, что сложившаяся в России уникальная криминальная субкультура четко требует от членов преступных сообществ держать, или пытаться это делать, контроль над следственными изоляторами и колониями. Одной из «обязанностей» воров в законе является то, что они должны «греть» (поставлять спиртное, наркотики, сигареты и т.д.) эти заведения и назначать туда «смотрящих». Для чего осуществляется этот «грев» – понятно: в первую очередь для того, чтобы скрасить жизнь членам своих преступных группировок, да и самим себе в случае попадания на нары. А во вторую, но это еще более важно, чем в первую – для того, чтобы рекрутировать новых людей, особенно из числа молодых заключенных.

Ситуация в российских зонах осложняется еще и тем, что в результате некоторой либерализации УК и УПК среди содержащихся в неволе все меньше остается людей, сидящих за незначительные преступления, и все больше – за опасные и особо опасные преступления, такие как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой, бандитизм. Все увеличивающееся количество лиц с такими статьями, естественно, не добавляет спокойствия.

Понятно, что те регионы, в которых «контроль» над пенитенциарными заведениями осуществлять не удастся, находятся под пристальным вниманием генералов преступного мира, и ими предпринимаются всевозможные усилия, чтобы изменить расклад сил в свою пользу.

Именно это и произошло во Льгове. Кстати, ситуация в курских зонах давно уже вызывала недовольство воров в законе и преступных «авторитетов». Покойный вор в законе – Вася Курский – уже пытался предпринимать определенные шаги, чтобы установить в курских зонах «воровской ход». Ему это не удалось. Эстафету принял новый «смотрящий» за областью – Витя Пан. Именно он «благословил» курских криминальных лидеров на проведение акции.

По поводу произошедшего во Льгове директор ФСИН Юрий Калинин неоднократно говорил о том, что причин этих событий несколько. В первую очередь – это воздействие криминальных лидеров с воли, во вторую – влияние криминалитета внутри колонии, ну и в третью – недоработки администрации.

Практически все комментировавшие эти события правозащитники говорили о том, что одной из причин этих событий был установленный в ИК-3 весьма жесткий режим. Посмотрим, насколько же он был жесткий. Одним из показателей того, какой в зоне режим, является количество осужденных, одновременно находящихся в штрафном изоляторе (ШИЗО) и в (едином) помещении камерного типа (ЕПКТ–ПКТ). В ШИЗО и ПКТ осужденные водворяются за злостные нарушения режима отбывания наказания (пьянка, драка, неповиновение и пр.), а также в том случае, если принимаемые меры результата не дают, то есть за серию пусть и незначительных, но все-таки нарушений (нарушение распорядка дня, формы одежды, санитарии и т.д.). А в ЕПКТ нарушители вообще свозятся со всей области. Это – заведение для супернарушителей. Показателем является и то, сколько человек находятся в строгих условиях содержания (СУС).

Так вот, на тот момент в ИК-3 г. Льгова в ШИЗО находилось 2 человека, в ПКТ и ЕПК – 4, а в СУСе – 28. Обычно в зонах с подобной численностью (примерно 1500 человек) таких не менее сотни. Возможно, что столь либеральные действия администрации колонии по отношению к преступным лидерам, не находящимся в изоляции от основной массы заключенных, также сыграли свою негативную роль.

Вторым поводом для массовых волнений явилось то, что зона была, по мнению критиков всех рангов, излишне «красной». То есть большинство заключенных состояло в различного рода секциях, в том числе в секции дисциплины и порядка (СДП). С этим, видимо, действительно был перебор. Но во-первых, имея нашу – российскую – тюремную систему, когда приблизительно 80% тюремного населения проживают не в камерах, а в отрядах (общежитиях), без этого не обойтись. Почему? Да потому что когда в одном месте и в одно время сосредоточены 150–200 не самых законопослушных граждан, да еще с неустойчивой психикой, можно от этой массы ожидать всего, чего угодно. Следовательно, администрация обязана каким-то образом знать, что планируют, что замышляют заключенные. Кстати, ежегодно в наших зонах предотвращаются тысячи преступлений. И не последнюю роль в этом играют как раз «красные». Этично или нет «стучать» на своих же – это уже другой вопрос. Но ни одна страна в мире не обходится без стукачей.

Конечно, если бы зеки, как, скажем, в Англии, находились в камерах по одному, максимум по два человека, то никакие «красные» были бы не нужны. Что может предпринять человек, если он в камере один? В таких условиях в тюрьмах действительно не нужны не только «красные», но и оперативная работа не нужна. К сожалению, в России сделать именно тюремную систему пока невозможно. В первую очередь из-за того, что перепрофилирование всех зон в тюрьмы обойдется бюджету в такие деньги, которые бюджет себе позволить не может. Но, по-видимому, мы все же, рано или поздно, будем вынуждены перейти от системы лагерей к тюремной системе. К тому же и в России на тюремном виде режима никаких самодеятельных организаций заключенных нет. Они там попросту не нужны.

Интересный и показательный факт: в своем телеинтервью один известный правозащитник сказал, что, «к сожалению», эта была «красная» зона. Из этого «к сожалению», видимо, следует, что зона должна была быть «черная» – то есть находиться под властью криминальных лидеров!

Действительно, в льговской колонии более 70% осужденных являются членами самодеятельных организаций – досуга, дисциплины и порядка, производственной и т.д. Наверное, администрация пошла по неправильному пути. Видимо, членов таких организаций необходимо отбирать более тщательно. Да и не нужно такое количество.

Теперь о влиянии с воли. Мне доподлинно известно (и не только от сотрудников ФСИН, но и от оперативников из Курского УВД), что еще в мае начальнику колонии Ю. Бушину звонили представители от «воров в законе» и предлагали «поделиться» властью. Он, конечно, отказался и поставил в известность об этом разговоре руководство Курского УФСИНа. А в конце мая под Курском в поселке Моква собралась на сходку группа курских авторитетов, и было решено провести акцию устрашения в «тройке». По их замыслу заключенные должны были имитировать акты суицида с тем, чтобы начальник ИК был отстранен от руководства колонией. Активное участие в этой акции внутри зоны принял ряд осужденных, которые заставляли других осужденных наносить себе порезы, имитировать голодовку и т.д.

Всего в этой акции приняло участие чуть более 350 человек. Так что цифра в тысячу и более человек, озвученная СМИ, является выдумкой. Серьезных увечий никому нанесено не было. Во всяком случае, на лечение в стационар не попал никто. В психологии известен такой термин – демонстративно-шантажное поведение. Поэтому, кроме написания «предсмертных» писем, они наносят себе еще и поверхностные порезы. Крови много, страшно, но абсолютно несмертельно.

Примерно также обстояло и с голодовкой. Осужденные приходили в столовую, брали хлеб и уходили. Согласно нормативным документам, прежде чем начать голодовку, осужденный должен письменно поставить в известность администрацию, изложить мотивы и т.д. Администрация обязана такого человека изолировать, с тем, чтобы жующие рядом не воздействовали на его психику: тяжело ведь переносить голодовку, когда рядом кто-то жует. Ничего этого не было и в помине. «Голодающие» ходили в столовую по очереди: утром идет один, а второй «голодует», в обед – наоборот. А уж про передачи родственников и говорить не приходится. В период противостояния – с 27 июня по 4 июля – официально через комнату свиданий от родственников для осужденных было принято 2848 кг различных продуктов питания.

В «тройке» есть изолированный участок, где содержатся осужденные, приговоренные к отбыванию наказания на особом виде режима. Это – профессора среди осужденных. У каждого за спиной не одна ходка, да и преступления у них весьма и весьма тяжкие. И никто из этих «особистов» ни голодовку, ни резание вен не поддержал.

А события развивались следующим образом.

24 июня к осужденному Шатунову при водворении его за нарушение режима в ШИЗО были применены спецсредства. Шатунов при обыске его перед водворением в ШИЗО не только оказал сопротивление и оскорбил контролера, но и оторвал у него погон. С целью утихомирить, к нему и применили спецсредство, нанеся при этом легкие телесные повреждения. Правомерно ли применили резиновые дубинки или можно было обойтись и без них, превысили ли свои полномочия сотрудники или нет, сейчас и разбирается прокуратура. Установит суд виновность сотрудников, значит, они будут наказаны.

Одновременно не надо забывать о том, что и отдельные заключенные, выполняя, по всей видимости, чей-то заказ (в принципе, понятно чей), заставляли других – кого насильно, кого обманом – резать себе вены. С этим тоже надо разобраться. И, насколько мне известно, заявления такие в прокуратуре имеются.

Пользуясь тем, что колония эта общего режима и, следовательно, многие плохо знакомы с криминальной субкультурой, было объявлено, что «красным», если они примут участие в акции, будет прощено их сотрудничество с администрацией. И, как ни смешно, некоторые молодые ребята в это поверили. Дальше еще смешнее: даже «обиженным» было обещано, что с них смоется это «стремное» пятно, чего попросту не может быть никогда. Но для достижения цели – массовости – «правильные» были готовы на все.

Акция эта началась в три часа ночи. А в 8.20 у ворот зоны уже стояло несколько человек – родственников и сочувствующих. Как за такое короткое время они успели узнать о случившемся? Уже в 9 утра бывший депутат Госдумы А. Федулов, ранее неоднократно судимый Лукьянчиков (Лука), работники телевидения, адвокаты, сопровождаемые группой ранее судимых, также выехали во Льгов. Все затраты по выезду, а также по другим действиям (пикетирование и т.д.), как известно от оперативников УВД, были оплачены двумя курскими преступными лидерами. Участвующим в пикетах, например, в первые дни платили по 100 долларов США. Автотранспорт (маршрутные такси) также был оплачен этими лицами.

Теперь о правозащитниках. Неправда, что никого из них в зону не пускали. Приехавший, например, Валерий Борщев свободно общался со всеми – и с осужденными, и с администрацией, старался как-то разрядить ситуацию и т.д. Тем же самым занимался и представитель Уполномоченного по правам человека России А. Бородуллин. Такое сотрудничество с тюремной администрацией можно только приветствовать. Но от «услуг» ряда других так называемых «правозащитников» Курскому УФСИНу пришлось отказаться.

Приехал, например, некто Т., ранее судимый за угон и попытку кражи. Другой «правозащитник» К. – ранее судим 4 раза (кражи, хулиганство). Третий «правдоискатель» М. – также судим 4 раза по целому букету статей УК. Ну и, наконец, вершина правозащиты! Некто П. также имел четыре ходки в зону, а последний раз был осужден по части 2 статьи 131 УК РФ – изнасиловал внучку своей знакомой. Недаром даже в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся заключенных, говорится о том, что необходимо всемерно приветствовать общение заключенных с лицами с воли, но там же подчеркивается – только лишь с лицами, «имеющими незапятнанную репутацию». Ранее судимые за кражи, изнасилования и т.д., даже если судимость снята или погашена, какую репутацию имеют они? Снятие судимости отнюдь не означает, что репутация стала безупречной.

Акции, подобные льговской, кстати говоря, криминалитет при поддержке таких вот «правозащитников» пытался провести и в других регионах: в Иркутске, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Челябинской области, в Омске и т.д. А в Саратове, например, по имеющимся данным, к попытке провести подобную акцию были причастны даже два депутата областной Думы.

Вместе с тем ФСИН, как никакая другая государственная структура, открыта для общения с «нормальными» общественными и правозащит-

ными организациями. Мало того, директор ФСИН Ю. Калинин недавно говорил о том, что «многим из правозащитников мы благодарны за их помощь, которую они оказывают и непосредственно осужденным, и нашим учреждениям в целом».

Конечно, жаль, что до сих пор не принят закон об общественном контроле за местами лишения свободы и содержания под стражей. В Госдуме находится на рассмотрении законопроект об общественном контроле за учреждениями уголовно-исполнительной системы, МВД, ФСБ и т.д. Подобные законы имеются во всех развитых государствах, и ничего плохого в этом нет. Наоборот, наличие такого независимого контроля позволяет отслеживать обстановку в изоляторах временного содержания, в тюрьмах и т.д. и быстро принимать меры по защите прав как самих заключенных, так и сотрудников правоохранительных органов. Такой контроль немало способствует и тому, что заключенные не замыкаются в своем мире, а имеют связь с волей, что позволяет им по выходе на свободу быстрее и легче адаптироваться. Почему этот законопроект до сих пор не принят, сказать сложно.

Некоторые правозащитники также высказывали мысль, что одной из возможных причин волнений в тюрьмах является то, что последняя амнистия, на которую заключенные возлагали большие надежды, была весьма куцей. Думается, это не так. Во-первых, эту амнистию особо и не ожидали. Ведь за несколько месяцев стало известно, что такой амнистии, какие были раньше, не случится. А во-вторых, и не нужны уже такие масштабные амнистии. Раньше их проводили для того, чтобы скорректировать не всегда правильную уголовную политику. Сейчас другое время. Численность осужденных значительно уменьшилась, хотя и остается пока еще избыточной. Кроме того, каждый осужденный, даже приговоренные к пожизненному заключению, имеют право на условно-досрочное освобождение и, надо сказать, пользуются этим правом. Достаточно сказать, что условно-досрочно в России освобождается почти 50% от общего числа освобождаемых. Этот показатель превышает аналогичный во многих европейских странах. Так что каждый осужденный своим законопослушным поведением во время отбывания наказания может устроить себе амнистию и освободиться раньше срока.

Конечно, из произошедшего необходимо извлечь определенные уроки. Думается, что пенитенциарная администрация выводы сделает. Хотелось бы, чтобы и другие сделали тоже.

Наум Ним

«И некому молвить...»

«Люди – это таки-ие козлы!..»

Как веско и точно сказал это Валерий Приемыхов (и его герой) в фильме «Холодное лето...»! Потом я снова услышал те же слова от Приемыхова. Я и говорил-то с ним только два раза: когда брал у него интервью для «детского» номера «Индекса», да на «круглом столе» кинофестиваля «Сталкер», посвященном детским проблемам сегодняшней России и, в частности, проблемам детских колоний. После окончания фестивального мероприятия те же проблемы кружили нашу беседу за столиком, где мы с Валерием уединились, и там он снова произнес ту же фразу с той же провальной и убедительной безнадежностью. Он был уже болен и сгорал безудержно и, может быть, поэтому точнее меня чувствовал, что никакими словами и никакими милосердными призывами наших лоснящихся начальничков не проймешь. Особенно – тюремщиков. Только – глушить...

Это было давно, и в те дни нас еще часто до хрипоты продувал сквознячок надежды, а сейчас уже и Валерия нет, и все гуще ситуации, в которых с дрожью обвала осознаешь – без толку. Но в разреженном воздухе такого прозрачного понимания невозможно ни дышать, ни жить. И понемногу отходишь. Крутишься в реализации фантастических проектов, встречаешься с тюремщиками и стражниками, видишь их в неслужебной обстановке и удивляешься: ну, совсем как люди...

Слова, тексты, журналы, «круглые столы» и представительные конференции – все это кажется разумным лишь до поры, пока мы обволакиваем наших тюремщиков понимающим вниманием, любезным уважением и заботливым сопереживанием трудных обстоятельств их самоотверженной службы. Но стоит только на чуть-чуть усомниться в правильности того порядка, который тюремщики устанавливают в своих застенках, как тотчас сползает с них легкий макияж толерантности.

Тут и видишь, что все они – таки-ие козлы!..

«Все они – такие мрази!..»

Так откровенничал о заключенных отставной генерал, командовавший в недалеком прошлом всеми промышленно-производственными ресурсами ГУИНовской империи Советского Союза.

Это было лет десять назад. Все лагерные промки дышали на ладан, а в зонах томилась, бузила и бедовала не одна сотня тысяч безларешных доходяг. Вольные производства в то время тоже разрушались, но там этими процессами заправляли именно те, кто нацелился все те народные богатства сгрябчить в личную собственность, а лагерные промки невозможно было захватить, и они просто разворовывались до винтика.

Тогда и возник вполне сумасшедший проект создания совместных с иностранными промышленниками предприятий на базе лагерных производственных ресурсов. Иностранцев могла привлечь возможная дешевизна выпуска каких-либо вредных в производстве промышленных полуфабрикатов. Там у себя они не очень хотят организовывать вредные производства, и то, что для них смерти подобно, у нас, по обыкновению, могло бы послужить для выживания. Ну а в качестве компенсации их можно бы было заставить организовать вполне человеческие условия на лагерных промках, и тогда условия и в самом лагере, что вокруг этой промки, вынуждены бы были подравняться под человеческие.

Конечно, я понимал, что весь этот прожект – чистая фантастика. Ну а вдруг? Время было такое, когда неожиданно могла осуществиться самая невероятная фантастика... Куча сил уходила на челночную (точно по анекдоту) дипломатию, и вот мой друг (точнее – друган) устроил эту встречу с профессионалами лагерного производства.

– Все они, пля – таки-ие мрази! – убеждал меня генерал в ответ на предложение об улучшении условий содержания заключенных за счет доходов от наметившегося на лагерной промке совместного со шведами производства. – Их, пля, надо вот так держать, – генерал свернул сосисочные пальцы в пухлый кулак.

Через несколько минут выяснилось, что никакие улучшения зекам на той промке не светят.

– Нормы питания и условия содержания осужденных, пля, утверждены наверху, – генерал для убедительности направил палец в потолок, – а если хотите знать мое личное мнение, – он стукнул кулаком по столу, – я, пля, эти нормы полностью привязал бы к производственному плану. Как во времена великих строек. Вот тогда бы было настоящее производство!..

– В задницу этих козлов. – Я встал, прекращая беседу. – Пошли отсюда.

А потом курил в коридоре, с охолодевшим сердцем слушая из-за приоткрытой двери долгие извинения и расшаркивания своего друга. Он объяснял мое неадекватное поведение тем, что моя психика, мол, еще не оправилась от лагерных переживаний и что они, как разумные люди, должны снисходительно относиться к моему болезненному состоянию. (И это – друг? Самое большое – друган...)

Достигая взаимопонимания с козлами, можно незаметно для себя начать обрастать козлячьей шерстью...

Минула целая жизнь. Этот вот журнал – «Неволя» – вобрал в себя все придушенные, но еще живые надежды на преодоление нашего традиционного рабства и холуяжа. Там, в пространствах неволи, за колочками барака-палаты-казармы постоянно работает заразный источник, инфицирующий нас сладостным уродством безраздельной власти над ближним. Как электрическая батарея создает напряжение разделением зарядов, так и пространства неволи напряжением разделения обычных людей на «козлов» и «мразей» создают совершенно особое поле, в котором живет вся страна. В этом поле каждый бесхребетный холуй стремится найти себе жертву для безраздельного владычества и каждый злодей, измывающийся над отданными в его власть безропотными людьми, гнет угодливую спину перед своим начальником...

Может ли какой-то маломощный журнальчик хоть на чуть-чуть уменьшить это губительное напряжение? А какая-то немногочисленная организация прибабахнутых энтузиастов – может? А встреча за очередным «круглым столом» правозащитников и профессионалов тюремного ведомства?..

Иногда кажется, что все это возможно.

А потом происходит какой-то очередной кошмар, наподобие того, что произошел во Льговской колонии, и тюремные начальнички выстраиваются дружной стеной, обвиняя в произошедшем кого угодно, но даже маленькой трещинки сожаления о покалеченных жизнях не обнаружить в той глухой стене. Да что там – сожаления! Хотя бы морщинка сомнений мелькнула на их козлячих лбах...

Прочтем еще раз выдержки из комментариев тюремного ветерана¹.

На самом деле в Льгове ничего экстраординарного не произошло. То, что события в колонии столь широко освещались в прессе, было следствием хорошо спланированной, как сейчас модно выражаться, пиар-кампании...

Мне доподлинно известно (и не только от сотрудников ФСИН, но и от оперативников из Курского УВД), что еще в мае начальнику колонии Ю. Бушину звонили представители от «воров в законе» и предлагали «поделиться» властью.

...в конце мая под Курском в поселке Моква собралась на сходку группа курских авторитетов, и было решено провести акцию устрашения в «тройке». По их замыслу заключенные должны были имитировать акты суицида с тем, чтобы начальник ИК был отстранен от руководства колонией. Активное участие в этой акции внутри зоны принял ряд осужденных, которые заставляли других осужденных наносить себе порезы, имитировать голодовку и т.д.

Согласно нормативным документам, прежде чем начать голодовку, осужденный должен письменно поставить в известность администрацию, изложить мотивы и т.д. Администрация обязана такого человека изолировать с тем, чтобы жующие рядом не воздействовали на его психику: тяжело ведь переносить голодовку, когда рядом кто-то жует. Ничего этого не было и в помине.

24 июня к осужденному Шатунову при водворении его за нарушение режима в ШИЗО были применены спецсредства. Шатунов при обыске его перед водворением в ШИЗО не только оказал сопротивление и оскорбил контролера, но и оторвал у него погон. С целью утихомирить к нему и применили спецсредство, нанеся при этом легкие телесные повреждения.

Акция эта началась в три часа ночи. А в 8.20 у ворот зоны уже стояло несколько человек – родственников и сочувствующих. Как за такое короткое время они успели узнать о случившемся?

Все затраты по выезду, а также по другим действиям (пикетирование и т.д.), как известно от оперативников УВД, были оплачены двумя курскими преступными лидерами. Участвующим в пикетах, например, в первые дни платили по 100 долларов США. Автотранспорт (маршрутные такси) также был оплачен этими лицами.

Вот такая у них правда.

Зека ведут в ШИЗО, а он сопротивляется, оскорбляет стражей, рвет псам погону, и они вынуждены применить спецсредства. Верите в такую

запредельную терпимость тюремщиков? Почти по анекдоту, когда работа роняет на ногу товарищу кувалду, а тот ему: «Вася, ты не прав».

Зато сведения адвоката² о зверском избиении бедолаги на «совете профилактики» и последующем водворении в ШИЗО – эти сведения представляются куда достовернее.

А как фальшива их постоянная песня о том, что «генералы преступного мира» командуют резать вены и объявлять голодовки для того, чтобы криминальные авторитеты смогли захватить власть в лагере. (Спасибо, что не во всей стране. Или там уже захватили?) Так же военные одну и ту же песню поют нам о причинах солдатских побегов: мол, получил письмо... девушка бросила... впал в буйство...

И про голодовку очень трогательно. У них, оказывается, в нормативных документах расписано, как я должен голодать в знак протеста против их же произвола. Чистый Кафка. Помните, как главный тюремщик страны Ю. Калинин утверждал, что Ходорковский, объявивший сухую голодовку, вовсе не голодает, потому что к ним не поступало соответствующего заявления? Более того, Калинин объяснил, что Ходорковский не может голодать, так как тратил в месяц более тысячи долларов на питание, а при такой заботе о здоровье человек голодать не будет. Вот уровень их правосознания и понимания.

Может, в их ведомстве уже разработаны нормативные документы о правилах протестного суицида? (Написать заявление, дожидаться перевода в отдельную камеру, повременить до прихода соответствующей комиссии, которая зафиксирует, что заключенный не пользуется запрещенными предметами... С них станется.)

На самом деле тюремщики до глубины души задеты тем, что зеки оказались не тупорылыми баранами, а предусмотрительными и рассудительными людьми. Отмудоханные бейсбольными битами (ради собственного блага и исправления), они не повесились втихую – в злобе и отчаянии, а сумели разумно организовать мощный протест. Про то, что кого-то силой и угрозами заставляли примкнуть к протесту – это чушь, но, конечно, предлагали. И какими бы заманчивыми ни были те предложения, не могли они перевесить убедительность бейсбольных бит, что покачиваются в руках граждан-начальников. Ведь про то, как будут мудохать протестантов, как будут «уговаривать» забрать обратно свои заявления, какими методами и способами – про это знает самый последний чертяка на любой зоне.

² Заявление адвоката Елены Липцер (Е. Ихлов. Львовские хроники. // Неволя. 2005. № 5. С. 136.)

Так бывает всегда. Группы активных протестующих увозят на этапы и, гоняя до звона костей, в конце концов добиваются, что большая часть зеков меняет свои заявления на другие, в которых никаких претензий к администрации нет. И хорошо еще, если в тех других не будет лживых обвинений в адрес своих товарищей, которых тюремщики избрали в жертву... Так было и здесь, и в таком исходе никто сомневаться не мог. Снимут начальника или оставят, но все равно протестующих отработают по полной программе. И зная это, не одна сотня человек включилась в протест. Значит, и впрямь – достали...

Начальника Льговской колонии сняли. Всего-то. Судить будут не его, а зачинщиков. Да и сняли его, скорее всего, не потому, что в его лагере практиковалось массовое зверство по отношению к заключенным. Сняли потому, что оказался неспособным предотвратить протестующие выступления, не смог удержать свои зверства и недовольство ими внутри глухих лагерных стен, не упредил и не сорвал грамотно организованную информационную и юридическую поддержку протестующих заключенных. Вот это их больше всего и жжет. С этим они и нацелены бороться. Сюда бьют все их вымыслы про бешеные бабки и всепроникающие щупальца зловещего Преступного Мира. Очередная страшилка – на смену тихо почившим Силам Империализма, которые в воображении наших стражников упорно маячили за любыми протестными выступлениями в также почившем СССР...

Другим хозяевам других лагерей – урок и наука. Ничего негативного не должно выплескиваться через лагерную колючку...

А в помощь им – миленькие формулировки из официального объяснения причин Льговского взрыва.

Недоработки руководства (не зверства, не преступления, а – недоработки) – только одна из этих причин, и не самая главная (в чем именно суть этих недоработок, я предположил выше). В первую очередь оказалось виновато в льговских событиях целенаправленное воздействие преступного мира, и для подавления этого воздействия хозяева не должны жалеть ни сил, ни времени (ни жизни, ни здоровья своих подопечных). Ну а следующая причина – это допущение шантажного поведения заключенных. Эта находка дорогого стоит. Вот если Ходорковский скажет, что в знак протеста против беззакония или произвола он снова объявляет голодовку, то его выходку вполне можно назвать шантажным поведением – и пресечь со всей строгостью...

Главное же (приходится повториться), что задело тюремщиков в Льговской истории – это грамотная и разумная организация протеста.

Они постараются (очень постараются) больше таких проколов не допустить. Они постараются вернуть ситуацию к привычной практике обыденных зверств. И сведения об этих зверствах не будут вспыхивать сполохами информационных сообщений СМИ, а будут тихо (и почти бесполезно) накапливаться в архивах немногочисленных и неугомонных правозащитных организаций.

Например, как это вот:

Продолжает поступать информация о грубейших нарушениях законодательства об исправительных учреждениях и УИК РФ в колониях Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Стало известно о том, что на территорию учреждения регулярно и безосновательно вводится спецподразделение «Тайфун».

Нередко спецназовцы приходят в зону для проведения таких «плановых мероприятий» не вполне трезвые или даже «под кайфом». Однажды в своем «служебном» рвении они зашли так далеко, что троих осужденных в тяжелом состоянии пришлось отправить в больницу имени Гааза. Эти же сотрудники дежурили возле палаты, чтобы информация об избиении и о беспределе со стороны администрации колонии никуда не просочилась.

1 сентября 2005 г.

Борис Пантелеев,

Санкт-Петербургское отделение

ООД «За права человека»

А потом все эти правозащитные организации объявят пособниками преступного мира и, изготовив доказательства их финансовой зависимости от этого мира (или от других несомненных врагов Отечества), упразднят напрочь. И хорошо еще, если этим упразднением их вычеркнут только из общественной жизни, а не из жизни вообще...

Так неужто без толку?..

И все-таки даже в такой безысходности проблескивает маячковый свет. «Троих осужденных в тяжелом состоянии пришлось отправить в больницу имени Гааза». Что-то откладывается прочным фундаментом в болото отечественного произвола. Не исчез бесследно смешной и нелепый доктор, который, казалось бы, в абсолютно бесполезный распыл пустил всю свою жизнь.

Он растратил ее и немалое состояние, в частности, на то, чтобы облегчить смертные каторжные этапы, чтобы тысячам каторжан обшивали ножные кольца их кандалов тканью. Он не решался даже заикнуться, чтобы кандалы убрали совсем, понимая, что звонкая реальность

этих оков никогда не подвинется для подобного вольнодумства. Он просил только минимально облегчить каторжную участь. Чтобы не сковывали по пять человек до кучи на один прут, чтобы заменяли тяжкие цепи на другие – облегченные, чтобы чуток помилосердствовали... Доктор был вхож в самые большие дворцы, где посмеивались над его юродивыми пристрастиями и даже сочувствовали, но – в основном – только этим и ограничивались...

Стоило ли тратить себя с таким результатом?! Проблему решили совсем другие люди. Наладили железные дороги, организовали перевозки пассажиров, в том числе и каторжан, – и порядок.

Казалось бы: вся жизнь – в распыл и без толку. Но прочным камнем сохранилась память об упорном докторе, и вот она реализовалась в больнице, где худо-бедно, но оказывают какую-то помощь арестантам нового времени. И на самом деле: если бы не иррациональные усилия странного доктора, если бы не его жизнь, истраченная на утверждение его правды, то, может, и железных дорог бы не появилось, и паровоз бы еще не изобрели...

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 6.09.2005 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная